

Элеонора Лазарева

ВКУС СЧАСТЬЯ.
ИТОГО ...

Annotation

Это рассказ о девушке с крепкими нервами, со сноровкой спортсменки и...с искаленной судьбой.

Что может быть печальнее, чем быть отвергнутой обществом и людьми?

Оказывается отстаивать свое право на честное имя и даже на любовь.

* * *

Это детектив с примесью ужастика и крутой боевик и роман о любви.

Итого или грозовые облака

«Я вас люблю, чего же боле,
что я могу еще сказать,
теперь я знаю в Вашей воле
меня презреньем наказать...»

А.С.Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НАЧАЛО

— И что? Теперь-то что буду делать?

Она лежала, прикрыв глаза ладонью на нижней койке в общей комнате тюремной казармы. Сегодня она выходит на волю. Воля! Как же долго она мечтала о ней! И уже почти смирилась со своей участью. Здесь в тюрьме, она три месяца доказывала, кто она и как себя вести. Вспоминались первые дни и многие из тех трех лет, что пришлось по злой судьбе ей, отличнице, спортсменке, красавице пятого курса университета, пережить, а еще и передумать, находясь здесь на северной земле страны. Сердце сжималось от осознания того, что там, за воротами, ее уже никто не ждет. Никто. В первые месяцы своего заточения, еще в период дознания, ее мать умерла от инфаркта, а бабушка уже позднее. Квартиру они продали, чтобы оплатить адвоката, универ отписал, что готов предоставить ей справку об окончании пяти курсов учебы без права написания дипломной работы, или ей придется, уже на платной основе вновь поступать на третий курс этого самого факультета оргхимии и углеводородов. Естественно, что ее уже ничто не держало в том, своем родном областном центре, где она родилась, училась, стреляла и была счастлива. Счастлива, потому что ее обожали родные и подруги, а главное Вадим, самый красивый и самый перспективный спортсмен их группы по стендовой стрельбе. Все куда-то разом пропали, как только ей предъявили участие в убийстве сына одного из богатых семей города. Но это было не так, она просто пыталась помочь своей однокурснице, когда ту хотели изнасиловать трое обкуренных парней на заднем дворе их студенческого клуба, где они отмечали преддипломную практику перед окончанием универа. Вот и получилось то, что получилось. Одна выпившая и полуголая девица явилась как раз тем самым объектом, за которую она вступилась и сейчас отбывала срок.

— Уже отбыла, — усмехнулась грустно и, вздохнув, откинула одеяло.

До пробудки осталось еще пару минут. Тихо собрав постельное белье, одеяло, подушку и сложив в ноги к грядущке железной кровати, что долго была ее советницей и подружкой, быстро прошла в умывальник. Уже одевшись и приготовив рюкзак с вещами, присела на кровать, дожидаясь сигнала. Прозвучала сирена, и задвигались, заохали, закашляли осужденные, вставая со своих мест. Как обычно, ругались вполголоса, переговаривались и выходили после утренних процедур на площадку перед зданием казармы, под звучные покрикивания охранниц. Построились и началась, как и всегда, перекличка. Она вслушивалась в вялые отклики еще не проснувшихся женщин в серых грубых одеждах, и странное волнение заползало в ее сердце.

— Неужели это ее последняя перекличка? — стучало сердце, — Еще немного времени и она покинет это место, что было ей жильем тяжелых три года? Да. Это все, — очнулась она, услышав голос старшей надзирательницы, которая вводила в курс всю группу, оглашая указ

об освобождении ее Наталью Сергеевну Зотову раньше положенного срока, аж на полгода! за хорошую работу и активную помощь в общественной жизни тюрьмы.

— Что замерла, — ткнула ее в бок Зинка.

Она была ее единственной приятельницей в этом тяжелом женском коллективе, с большими сроками отсидки, за убийства умышленные или же, как и она, с превышением самозащиты и ношением огнестрельного оружия. Это спортивного-то, с разрешением! Но, увы, этого разрешения в тот самый раз не обнаружилось в ее сумке, да и ранение было не смертельным, как потом говорил адвокат, нанятый мамой за большие деньги. Случилось непредвиденное. Тот парень, кто пытался вырвать это оружие из ее рук, сам нажал на курок и потом неудачно упал виском на угол здания, что и явилось смертельным исходом. Известный адвокат сумел доказать многие нестыковки и подставу из того, что пытались ей предъявить и добился своего, что из восьми лет ей присудили четыре за ношение оружия, хотя и спортивного без разрешения, и превышение самообороны. Все было сделано без обжалования той самой семейкой, чей обкуренный сынок, уже не раз имевший приводы в милицию и потребляющий наркотики, пытался вырвать пистолет и чем так страшно для него обернулось. Они сами понимали, что рано или поздно, могло случиться что-то подобное, но сын есть сын и наказание было назиданием и показом всем тем, кто как-то выступал еще в ее поддержку. Полгода СИЗО и три года отсидки, были для Натки той самой школой, где терялись розовые очки и закалялся характер перед предстоящими трудностями. А они обязательно будут, как обещала ей подружница Зинка, убившая своего сожителя, который просто неожиданно подставился под нож в пьяной драке в многонаселенной квартире, в ее комнате. Ее, эту комнату в Москве и предлагала она Натке, когда выяснила, что той уже негде жить в своем городе.

— Что тебя держит там, — увещевала она, — Ни кола, ни двора, да еще и та семейка не простившая отвоеванный адвокатом малый тюремный срок. Никого и ничего. Где работать с такими вот документами, где тебя каждая собака знает. Езжай-ка ты в столицу. Там есть моя халупа, можно устроиться на работу. Жизнь преподнесет много чего в таком громадном мегаполисе, где никто никому не нужен и неинтересен. Затеряешься, освоишься, оглядишься. Мне еще сидеть здесь шесть лет, а ты можешь за это время многое успеть или не успеть, — и она, захихикав, зло сплюнула под ноги.

И вот Натка перед воротами, в своем прежнем спортивном костюме и темной кожаной куртке, с рюкзаком за плечами, махнув напоследок всем оставшимся товаркам рукой, что с затаенной завистью смотрели, как за ней закрываются ворота их совместной строгой жизни. Вздохнув, они развернулись и тихо переговариваясь, двинулись в сторону зданий, где их ждала работа в швейных мастерских. И только тощая Зинка, всхлипнула громко и вытерла рукавом вдруг набежавшие слезы. Сжав зубы, круто развернулась и побежала за отделившейся группой.

Натка, вскинув мешок на плечо, оглянулась в последний раз на двери ее крепости. Три года она ждала этого момента и все представляла себе радость, с которой она покинет это место и счастливая вольная жизнь будет у нее впереди. Но тут же поняла, что радости, как таковой у нее нет, одно только странное сожаление и немного страха перед новой жизнью.

— Как-то она примет меня, — думала она, шагая к остановке маршрутного автобуса, который должен отвезти ее на железнодорожный вокзал. Пока шла, думала. Что при ней есть? Деньги, что заработала в тюрьме, несколько вещей и принадлежностей туалета и белья, да справка об освобождении, где четко было указано, что она полностью чиста перед

законом и государством. А еще, что нужно было по приезде в родной город зарегистрироваться и получить новый паспорт, уже без всяких отметок, но уже без прописки, так как жилья не было. Правда, ее прежний старый тренер, что тоже подвергся опале, за разрешение хранения оружия, хотя и спортивного, своей лучшей спортсменке, звал к себе и обещал помочь. Да и самое главное — надо было посетить кладбище, где лежали ее мать и бабушка, и это-то было очень и очень страшно.

— И зачем я тогда взяла этот злосчастный пистолет, — шептала она, грустно следя за картинками, что мелькали за окном вагона поезда, который нес ее в родные края, — Ведь тогда обещала показать его Вадиму. Вот и похвасталась новым оружием! — уныло заключила она.

Поезд пять дней нес к родному порогу, где ее никто не ждал, кроме, пожалуй, старого тренера. Он тогда не отвернулся и до самого последнего момента, когда ее уже уводили конвойные, сжимал руки и потом писал ей письма полные сочувствия и поддержки. Она знала, что в связи с ее историей, его отстранили от тренерства, и он одиноко жил в своей небольшой квартирке на окраине города, получая маленькую пенсию. После того, как его единственный семилетний сын застрелился, случайно нажав на курок, оставленного на столе пистолета, он остался один, после смерти своей жены, что не вынесла горя. С тех самых пор Терентьич, как звали его все в спортивном клубе, тренировал областную команду по стендовой стрельбе из пистолета и отдавал юным спортсменам всю свою душу. Натка пришла, как-то раз, к нему в тир пострелять и пристрастилась, заглядывала часто. Он заметил эту одиннадцатилетнюю упрямую девчушку, предложил ей записаться в группу, а уж потом забрал в свой отряд, как самую талантливую и перспективную кандидатку в мастера спорта, не однажды выигрывавшую первенство области и даже республики. Это он тогда выдал ей тот самый пистолет для ознакомления и притирки к руке, как они говорили меж собой. И он же писал в прокуратуру и сам приходил на встречу со следователями, объясняя, что и как получилось. Его-то показания и были той самой каплей в доказательствах адвоката, что перевесили чашу в смягчении приговора.

Вечерело. Поезд прибывал на вокзал вовремя и стоял здесь около получаса, чтобы потом двигаться дальше на юг. Покинув вагон, Натка остановилась на площадке перед зданием и вспомнила тот самый свой последний момент отправления в колонию строго режима. Было немного народу, в основном те, кто провожал группу заключенных и среди них ее бабушка, с мокрым от слез лицом. Она пыталась что-то кричать и махала рукой. Натка сама не могла видеть из-за своих слез, но слышала, что ее любят и будут ждать. Только вот кто и где? Она сердито кашлянула и, вскинув рюкзак на плечо, решительно двинулась через привокзальную площадь к маршрутке, что привезет к тому, кто ждал ее — тренеру Терентьичу.

Он встретил Натку с сияющим лицом и суетливо усаживал за стол, предлагая немудрящий ужин и чай. От чая не отказалась. Они долго сидели на кухне, и она рассказывала о своей жизни на зоне, работе и участии в самодеятельности, где отдыхала душой и телом. Тех, кто представлял их тюрьму на конкурсах, лучше кормили, одевали, не сильно загружали работой. Но это все было после тяжелого первого года, когда еще и Зинки не было. Когда та появилась, то сразу же прилипла к ней и помогла осадить некоторых зарвавшихся бабенок, что издевались над чистенькой, как они говорили меж собой, зэчкой, к тому ж городской студенткой, как будто вымещали на ней свою неустроенность и злость к их тепершней жизни.

Терентьич слушал, качая головой и сморкаясь, скрывая непрошенные слезы. Натка делала вид, что не замечает и пыталась иногда даже вернуть что-то смешное или несуразное той жизни, но Терентьич только глубоко вздыхал и слабо улыбался. Выговорившись, она ушла спать в комнату его бывшей супруги, что предложил Терентьич. Умывшись и переодевшись, легла на старый скрипучий диван, укрывшись тонким покрывалом. В ее голове все перекручивались рассказы Терентьича о новостях и ситуации в городе, после ее отъезда. Так она узнала, что мама и бабушка похоронены на городском кладбище за счет города. Денег не было ни на счету, ни наличных. Все ушли на оплату адвокату, как и квартира. Про однокурсников и своих по команде он мало что мог сказать, но она решила встретиться со своей сокурсницей по универу, что сочувствовала ей и даже написала пару писем на зону.

Утром Натка отправилась в полицию для регистрации, постановки на учет и получении паспорта. Все было ужасно долго и противно. Эти взгляды полицейских, их ухмылки и шепотки ей вслед. Даже пару раз услышала нелюбезное слово вслед «зэчка». Она закусывала губы и сжимала кулаки.

— Ничего, — мысленно успокаивала себя, — Все пройдет и это тоже. Надо только проявить терпение. Тут не жить.

После всех нужных встреч и разговоров, получила разрешение и направление на выправление нового паспорта. Уже к вечеру, освободившись от неприятных хождений, она отправилась на городское кладбище к родным могилам. Там долго искала и потом стояла, захлебываясь слезами. Положив на скромные холмики к деревянным крестам цветы и сладкие гостинцы, она утерла слезы.

— Простите меня, родные мои, что принесла вам столько горя. Я клянусь, что пройдет время, и вновь буду здесь, с вами, — шептала она, поглаживая землю рядом, — И поставлю вам памятники. Вы будите еще гордиться мной. А сейчас прощайте. Мне надо начинать новую жизнь.

Она опустила голову, перекрестилась, поцеловала надписи на крестах и пошла неспешно к воротам этого печального места. В ее душе было тихо и спокойно, как будто она пообщалась с мамой и бабушкой и те простили ее и поверили.

Следующий день был посвящен беготне за справками и встрече с бывшей сокурсницей, той, кто не совсем отвернулся от нее. Сидя в маленьком кафе в ее обеденный перерыв, та рассказала ей, что Вадим окончив универ, пришел работать в фирму той самой богатой семьи, кто пытался ее засудить, и даже женился на их дочери. Другие однокурсники разъехались или устроились здесь же в городе. Было много слухов и сплетен о ней и это муссировалось целый год. Потом как-то забылось, и теперь о ней редко кто вспоминал. И если раньше ее жалели, как незаслуженно обвиненную, то после уже осуждали и пели, под руководством той самой семейки, как убийцу и преступницу. Так что оставаться здесь ей не было резона по всем параметрам. Да Натка и не хотела, так как за эти дни уже сама ощущала какое-то тянущее зло и ненависть во всех учреждениях и в присутственных местах. В универе, когда забирала справку о неоконченном высшем образовании, видела вытянувшиеся лица некоторых преподавателей и даже секретарш. Они как будто удивлялись ее появлению и нехотя оформляли документы.

— Странно, что еще не плевали в след, — горько усмехалась Натка, видя их недовольные и иногда презрительные физиономии.

Только Терентьич, что приютил ее и сочувствовал, уговаривая не расстраиваться, не

подрывал Наткины устои о здравом смысле и сердечности. Сидя на маленькой кухне с кружкой горячего чая, она могла внутренне расслабиться, но внешне была нахмуренной, зажатой и твердой. На уговоры тренера остаться, мотала головой.

— Нет, Терентьич, здесь мне нет места, — глухо отвечала она, грея руки о стенки кружки, — Хочу заново все. Хочу в Москву, тем более есть, где остановиться. А там посмотрим.

Терентьич слабо соглашался и вздыхал, он опять остается один. И как будто отвечая его тоскливым мыслям, Натка улыбалась и обещала, что устроившись, обязательно заберет его к себе, так как у нее теперь никого, кроме него. Тот смущался и сморкался в платок, отворачивая голову. Но Ната знала, он надеется на эту возможность и будет ее ждать, как ждал все эти годы. Ведь, и у него тоже никого нет, кроме нее. Провожая в столицу, Терентьич обещался ухаживать за могилками и требовал с Натки слово обязательно писать ей и не пропадать. Та обнимала и даже заплакала, уткнувшись ему в плечо, как будто оставляла уже навсегда здесь и сейчас свою прежнюю жизнь.

Впереди у нее была Москва.

Глава 2

На Казанском вокзале было многолюдно и шумно. Натка вышла из вагона и, закинув рюкзак за спину и прихватив сумку с немногочисленными вещами, двинулась в сторону метро. Она должна была доехать до остановки Химки и там уже искать улицу и дом, где находилась Зинкина квартира и комната в ней. Ключ лежал в кармане, и она крепко сжимала его рукой, будто он был отмычкой дверей в ее новую жизнь, и она боялась его потерять.

Москва поразила ее суматохой, толчеей и холодностью. Это ощущалось не только в апрельской прохладной погоде, но и в равнодушных лицах вокруг. Некоторые были даже сердиты, как будто ты мешал им двигаться и жить. С большими трудами и расспросами, она добралась-таки до места и позвонила в обшарпанные двери второго этажа. Только после третьего звонка, она услышала хриплый женский голос.

— Кто там еще?

Послышались щелчки открывающихся замков, и в проеме двери Натка увидела неряшливую всклокоченную фигуру.

— Что надо? — женщина внимательно смотрела на девушку.

— Я от Зины. Можно? — спокойно проговорила Ната.

Та помолчала, оглядывая ее сверху вниз и обратно, и потом, качнув головой, открыла дверь.

— Заходи.

Натка прошла вперед, и женщина закрылась на замки, ворча под нос.

— Проходи. Что встала-то? — заскрипел голос сзади.

— Куда? — оглянулась Натка.

— Туда, — махнула рукой, — Дальше, в кухню.

Натка кивнула и пошла по узкому коридору. Справа были две двери, слева одна, перед ней две двери рядом.

— Ванна и уборная, — поняла она.

Поворот и вот уже кухня. Девушка остановилась и огляделась. Здесь явно давно не было ремонта. Стены и потолок не белены, с облупившейся краской, раковина убогая еще с советских времен с двумя кранами и соединенные потрескавшимся резиновым тройником, рядом две газовые плиты, на вид которым лет под пятьдесят. Поодаль у стен три кухонных стола заваленных грязной посудой, крошками, остатками продуктов. Рядом и в углу пустые разнокалиберные бутылки, горшки и кастрюли с крышками и без. Пол давно не мыт, запах соответствующий, окно запыленное с грязным подоконником.

— Садись, — ткнула женщина пальцем на один из замусоленных табуретов, — Рассказывай, кто ты и почему знаешь нашу Зинку. Ты тоже с зоны, где она чалится?

— Да, — ответила девушка, рассматривая сидящую напротив женщину.

Было ей около сорока, на первый взгляд. Опухшее и отекающее лицо говорило о недавней выпивке и о давнишнем подпитии, засаленный халат и встрепанные волосы о неряшливости хозяйки. И все вокруг указывало на то, что здесь живут люди опустившиеся и, возможно, уголовного толка. И хотя Зинка рассказывала, что ее квартира не была хазой, как говорят в том мире, все Наткой осмотренное вызывало в ней омерзение. Вздохнув, она рассказала о том, как они познакомились с хозяйкой той комнаты, где она теперь будет жить, и показала

Зинкину расписку с разрешением временной регистрации, заверенной начальником тюрьмы и ключ от ее комнаты. Женщина выслушала ее, закурив кисло пахнущую сигаретку, и помолчав, кивнула.

— Меня зовут Тома, Тамара, если хочешь, — протянула она Нате руку, — Все понятно. Занимай ее жилье, раз уж подруга. Здесь есть еще один сосед. Сегодня не придет, дежурит. Завтра с утра и познакомишься. Зовут дядька Митрий. Неплохой мужик, малопьющий. Я тоже, — она хмыкнула и затушила сигарету, — Не смотри сейчас так на меня. Вчера отмечали у соседки день варенья, — хохотнула она, — Ладно, иди и можешь осваиваться в комнате. Вот это, — она показала на один из захламленных столов, — Будет твой, полка тоже. Если что надо спрашивай. Моя комната напротив, поняла?

Натка кивнула. Томка дернула плечом, хмыкнула, еще раз окатив ее холодным взглядом, и ушла в свою комнату, хлопнув дверью. Девушка еще раз огляделась и, прихватив сумку и рюкзак, вышла в коридор. Эту дверь она сразу узнала, так как Зинка ее красочно описала. Выкрашенная в голубой цвет с синими разводами, она бросалась в глаза своей необычностью и вселяла уверенность в правдивости ее слов. Открыв, зашла и убедилась, что все так и есть. Небольшая комната, метров в шестнадцать, с одним окном. Чистенькая и светлая. Диван, круглый стол с четырьмя стульями вокруг и с темно красным старинным абажуром над ним, создавали какой-то своеобразный ретро уют, и если бы не шкаф-купе и современный холодильник, подумала бы, что попала в прошлые годы. На полу, возле дивана небольшой столик и старомодный торшер с большим светлым абажуром. Натка поставила сумки и открыла холодильник. Он был пуст.

— Ну, что, друг мой белый? Молчишь? — улыбнулась она, — Скоро будешь веселым и задорным, как затарю тебя.

Прикинув, что надо купить, она стукнула в дверь соседки.

— Тома! Не подскажешь, где здесь поблизости продуктовый?

— Зайдешь за угол дома и в следующем. Найдешь, — прохрипела та из-за двери, не открывая.

Натка пожала плечами и вышла. Магазин «Пятерочка» находился в следующем от нее доме на первом этаже в подвальном помещении. Близко, в двух шагах. Закупила на два дня полуфабрикатов. Придя, переделась и, засучив рукава, принялась за уборку. Сначала в своей комнате, а затем и на своем столе в кухне, заодно убрав и почистив раковину. Собрала бутылки в пакеты и вымыла пол. Нашла в шкафчике неказистый чайник и посуду, вскипятила воду и вернулась в комнату. Приготовив немудрящий обед, постучала в комнату Тамары. За все это время, та ни разу не вышла.

— Да, — послышался хриплый голос.

— Тома, — крикнула Натка, — Пошли пить чай. Заодно и поедим. Я приготовила и приглашаю тебя. Отметим знакомство.

Тут же распахнулась дверь, и та радостно выдохнула.

— Че? Есть выпить?

Ната отшатнулась от неожиданности.

— Да. Купила бутылку вина. Давай, проходи.

Открыла свою дверь и махнула рукой, приглашая. Томка зашла и огляделась, будто видела все впервые.

— Хорошо здесь, — завистливо протянула она, — Богато Зинка жила. А все потому, что любовник был не жадный. Жаль убили его. Она и убила, — припечатала словом, будто

доказывая факт.

Натке уже давно была известна вся короткая жизнь ее сокамерницы. И как все случилось тоже. За эти годы она выучила наизусть всех, кто окружал Зину все ее тридцать два года. И даже тех, кто с ней работал. А трудилась она учетчицей в типографии, где печатали учебники, методички, и всякую другую мутатУ, по ее словам, типа буклетов, визиток, реклам. Туда-то она советовала обратиться и Натке, хотя бы на первое время.

— Работу в столице найти можно, если только для жизни, то есть проживания. А дальше, как Бог пошлет, — приговаривала она, заглядывая Натке в лицо.

Сейчас, сидя за столом, уже подвыпившая, Томка рассказывала ей о своем житье и жаловалась на всех подряд, на Зинку и соседа, на цены спиртного и хозяина того магазина, где она работала уборщицей. Ната налила себе чай и в пол уха слушала словоохотливую соседку. Близился вечер. Она устала, и еще надо было кое-что сделать перед сном. Зевнув, проводила Томку на кухню курить, а сама вымыла посуду и, раздвинув диван, постелила. После водных процедур, рухнула на чуть пахнувшее плесенью залежалое постельное белье.

— Надо перестирать, — мелькнула мысль, — И все это завтра...завтра...

Это было последнее. Она спала.

Все следующие дни до конца этой недели Ната посвятила устройству и регистрации по месту жительства. Уж побегать ей пришлось немало! Московская чиновничья братия, это вам не хрен собачий. Принцип работы — пойдти туда не знаю куда, принеси то, не знаю что. Но она выдержала и получила регистрацию на три года с последующей пролонгацией еще на три при необходимости.

— Теперь — работа, — радовалась она, надеясь на лучшее.

Взяв на прокат компьютер, написала свое резюме и поместила его на сайт «ищу работу».

«Зотова Наталья Сергеевна, 27 лет, образование неполное высшее, профессия геолог-разведчик нефти и газа, небольшой опыт работы по специальности (учебная практика) и т. д. и т. п.»

Все ночи напролет она лазила по страницам инета и с нетерпением ждала ответа и приглашения на собеседования. Но пока то, что предлагали, было для нее не по профессии. Некоторые просили выслать фото. Ну, это она тоже игнорировала, понимая, что за этим стоит. И уже, когда кончались и деньги и выдержка, пришло приглашение. Она позвонила по номеру и ей подтвердили адрес, время и название организации. Ната набрала в поисковике, и оказалось, что это небольшая структура по найму специалистов на выездную работу на нефтяные и газовые скважины вахтовым методом.

— И зачем им геолог? — крутилась она в постели, вспоминая информацию, — Или они хотят мне предложить что-то уж совсем не по профессии. А если с выездом, как геологоразведка? Буду думать на месте.

С этими мыслями и уснула.

Контору нашла, на удивление, быстро. Это было небольшое, но отдельно стоящее офисное трехэтажное здание в старинном стиле. Ухоженное и даже отреставрированное, в центре столицы, оно уютно вписывалось в окружающую среду. Перед входной дверью небольшая площадка, где останавливаются автомобили и, высадив пассажиров, скрываются за угол, где им открывается шлагбаум для проезда. Видимо на подземную стоянку. Взбежав по пологим ступеням, Натка попала в современное фойе. Здесь пришлось обратиться в пропускной пункт и, получив единовременную карточку, пройти спец воротами с проверкой рюкзака. Далее через вертушку на первый этаж и направо, как подсказал улыбчивый охранник. Она нашла ту самую нужную дверь и постучала.

— Да, — услышала хриловатый мужской голос, — Входите.

Толкнув от себя, Ната вошла в кабинет. Светлый, современно обставленный, но неуютный. Потом она поняла, почему — из-за худого седого мужчины с холодными серыми глазами. Он смотрел на нее строго и с недоверием. Ну как же, молодая девица, с короткой стрижкой темных волос, в джинсах, куртке, в тяжелых ботинках на толстой подошве и с рюкзаком за плечами. Хотя...

— Здравствуйте, — первой нарушила странное молчание Натка, — Я на собеседование. Мне назначено. Мое имя Зотова Наталья.

Молчание.

— Может быть, я не туда попала? — заволновалась Ната, оглядываясь на дверь.

Молчание.

— Тогда простите, — прошептала она, делая шаг к выходу.

— Стоять! — услышала она за спиной, — Все правильно. Проходите и садитесь.

Натка развернулась и уставилась на мужчину, с недоумением.

Тот махнул рукой на стул перед столом. Она рывком сняла мешок прошла и села.

— Ваше резюме я читал, уважаемая Зотова Наталья Сергеевна. И у меня есть несколько вопросов к вам. Потом вы зададите мне свои, — резко проговорил мужчина.

— Первый. Почему незакончен ВУЗ и какой курс.

— Курс пятый. Незакончен... - она замялась, выдохнула, — Потому что сидела в тюрьме.

Мужчина вскинул глаза и пристально посмотрел.

— За что?

Молчание. Ей стало страшно. Вот сейчас она произнесет за что, и ей покажут на дверь, как было уже не раз.

— За непреднамеренное убийство, — четко произнесла она.

— Вот как? — удивился мужчина, — Расскажите.

Ната вздохнула и коротко поведала о печальном эпизоде своей жизни.

— Почему в Москву?

— Дома не осталось никого. Я одна. И к тому же город маленький.

Мужчина понимающе кивнул.

— Здесь уже куда-то обращались?

— Да, было.

— Не брали?

— Нет.

— Из-за прошлого?

— Да.

Мужчина замолчал. Молчала и Ната. Ее настроение упало ниже плинтуса.

— Видимо и здесь полный отлуп, — уныло думала она, глядя на кромку стола, за которым сидел тот, кто сейчас вершил ее судьбу.

— Слушаю теперь ваши вопросы, — сказал он.

Ната сначала не поверила своим ушам. Потом вопросительно подняла на него глаза.

— Спрашивайте, спрашивайте, не стесняйтесь, — смягчился его голос.

— А если бы меня пригласили сюда, то на какую должность? — неуверенно начала Ната.

— Судя по вашим документам, не на ту должность, что обозначена в вашем резюме. Мы набираем сейчас группу, и там не хватает человека, который будет помогать специалистам геологам, человека знающего эту работу, умеющего записать результаты, и в то же время молодого, энергичного, не обремененного семьей и не державшегося за столицу. Всего на один год. Потом по результатам и характеристике начальника партии может быть соискателем на другие места в нашей фирме. Даже в Москве. Оплата приличная. Экипировка от фирмы. Ну, как? Согласны? Считайте, что это ваша практика за пятый курс. Можно поговорить и о восстановлении и о дипломе уже здесь в московском ВУЗе.

Ната онемела. Вот именно на такое она и не могла даже надеяться. Помотав головой, будто отгоняя ненужные мысли, спросила.

— А мое прошлое? Как?

— Учитывается, — усмехнулся тот, откидываясь на спинку кресла, — Это только

придает вам вес в данном случае. Характер закален трудностями. Притом, как я читал, вы еще умеете стрелять, знакомы с оружием.

Ната кивнула.

— Во-о-т, — протянул мужчина, уже улыбаясь, — Это тоже немаловажно. Особенно в наше время. Мало ли что, правда?

Она вновь кивнула.

— Ну? Каково ваше слово? — прильнул он грудью к столу, положив руки на столешницу.

— Я согласна, — выпалила она второпях.

— Я так и подумал, когда вас увидел, — усмехнулся тот, — Все понял сразу. Вы именно та, кого мне хотелось предложить Викентьичу. Посидите. Я скоро.

Он быстро вышел из кабинета, а Ната растерялась.

— Что это было? — вдруг опомнилась она, — Я дала согласие. На что? Партия геологоразведки. Та-а-ак! Еще. Год и можно получить диплом. Еще. Выезд и практика по специальности. Еще. Зарплата. Какая? А Москва? Ха! Буду наездами. Ладно, не впервой. Из предыдущих практик многое известно. Не привыкать. А там будем поглядеть, как говорил Терентьич. Ах, да! Его к себе смогу забрать только после того, как приобрету жилье. Итак — год.

Пока она отвечала на свои вопросы, дверь открылась, и в кабинет вошли двое мужчин. Прежний, хозяин помещения и другой примерно того же возраста. Седая голова, внимательные черные глаза. Судя по одежде, обуви и часам довольно обеспеченный. Ната встала.

— Позвольте представить вам, Василий Викеньевич, молодого специалиста с незаконченным высшим. Наталья Зотова, к вашим услугам. Готова работать в партии. С условиями знакома.

Наташа кивнула. Мужчина протянул руку.

— Рад познакомится, коллега.

Ната осторожно пожала сухую жесткую ладонь. И ей стало сразу как-то просто и легко, будто камень с души свалился. Он чем-то вдруг напомнил Терентьича. Наверно веселым прищуром глаз.

— А раз уже познакомились, то забирай-ка ты ее сразу к себе, а потом все оформим, как положено, — проговорил, начальник отдела кадров, — Желаю удачи, Наташа Зотова, — улыбнулся он.

— Спасибо, — растерялась Натка, глядя на обоих мужчин.

Василий Викентьевич провел ее в свой кабинет на втором этаже. Здесь же сидели двое молодых бородатых мужчин и с удивлением смотрели на вошедшую Натку.

— Наташа, — представил ее поднявшимся парням, — Наш новый практикант. Прошу любить и жаловать. А это, Наташа, ваши коллеги Антон и Роман. Еще отсутствуют Вилен Иванович, Света и Ренат. Итого, вместе с вами, нас будет семеро. Семеро смелых, — засмеялся он.

— Чему смеешься шеф? — удивился Антон. Он был высок, черноволос, черноглаз, с крепкими плечами и длинными руками с широкими, по-крестьянски, ладонями.

— Да был в наше время такой фильм, «Семеро смелых» назывался. Как-нибудь расскажу, — усмехнулся он и сел за рабочий стол, заваленный бумагами, камнями, баночками с песком и жидкостью. В углу комнаты свалены в кучу рюкзаки, мешки, пакеты,

одежда, коробки. Было тут и оружие. В основном охотничьи ружья. Ната загляделась на них.

— Знакомо? — услышала она рядом мужской голос.

Круто развернувшись, оглядела стоявшего за спиной.

— Я — Роман, — мило улыбнулся мужчина. Он был светловолос, голубоглаз, небольшого роста, худощав. Полная противоположность Антону. В руках держал винтовку.

Она улыбнулась.

— Да, немного знакома, — поскромничала она.

— Вот как? — удивился он, — И знаете сию машинку? — и подал ей оружие.

— Угу, — гукнула Натка, оглаживая охотничий карабин.

По тому, как она держала, крутила и щупала оружие, мужчины поняли и переглянулись. С уважением кивнули.

— Понимает, — бросил Антон, — Берем.

Натка, увидев заговорщицкие рожицы, не выдержала и прыснула. И все засмеялись. Контакт был налажен.

— Завтра, после отдела кадров, ждем вас здесь Наташа. Все собираются. Вы и познакомитесь с остальными. А сегодня все свободны.

Натка поблагодарила начальника партии и, попрощавшись с ребятами, вышла из здания. Оглянувшись, она еще раз окинула взглядом старинный фасад и, радостно вздохнув, двинулась к метро. Повернув за угол, и никого не обнаружив, решила перебежать на желтый свет. И тут из-за поворота выехал джип, который тоже хотел успеть проехать на желтый и они столкнулись. Завизжали тормоза, и машина резко встала. Из нее вырвался мужчина и с матом кинулся к сидящей на дороге Натке. Она мотала головой и пыталась встать. Сначала на четвереньки, потом, при помощи матерившегося водителя во весь рост. Рюкзак отлетел к тротуару. Она начала ощупывать себя и отряхиваться от грязи.

— Ну, вы как? — услышала рядом мужской голос, — Не ранены?

Она подняла глаза на второго мужчину, что держал ее мешок, и заметила, что тот был высок, широкоплеч, черноволос. Голубые глаза смотрели виновато и с сожалением.

— Ничего, — прошипела Натка сквозь зубы, потирая бок, которым ударилась при столкновении, — Нормально.

— Может в больницу? — предложил мужчина.

— Нет, не надо, — скривилась девушка, — Терпимо.

— Точно? — допытывался тот.

— Точно-точно, — отмахнулась она.

— Ну, тогда вот ваша сумка и простите нас, если сможете. А давайте мы отвезем вас домой, а? — подал рюкзак мужчина.

— Нет, спасибо, не надо. Я сама, — резко сказала Натка, выхватила рюкзак и поковыляла, прихрамывая и отряхиваясь.

— Еще раз, простите, ради Бога! — услышала она крик в спину. Подняв руку, махнула с досадой.

Сидя в вагоне метро, вспоминала синие глаза незнакомца, что так нечаянно въехал в ее жизнь. Она усмехнулась и поморщилась, потирая ногу и колено, на которую и пришелся удар.

— Будет синяк, — вздохнула Натка.

Следующий день был суматошно-радостным. Придя в офис, поняла, что принята на работу, так как там лежал постоянный пропуск с ее именем. Она оформила все анкеты и

получила ключ-карту, для проезда в подземную парковку. Показав ее в кабинете Роману, что встретил на пороге кабинета, она рассмеялась в необходимости. Тот рекомендовал не отказываться, потому что без машины в столице, хотя и пробки бывают, очень сложно. У них у всех автомобили, что удобно не только на работу и домой, но и на пикник, на дачу или за город. Ната вспомнив вчерашний эпизод столкновения, хмыкнула, но обещала принять к сведению, и как только, так сразу, тем более, что водить машину она не умеет. Роман обещал научить. Света, их повар и медсестра, смеясь, предостерегла Натку.

— Не верь обещаниям этого ловеласа и будь с ним поаккуратнее.

На что тот, под смех остальных, доказывал, что она возводит на него напраслину, и он чист и легок, как сокол. Они перебрасывались веселыми подначками, а Наташа поняла, что здесь ей будет просто и жить и работать. И хотя они в курсе ее биографии, никто не подавал виду. Ната ожила, расслабилась, начала улыбаться шуткам и веселому разговору. Познакомилась с пожилым и суровым на вид Виленом Ивановичем и Ренатом. Вилен крепьш небольшого роста лет за сорок, с абсолютно лысой головой, рекомендовал называть себя Иванычем. Он был по хозяйственной части и еще охотником. Ренат черноволосый парень, небольшого роста, восточного типа, лет тридцати, был молчалив и редко улыбался. Но когда к нему обращались, отвечал исключительно по делу и коротко. Все были разными и не только внешне, но и по характеру, и всех объединял аватюризм и любовь к путешествиям. Эти люди не могли сидеть на месте. Их манила неизвестная дорога.

И Наташа была с ними заодно.

Все спали.

Натка смотрела в вагонное окно. Мимо проплывали домишки зрителей и путевых обходчиков, поля с зелеными всходами, черные под парами, лески-перелески, маленькие и большие вокзалы, и рядом бегущие рельсы. Бесперывный стук колес и покачивание вагона не мешали утренним мыслям. Она вспоминала, как познакомилась с ребятами и как сложно они собирались, как прощалась со своими соседями, и те выражали сожаление, как писала письма Зинке и Терентьичу о своей новой жизни и работе, о которой только мечтать, и о последнем, перед отъездом, отвальном пикнике со всей группой у Викентьича на даче. Именно там все и узнали, что Натка еще отлично играет на гитаре и даже немного поет.

На душе у нее было чисто и светло. Впереди интересная работа, неплохой коллектив, и нехилые бабки. Но это уже потом, после четырех месяцев тайги, буреломов, мошки, преправ через бурные речки и озерца, десятки шурфов. Работа вручную, тяжелая. И хотя теперь есть планшеты, ноуты и радиосвязь, все равно полно самой настоящей романтики и неизведанного.

Оранжевый вертолет компании доставил их группу на площадку в тайге, откуда и начинался их маршрут. Выгрузившись, помахали вслед улетающей машине и собрались в кружок.

— Ну, что, — усмехнулся Роман, — Фото на память?

— Давай, — и все сгрудились в одну веселую кучу.

— Чи-и-из! — крикнул Роман и вскинул руку со смартфоном.

Смарт щелкнул раз, другой, третий.

— Все-все, — крикнул Викентьич, отмахиваясь от Романа, и вынул планшетник. Набрал кодовое слово, открыл. Повернувшись к северу, махнул рукой.

— Туда и пойдём. Настраивайте компасы. Через полчаса уже не будет связи. Выходим в мертвую зону.

У каждого на руке часы с компасом и маршрутная карта в старых советских планшетах. Взвалив каждый свой увесистый рюкзак, вскинув оружие, выстроились друг за другом. Впереди шеф с Иванычем, потом Натка со Светой, за ними Ренат и Роман. Антон замыкал.

Она не переставала удивляться, как быстро все притерлись друг к другу, так что понимали с полуслова и это радовало. Все знают, кто и чего стоит и на что способен. Только Натке надо было влиться в эту группу и стать неотъемлемой ее частью. Тогда и ей будет хорошо и легко. Даже условия не будут тяготить, и она знала, не понаслышке, как и что будет. Они уходили по маршруту все дальше и дальше в тайгу. В ходе полевых работ, будут изучать пласты земных пород, выходящих на поверхность месторождений их состав, происхождение, возраст и формы залегания и после разведки, давать оценку и нанести на карту.

Прошел первый месяц их работы. Сначала Натка не могла определиться, чем конкретно заниматься. Она суетилась и старалась помогать всем. Ее помощь принимали с охотой и высказывали свое к ней расположение. Им нравилось, что девчонка не хнычет, не боится любой работы, проявляет свой интерес и даже неплохие знания по профессии. И еще не унывает и играет на гитаре, которую тащила сама, прицепив к объемистому мешку. Сегодня, в свой первый выходной, напросилась на охоту с Иванычем, мотивируя интересом и своими

спортивными достижениями.

— Ты хоть когда-нибудь была на охоте? — смеялся Иваныч, соглашаясь.

— Нет, — оживилась Натка, — Но очень хочется!

— Тогда давай, собирайся, — кивнул тот, — Только надень высокие сапоги, может быть мокро.

— В смысле? — оглянулась на него вопросительно.

— В смысле может даже быть болоту, — усмехнулся тот в усы.

— Отлично, — вскрикнула Натка и бросилась в женскую палатку.

— Ты там поосторожнее, Иваныч, — предупредил Викентьич старого друга, — Мало ли что. Девчонка молодая, многого не знает.

— Ты меня знаешь, — отмахнулся тот, — Чего уж. Пусть привыкает.

Натка выскочила одетая и обутая так, как советовала ей Светка, не раз бывавшая с Иванычем на охотничьем промысле. Проверив карабин с визором, закинула на спину рюкзак для живности и на плечо оружие. Нахлобучив бейсболку на голову, с улыбкой вытянулась перед шефом и Иванычем.

— Практикант Зотова Наталья к охоте готова, — козырнула она, приложив два пальца к брови.

Все засмеялись.

— Ну-ну, — похлопал Викентьич ее по плечу, — Раз готова, то вперед. И не шали там.

Иваныч махнул рукой, помотав головой, повернулся, и, поправив ружье, двинулся к краю поляны, на которой они уже трое суток вели полевые работы и где устроились основательно, даже построили времянку из неошкуренных бревен, что напили сами. Там был их штаб, склад, и образцы пород. Рядом стояли три палатки женская ее и Светкина, шефа с Иванычем и побольше, на троих ребят. Весело трещал огонь костра с закопченным чайником, рядом самодельный стол и пеньки для сидения. Все это Натка окинула взглядом, повернувшись на краю опушки. Вздохнула и со шемющим сердцем двинулась вслед за Иванычем. Она еще не знала, что смотрит на этот мирный лагерь в последний раз.

Натка двигалась за Иванычем, продираясь через кусты и поваленные деревья. Погода стояла отличная. Июньское солнце уже жарило, и быстрая ходьба вызывала сильное потоотделение. Майка под ветровкой намокла, и капли пота стекали по вискам и шее, заставляя чаще отмахиваться от жужжащей мошки и комаров. Они шли уже три часа, то спускаясь в овраги, то поднимаясь на возвышенности.

— Как мог ее спутник находить дорогу в этом буреломе? — все чаще посещала тревожащая мысль.

— Иваныч, — пытала Натка, — Уже скоро?

— Устала? — остановился тот, снимая шляпу и отирая ею потный лоб.

— Я даже не знаю, куда мы идем и скоро ли будем, — проговорила та с укором.

— Уже скоро, — обмахнулся он шляпой и нахлобучил вновь на лоб, — Еще пару километров и мы на месте.

— На месте, это где? — заворчала за его спиной Натка.

— Тут недалеко озерцо, — медленно под размеренный шаг рассказывал он, — Там и поохотимся на уток. Их там страсть как много.

— А можно ли, без лицензии? — ответила она.

— Можно, — усмехнулся Иваныч, — Здесь все можно. Мы в таком глухом углу, где ноги еще человека не было.

— А откуда ты знаешь?

— Так по геосъемкам читал. Никого. Белое пятно. Веришь?

— Верю, — произнесла она, пыхтя за его спиной.

Они шли почти час, пока не почувствовали запах застоявшейся воды.

— А вот и озеро, — шумно выдохнул Иваныч, раздвигая густые кусты.

Он ступил в хлябющее болотце и тут же вскинул карабин. Шумно поднялись птицы, и раздался выстрел. Один затем второй и третий. Натка даже не успела очухаться, как увидела падающие тушки. По траектории поняла, что недалеко и ринулась вперед, вскидывая свое оружие на плечо. Взглянув в визор, прицелилась и выстрелила. Попала в летящую цель. Утка вскинулась и начала падать.

— Ловко ты ее, — крикнул мужчина из-за кустов, что кучно росли вдоль мокрого берега, — Стой на месте, я сейчас.

Через минут десять показалась фигура мужчины с двумя тушками в руках.

— Будем считать, что одна из них твоя, — улыбался Иваныч, показывая на птиц.

Через некоторое время уже горел костерок, и они дружно ощипывали птиц, бросая перья в огонь. От этого шел специфический запах и густоватый белый дым. Вскоре, потрошенные тушки жарились на деревянных вертелах и вкусно пахло копченостями.

— Ты неплохо стреляешь, даже на вскидку, — причмокивал мужчина, отрывая крепкими зубами куски мало прожаренной утки, — я был поражен. Молодец.

Натка хмыкнула и пожалала плечами. Да, она была мастером спорта за что и попала, как кур в ошип. Ах, если бы... Хотя не бывает в житейском времени сослагательного наклонения. И теперь ей это было хорошо известно во всех смыслах.

После удовлетворения своих appetитов, они затоптали костерок и собрались на дальнейшую охоту, уже для отряда. Шли вокруг озера, стараясь не шуметь. Раздвигали кусты и мелкий камыш, оглядывая воду. Вскоре Иваныч заметил птиц и присел, замахав ей рукой. Натка тоже присела. Тот приложил палец ко рту и показал на прореху в зарослях. Осторожно снял с плеча карабин и вскинул к плечу. Его маневр повторила и Натка. Взглянув в оптику, заметила несколько плавающих птиц и, прицелившись, ждала отмашки Иваныча. Тот вскоре кивнул, и они выстрелили вместе. Эхо прокатилось по окружению и в высь взметнулись птицы. Пара уток осталась на месте, и Иваныч вошел в воду, подтягивая вверх отвороты резиновых сапог.

— Опять наших две, — весело крикнул он из-за кустов.

Появившись на берегу, бросил тушки на землю и встряхнулся.

— На утиную охоту полезно брать с собой собаку. А здесь я за нее, — засмеялся Иваныч, приводя себя в порядок. И в это время они услышали странный звук. Взглянув ввысь, замерли. Над ними висел небольшой вертолет, странной окраски, бело-голубой с черными лопастями без опознавательных знаков.

— Ложись, — крикнул Иваныч и упал в кусты.

Натка замешкалась, но потом также рухнула на землю. Полежав немного, приподняла голову, осмотрелась и вслушалась. Иваныч также смотрел в небо. Вертолет поднялся выше и улетел в сторону лагеря, как он сказал потом.

— Надо спешно идти туда, не нравится все это.

— А что за машинка? — спросила она, кивая на небо.

— Не знаю, — отрывисто произнес тот, подбирая карабин и приторачивая тушки к поясу, — Готова?

Натка кивнула, и они спешно ринулись к лагерю. Шли быстро и девушка уже начала уставать и приотсталала. Мужчина нетерпеливо оглянулся.

— Отдохнешь?

Та кивнула, и устало привалилась к дереву, отстегивая флягу с водой.

Потом они шли еще два часа, останавливаясь на короткие промежутки. Вскоре показались знакомые деревья и, протиснувшись сквозь густые кусты, охватывающие рабочую поляну, они вышли к лагерю и застыли в ужасе.

Кругом было все разбросано и повалено, будто кто-то боролся. Людей не было видно. Они бросились в раскрытые палатки, натываясь на разбитые приборы, разбросанные склянки и бумаги, остатки продовольствия, что были вмяты в землю. А еще были следы крови. Немного. Видимо не сдавались до последнего, но мертвых тел не было нигде. Иваныч с Наткой долго бродили вокруг, поднимая оставшиеся банки продуктов и вещи, и складывали молча в кучу на стол. Потом присели на скамью.

— Как ты думаешь, Иваныч, что произошло и где наши? — тихо сказала Натка.

— Нападение, милая, нападение, — откликнулся тот, — А вот кто и зачем, не понимаю. Кому мы нужны? Ведь не золото ищем и не алмазы. Что-то здесь не так.

Он замотал головой и вздохнул.

— Как ты думаешь, — продолжила встревожено Натка, — а наши целы и где они могут быть?

— То, что нет тел, звучит обнадеживающе. А вот где, тут надо покумекать. Следов, как ты видишь, нет. Значит, вывезли по воздуху. Помнишь тот вертолет?

Натка кивнула.

— Вот, — протянул он, — Думаю, что вывезли на нем. Только зачем? Вопрос. И куда идти нам их искать, тоже. Надо думать. А пока осмотри вокруг, что можно взять с собой из оставшегося, в смысле продуктов, медицины и патронов, если найдешь. Думаю, что придется повоевать, — хмыкнул он невесело.

Натка час собирала в два вещмешка все то, что нужно было в походе, и даже свернула небольшую палатку, прикрепив ее к своему. А еще она нашла несколько разбросанных патронов к иванычевому карабину и одну упаковку своих, чудом оставшимся на дне коробки. Видимо те очень спешили и не заметили порвавшейся тары.

Они поели холодную тушенку и, еще раз оглядевшись на распотрошенный лагерь, двинулись на юг. Там, говорил Иваныч, можно выйти к реке и двинуться вдоль нее по направлению к ближайшему селению. Определили для прохождения к нему в неделю пути, а там, как Бог даст. Есть на первое время еда и оружие, лес полон живности, грибов и ягод.

Перекрестившись, Иваныч махнул рукой вперед, и они двинулись в путь.

Они шли уже сутки. Прислушиваясь и приглядываясь, уставшие и покусанные мошкой и комарами, вышли к берегу реки, которой не было на карте. Пробившись через густой кустарник, очутились на берегу. Он был весь усыпан камнями черного цвета, похожим на осколки гранита. Ступить было страшновато, колко, даже через сапоги чувствовалась боль, будто ступаешь босыми ногами. Натка вскрикнула и повернулась назад сквозь кусты к полянке перед водой. Туда вышел и Иваныч.

— Что это было? — кивнула она на место, из которого только что выбрались, — Я такого не видела и не слышала. Будто по иглам наступаешь.

Иваныч пожал плечами, в недоумении вновь вглядываясь в карту на планшете, что висела на плече.

— Что-то странное, — пробормотал он, водя по ней пальцем, — судя по карте, ее не должно было быть тут. Но она, почему-то есть, — хмыкнул и вновь приник к ней.

Натка огляделась и ахнула.

— Гляди, Иваныч, — привлекла она его внимание на мах руки вокруг, — Что это такое?

Иваныч дернулся и взглянул в сторону руки девушки. И застыл. Он такого себе даже не представлял. Вместо обычной тайги с ее темно-зеленой густой растительностью, виделся темно-синий глухой лес, с высокими кустами, похожими на папоротник. Пения птиц и писка комаров не было слышно. Только гулкой звук текущей воды за странными растениями, плотной стеной стоящими на берегу. Пробиваясь сквозь них, они сразу и не углядели их частоту и даже окрас. Когда подошли было все, как обычно, но, выйдя на берег, ступив на его камни, вернулись обратно уже в другое место. Почему? Что случилось?

Они долго топтались на одном месте и потом вместе склонились над картой.

— Иваныч, — невесело протянула Натка, — ты разве не видишь, мы же вошли на неизведанные земли. Тут обозначено, как «белое пятно».

— Ишь, ты, глазастая, — проворчал он, раскрывая карту еще на треть, — Точно, не обратил внимание на пунктир. Это, выходит, мы забрели на территорию первыми? Первопроходцы, мать ее ити, — крякнул тот с досадой.

Натка прислушивалась к звукам и не находила знакомых. Было тихо и даже, казалось, мертво. Станный холод заползал в сердце. Это не был страх перед неизведанным, это было желание бежать и прятаться. Только вот отчего, пока неизвестно. Вскоре чувство рассеялось и сердце успокоилось. Она взглянула на мужчину, будто интересуясь, испытал ли тот такое же, но увидела только склонившуюся фигуру над картой и указательный палец, что чертил что-то по бумаге. Потом он вскинул глаза на девушку, будто что-то почувствовал.

— Что?

— Так...пришло как-то что-то странное, — пожалла та плечом, — потом пропало.

— А-а-а..., - протянул он и сложил карту в планшет, — Будем двигаться дальше.

Повернувшись, направился вдоль реки, огибая частый кустарник. Натка двинулась за ним, оглядывая ландшафт и прислушиваясь к звукам. Так шли часа два. Местность оставалась прежней, берега реки в такой же гальке, дуновение ветра почти не ощущалось. Было впечатление, что все приготовилось к грозе. Воздух сжимался, становился плотным, ветер вовсе отсутствовал и деревья опустили свои ветви, будто пряча их от надвигающейся бури.

— Иваныч, — проговорила громко девушка, — может остановимся. Кажется, будет гроза. Как думаешь?

— Может быть, — проговорил тот, оглянувшись через плечо, — вон видишь овраг? Надо спуститься и оглядеться. Может есть, где спрятаться.

Они спустились с крутого берега к самой кромке реки, ступив на черные колкие камни, и увидели подходящее место, прямо возле воды.

— Надо нарубить лапника, — сказал мужчина и пошел обратно в лес.

Натка осмотрела земляной навес над углублением, потрогала его руками, потом побила сапогом вокруг, пробуя на осыпь и осталась довольна тем, как крепка была земля, опутанная корнями трав и кустарников, росших над нею.

Потопталась, подгоняя камни друг к другу, откатывая сапогом острые в сторону, собрала побольше к стене, и выбралась на берег. Там увидела мужчину тянувшего за собой несколько пушистых веток сосны.

— Я за хворостом, — крикнула она, — там внутри камнем выложила кострище.

Тот кивнул, понимая, и потащил ветви далее, а Натка направилась к лесу, наклоняясь всякий раз, прихватывая сухие сучья. Вскоре в ее руках была большая охапка хвороста. Спустившись к месту их стоянки, наломала все на отдельные ветки и сложила под заднюю стенку, чтобы вода не добралась. Костер поможет время скоротать и обсушиться, ежели что, да и пищу разогреть.

Темнело стремительно. Ветер появился почти внезапно и рывками. Загудел, завыл, подмял под себя кусты и папоротник, зашелестел в листьях деревьев, зарядил темную воду речки. Тучи, что медленно ползли по небу, налились чернотой и, опустившись ниже, помчались, подгоняемые упругими толчками ветра. Вскоре раздался первый удар грома. Он был отдаленный, и не видно было молний. Но уже через некоторое время гроза приблизилась почти вплотную и уже над Иванычем и Наткой, что спрятались под навесом берега, грохотал гром и змеились вспышки молний. Так гремело и полыхало минут двадцать, а потом опрокинулся ливень. Ветер менял его направление и люди, укутавшись в плащ-палатку и прижавшись друг к другу, со интересом наблюдали действия стихий. Они и не пытались говорить, так как грохот грозы не давал такой возможности. Они молча смотрели на воду, что поглощала огненные стрелы молний и закручивалась в спирали.

Прошло время и гроза начала стихать, ветер двигал ее дальше в сторону, звуки грома удалялись, и полыхание молний уже едва виделись. Вода в реке успокаивалась, светлело небо. Только были слышны звуки отдельных капель дождя, и ручейков, что стекали к кромке реки. Вскоре дождь прекратился, и небо поглубело, будто омытое.

Натка вылезла из под навеса и огляделась. Лес уже не казался таким уж темным и синим, кое-где даже проглядывали зеленые елочки и даже белые стволы березок, разбавлявшие ряды высоких сосен. Послышались первые звуки пернатых, и у девушки отлегло от сердца, все же она видела обычную тайгу, свою, родную, а вот галька, оказывается, была серой, правда темно-серой, не такой, как показалась вначале. Все ушло с грозой, будто умылось от темени.

— Хорошо-то как! — потянулась с улыбкой Натка, оборачиваясь к мужчине.

Тот усмехнулся и принялся собирать вещи и рюкзаки, отряхивать с них воду, просочившуюся в невидимые щели навеса. Разжег костерок, вытащил несколько банок и пакетов, осмотрел и вскрыл их.

— Иди, дочка, надо поесть, — крикнул, улыбаясь.

Натка спустилась. Поев, они осмотрели свое оружие, сложили рюкзаки и двинулись вновь вдоль реки. Идти было уже сложнее, так как земля пропиталась водой и попадались топкие места. Приходилось обходить их по большой окружности, но маршрут сохраняли.

И вот при такой же необходимости, они отделились в лес, и вышли на большую поляну. Остановились, как вкопанные. Перед ними, запрокинувшись на сломанное крыло, лежал двухместный белый легкий самолет. На его борту крупными буквами было написано «Газпром». Видно было, что он упал недавно, но не взорвался, потому что лил сильнейший ливень, который и погасил пламя. Они, не сговариваясь, бросились к нему. Кабина была почти врыта наполовину от падения, прозрачные стекла забрызганы грязью и травой, кругом растекались лужи с бензиновыми радужными кругами. Иваныч попытался прокатать машину в разные стороны, чтобы добраться до дверцы, но она не поддавалась, прочно сев в землю. Натка взобралась по хвосту и, придвинувшись к верхней двери, попыталась ее открыть, но ее также заклинило при падении.

— Там кто-то есть живой? — крикнул Иваныч, наблюдая за Наткиными потугами, — Посмотри.

Натка прислонилась лицом к стеклу и, отгораживаясь ладонью от света, попыталась высмотреть, что было в кабине. Частая сетка разбитого когпита не давала такой возможности.

— Плохо видно, — крикнула она, и продолжила дергать дверцу.

— Надо чем-то поддеть, — вскинулся Иваныч, — На вот нож, — и протянул его девушке.

Она начала поддевать створку. Вскоре та поддалась и Натка с большим трудом медленно сдвинула ее в сторону. Перед ней открылась картина пристегнутого пилота, свесившегося внутрь кабины и без признаков жизни.

— Эй! — потормошила его девушка, — Ты живой?

Тот застонал.

— Есть один и живой! — крикнула она Иванычу, на что тот с изумлением качнул головой.

— Надо же. А второй?

— Пока не знаю. Надо этого как-то вытащить. Помоги.

Иваныч также влез по хвосту к ней, и они вдвоем, отстегнув от ремней, вытащили большое мужское тело. Положили на расстеленную плащ-палатку и быстро осмотрели его. Сняв шлем, поняли, что удар пришелся на лоб и в правую руку, но был не смертельным. Лицо залито кровью от этой раны, глаза закрыты, видимо от боли и он тихо стонал.

— Я посмотрю еще и второго, — сказал Иваныч и взобрался на самолет.

Пока он там возился, Натка смочила полотенце водой, осторожно обтерла лицо и осмотрела рану на предплечье. Опасности не было, видимо просто удар головой и потеря сознания. Наложив на рану бинтовый спецпакет, вколола ему обеззараживающий и обезболивающий укол. Рану на лбу заклеила пластырем.

— Помоги, — услышала голос Иваныча.

Подняв голову, увидела, как тот вытаскивает еще одно тело. Вскочив, быстро взобралась к нему и подхватила ношу. Вдвоем, они также положили мужчину рядом с первым. У него тоже была рана на лбу, но он был без сознания. Осмотрев, Натка не нашла на том ни одной раны. Также оmyв голову, она заклеила порез пластырем.

— Ты куда? — вскинулась она, когда Иваныч, кряхтя, вновь начал взбираться на

самолет.

— Посмотрю, что там еще есть в кабине. Может вещи какие или телефон. Хорошо бы рацию.

Натка кивнула и начала рассматривать лежащих на земле мужчин. Вдруг один из них, тот второй, внезапно открыл глаза.

— Ты кто? — прохрипел он.

— Я — та, которая вас спасла, — улыбнулась она, — Как себя чувствуете?

— Ужасно, — выдохнул он и схватился за голову, прикрыв глаза.

— Что случилось? — вновь спросил он, приподнимаясь на локти.

— Я так понимаю, что ваш самолет упал в тайге. Вероятно, вы попали в грозу.

Он кивнул, соглашаясь и вновь скривившись от боли, охватил ладонями голову.

— Лежите-лежите, — вскинулась Натка, прихватывая того за плечо, — у вас может быть сотрясение. Надо полежать немного. Хотите, вколю успокаивающее?

— Нет, — мотнул он головой, — не надо. Так полежу, — и сомкнул веки.

— Где я его видела? — мелькнула у нее мысль, — Эти синие глаза...

— Натка, — услышала она голос Иванныча, — принимай.

Скинул два рюкзака, ноутбук, планшет, тубус, телефоны, бутылку с водой, блокнот и плед. Спрыгнул и показал ей кобуру с пистолетом.

— Нашел около кресла пилота. Видимо его, — кивнул на светловолосого мужчину, что был выгашен первым, — И еще документы в папке.

Они присели рядом с вызволенными, и Иванныч раскрыл папку. Там лежали паспорта и еще бумаги, которые оказались договорами, финансовыми отчетами и между ними лежала чековая книжка на имя Григорьева Юрия Владимировича. Там же был и его паспорт. А еще разрешение на ношение оружия от охранного предприятия на имя Михаила Петровича Огородникова, капитана МВД в отставке.

— Что это у тебя, Иванныч? — заглянула Натка ему через плечо, когда тот разглядывал документы.

— Вот нашел в кабине. Так понимаю, что это их документы. Тот, кто черноволосый — это Юрий Григорьев, а другой, как я понимаю, капитан и телохранитель. И знаешь, думаю, что этот Юрий есть один из начальников нашей конторы. Слышал про него, но не видел никогда. Говорят, что он и есть сын одного из глав «Газпрома». Шишка еще та. Учился где-то за границей и только недавно принял нашу контору. Мы же геологи, и часто бываем в изысканиях, и нам нет дела для офисных посиделок. Вот и мало знакомы с начальством, ежели только по портретам, — хмыкнул он, откладывая паспорт мужчины, — а вот с Михаилом мы встречались и не раз. Знаю его. Был заместителем начальника охранного отдела конторы. Он и выдавал нам оружие в экспедицию. Видимо сейчас перешел помощником к нему, — кивнул на лежащего начальника, — И думаю, что пилотом был Юрий, а тот сидел рядом.

Натка кивала словам Иванныча, соглашаясь, и рассматривала документы. Она, конечно, мало понимала в тех бумагах, но тщательно складывала их и потом, свернув в трубку, положила обратно в тубус, крепко запаковав крышкой.

— Пусть сами разбираются, — думала она, разбирая остальные вещи.

Из них телефоны были разбиты и непригодны, как и ноутбук, и планшет, а вот бутылку с водой, плед и пистолет пригодятся. Блокнот спрятала в карман.

— Правда нечем писать, но мало ли что, — хмыкнула она, — Бумага все таки.

Иванныч уже раскочегарил костерок и понеслись по поляне запахи съестного. Тот, который Юрий, уже сидел, прислонившись к борту самолета, и второй тоже открыл глаза и приподнялся на локтях.

— Юрий Владимирович? — удивленно смотрел он на сидевшего мужчину, — Вы как? И где мы?

— Мы, Миша, упали и попали, — хмыкнул тот невесело.

— То есть? — уже присел и принялся подниматься на ноги, но покачнувшись, сел обратно и схватился за голову.

— Эй! Ты куда? — закричала Натка, подхватившись с земли и бросившись к ним, — Сиди-сиди! Головой нехило приложился, — помогая присесть ему и прислонила того рядом с первым, — Как вы? — обратилась она к смотревшим на нее мужчинам.

— А Вы кто? — спросил Юрий, оглядывая уже осмысленным взглядом вокруг, заметив

Натку и Иванаыча, его действия у костра и поляну с самолетом.

— Я Наталья Зотова, а этот мужчина, — она кивнула в сторону, — Иванаыч, наш завхоз. И мы из группы геологов.

— Как случилось и что произошло? — продолжил он расспросы.

К нам подошел Иванаыч и присел рядом.

— Мы нашли вас здесь, в разбитом самолете, — сказал он, показывая на машину за их спиной, — Случайно. Вероятно, вы попали в грозу и вот результат. Хорошо, что живыми остались. Как себя чувствуете?

— Спасибо, хреново, — хмыкнул Юрий, — А ты Миша? — обратился он к напарнику.

— И я также, — мотнул тот головой и тут же схватился за нее со стоном.

— Нет-нет! — вскрикнула Натка, приподнимаясь на колени и хватаясь за его локти, — Пока не дергайтесь. Вероятно сотрясение. Надо бы полежать.

Она помогла лечь мужчине. Тот кивнул и закрыл глаза.

— А вы как себя чувствуете? — обратилась к Юрию, — голова не кружится?

— Да нет, — отрицательно кивнул тот, — Вы-то как здесь очутились? — обратился он к Иванаычу, посчитав того за руководителя нашей двойки.

И Иванаыч рассказал тому все, что с ними случилось.

— Вот значит как, — нахмурился Юрий, — Что будем делать?

— Надо выбиратья как-то, — пожал плечами Иванаыч, — Мы шли по пойме реки. Думаю, что сможем по ней дойти до какого-нибудь поселения. А там вызовем помощь. Надо еще и наших искать. Ведь тел мы не нашли, значит они живы. Только вот где — вопрос. И тем более, что на карте здесь белое пятно, значит неисследованная земля.

— Надо же «неисследованная», — протянул Юрий, качнув головой и усмехаясь, — а я думал, что таких мест уже нет на карте нашей Родины.

— Тайга — место глухое и сложное, я по жизни знаю, — продолжил разговор Иванаыч, — уж лет двадцать по ней шагаю и все внове.

— Согласен, — кивнул тот, — Надо двигаться. Только вот Миша. Думаю, что отлежится до завтра, а утром и посмотрим. Как думаете? — поднял взгляд на Иванаыча, признавая его главенство.

Тот закивал и махнул рукой к костру.

— Давайте поедим и вместе покумекаем. А ты, Натка, сооруди-ка палатку, и мы переложим туда нашего Мишу. Пусть отлежится. Все равно поесть он не сможет, раз сотрясение. А попить ему соорудим.

Мужчины двинулись к костру, а Натка начала хозяйственную деятельность. Потом они перетасили стонущего Михаила под навес, Натка укрыла его пледом и напоила лекарством, что нашла в медсумке. Присоединившись к тихо беседующим мужчинам, она украдкой рассматривала Юрия. Теперь она вспомнила его. Это он тогда был в машине, что стукнула ее у конторы в первый день приема на работу, и это он приглашал к поездке в больницу. Она тогда запомнила его синие глаза. Натка тихонько вздохнула и прислушалась к разговору. Они обсуждали пути похода и разглядывали карту, что лежала у Иванаыча на колене. Его короткий твердый палец, чертил линии по бумаге и объяснял Юрию свой план движения. Тот кивал, соглашаясь. Натка не вникала в их разговор, а собрала пластиковые тарелки и ложки, что нашла еще в лагере и вымыла их.

— Еще пригодятся, — вздыхала она, складывая их в пакет, — Вот тебе и одноразовая посуда. Многоразовая, если что.

Ночь провели относительно спокойно, хотя Натка не раз просыпалась, когда слышала стон Михаила. Она подходила к костру, у которого сидел Иваныч, и наливала теплой воды из котелка, что висел над костром, для лекарства больному. Только под утро он заснул, и Натка тоже провалилась в глубокий сон.

Открыла глаза, будто кто толкнул. Прислушалась. Было тихо и едва расцвело. Она захотела в туалет. Выскользнув из палатки, в которой спала вместе с Михаилом, огляделась. Около потухшего костра сидел Иваныч, склонив голову на колени. Он спал. Рядом, на подстилке из чехол от самолетных кресел, спал, свернувшись, Юрий. Натка тихо прокралась в ближние кусты и присела по маленькому. Потом также тихо прошла к лагерю и, прихватив свое полотенце и мыльные вещи, направилась к родничку, что шумел недалеко. Пройдя немного, услышала хруст веток. Это были шаги, и они принадлежали человеку. Животные ступали иначе. Так ее учил Иваныч, еще будучи в их лагере. Она быстро присела за кустом и затихла. Шаги также остановились. Через мгновение возобновились, и Натка увидела, как между деревьями движется фигура человека. Это был мужчина. Он шел, осторожно ступая и оглядываясь. Потом как-то резко присел и прислушался. Натка не знала, что ей делать, то ли его окликнуть, то ли еще понаблюдать.

— Мало ли что и кто это. Может местный житель, а может и бандит. И такое бывает здесь в глухих местах. Их предупреждали еще при переброске. Говорили, что много тюремных лагерей вокруг, бывают и побеги, особенно сейчас, весной. Впереди теплое время года, да и тайга прокормит.

Решила, что второе. Мужчина, теперь Натка видела его полностью, вновь двинулся по направлению к их стоянке. Она за ним. С бешено бьющимся сердцем, она наблюдала, как тот осматривает их поляну. Видимо, его привлек сам самолет и то, что было в нем. Не больше, чем десять минут, он смотрел. Потом также тихо повернулся, пошел обратно и вскоре скрылся между деревьями. Почему-то Натка поняла, что это не местный житель. То, что в телогрейке и сапогах, мог быть и местным, то что нет оружия тоже, но как он ходил, как смотрел и двигался, она могла поклясться, что здесь был разведчик, притом вражеский. А это есть плохо.

Она еще немного посидела, прислушиваясь. Шагов не было слышно, только уже защелкали, засвистели пичуги, зазудели комары. Натка бросилась к спящему Иванычу, и толкнула того в плечо.

— Иваныч, вставай! — зашептала она, присев на корточки перед ним, — Беда!

Тот открыл глаза и с удивлением уставился на девушку.

— Что?

— Беда, говорю, — зашептала она, судорожно оглядываясь.

— Какая беда? — наконец прошептал и мужчина, понимая тревожность партнерши.

— Видела человека. Он следил за нами. Вероятно не один и не местный. Уж мне-то известны замашки тюремных, поверь.

— Так, — потряс он головой, и потирая лицо ладонями, — говоришь не местный. Тогда выходит бандит?

— По-моему нехороший расклад получается, — качнула головой Натка, — Выглядывал так, как считывал картинку. Потом также тихо ушел. Нам надо быстро уходить. Думаю, что не один. Сколько — неизвестно. Он пришел или его послали рассмотреть самолет или на то, что от него осталось. А этот уже всех увидел, кроме меня, конечно. Так что надо ждать его товарищей. Кто они и с какими намерениями мы не знаем, но то, что тайком тот был здесь,

думаю, что не с хорошими намерениями. Надо уходить быстрее. Бог знает, где те находятся и сколько их, чем вооружены. И еще я вспомнила, — ахнула она, зажав рот ладонью, — Помнишь тот вертолет и наш лагерь? А может это их рук дело?

— Тогда это очень серьезно, Наташа, — вскинулся мужчина.

Натка сидела, застыв, как изваяние. То, что это очень и очень плохо, она поняла, как только услышала, как Иваныч назвал ее по полному имени. Подняв глаза на мужчину она увидела его побледневшее, обострившееся лицо и тревожный взгляд.

— Поднимай Михаила, осмотри его и собирай вещи, — крикнул он, и от его голоса проснулся Юрий.

— Что случилось? — вскочил он на ноги.

— Надо уходить, срочно, — откликнулся Иваныч, — Вероятно банда, та, что напала на наш лагерь и похитила всех. Теперь они знают, что есть еще и упавший самолет. У них вертолет и, вероятно, оружие и люди. Много людей, иначе не смогли бы утащить всех наших товарищей. Собирайте все, что легко нести, и мы прячемся и ждем их появления. Они-то и приведут нас туда, где находятся наши.

Через некоторое время все было собрано, увязано и прикручено к спинам. Михаил, слава Богу, встал сам, правда, еще качался, но уже мог передвигаться самостоятельно. Натка дала ему еще лекарства и напоила водой. Потом вскинув карабин на плечо, оглядела поляну и, подхватив Михаила за пояс, двинулась за идущими впереди мужчинами.

Они не прошли и часа, как услышали над головами звук летящего вертолета. Пришлось прятаться за деревьями. Подняв головы, проследили курс машины.

— Все-таки к поляне полетели, — крикнул от досады Иваныч, — Ты была права, — обернулся к Натке.

Та кивнула, прижимаясь спиной к дереву. С другой стороны к нему прижался Михаил. Они постояли еще немного, и Натка бросилась к месту, где стоял Иваныч.

— Послушай, — зашептала та, — Я хочу разведать. Думаю, что пойму, или же услышу из разговоров, куда те летят. И уверена, что это место недалеко, так как прилетели быстро, а это, считай, почти рядом.

— Хорошо, — проговорил мужчина, подумав, — Иди. Только будь внимательна. А мы тебя недалеко подождем. Придешь сюда и прокукуешь три раза. Лады?

Натка кивнула и, сняв лишний груз, вскинув на плечо карабин, оглянулась. Юрий смотрел на нее внимательно и с любопытством, будто запоминал, Михаил с сочувствием, а Иваныч сурово, будто приказывал.

— Я вернусь, — улыбнулась она мужчинам, — Не волнуйтесь.

И зашагала не оборачиваясь. Она не могла и подумать, что не скоро увидит их, вот так, всех вместе. Натка шла, и сердце ее сжималось от странной тоски.

За спиной слышался шум сминаемых подошвами ног таежной подстилки из листьев, веток и ветерок разносил запахи трав и первых грибов. Ее путь лежал к тем, кто уничтожал всех тех, кого она смогла полюбить за небольшое время знакомства и кого она хотела называть своей семьей.

*****

Уважаемые читатели!

Далее по тексту будут сцены насилия и жестокости. Предупреждаю, что не советую читать людям с нестабильной психикой.

Прошла неделя ее мытарства по тайге. Уже кончились все припасы, которые она несла в своем вещмешке, но Натка наловчилась ловить на кукан рыбу в реке, находить первые грибы, ставить силки на мелкую живность. Стрелять не могла, так как боялась, что услышат выстрелы бандиты, и еще сэкономила патроны. А то, что это были чужаки с враждебными намерениями, она уже не сомневалась.

Когда Натка проследила за семью мужчинами с автоматами, что суетились вокруг самолета и охраной по периметру поляны, то поняла, что это не просто банда, это похоже на взвод хорошо вооруженных людей с задатками военных. А командовал всеми высокий немолодой мужчина, в камуфляже. Он раздавал отрывистые команды, которые выполнялись молча и быстро. Что они искали, оставалось загадкой. Через полчаса все погрузились в вертолет, и тот взлетев, направился на север, совсем не в ту сторону, куда хотели идти она с Иванычем. Узнать что-то из разговоров охраны она не смогла, а приблизиться не было возможности. Но разглядеть в оптику — разглядела всех семерых и запомнила.

Проводив машину взглядом, она повернула назад. Пришла на то место и поняла, что заблудилась. Потом уходила вновь назад и снова искала и искала. И так три дня. Вскоре, поняв, что окончательно сбилась, решила идти на север, туда, куда направился вертолет. Уж там-то она смогла бы найти тех, кто похитил ее товарищей и, возможно, попытаться найти рацию для сообщения об их месте нахождения. А там, будь что будет.

Натка шла и шла, сверяясь с компасом, но вскоре тот начал «шалить» — иногда просто крутился, и она не могла определить направление. Но не всегда. И так продолжалось двое суток. Потом он и вовсе остановился, показывая только «север», и как бы она не поворачивалась, стрелка не уходила в стороны, будто кто ее остановил на месте. Она плюнула на это и принялась следовать по природным указкам: по деревьям, по мхам, по муравейникам. Попутно собирала грибы и первые ягоды.

Как-то остановилась у одного большого муравьиного дома и копнула палкой. Отошел небольшой кусок, и она в ужасе отпрянула — на нее смотрел полуистлевший череп человека. Придя в себя, приблизилась и постаралась покопать далее, возможно найти тело. Но череп был один, без тела и, по-видимому мужской. Это она определила по грубым чертам лица и лысому черепу.

— Голова от незнакомого человека, — это она поняла, после тщательного осмотра.

Как попала она в муравейник и где остальное тело, не могла сказать, но то что шейные позвонки умело перерублены, поняла, как только выкатила череп из кучи муравейника. И случилось это совсем недавно, может с месяц-другой.

Натка выкопала палкой, как могла, ямку и похоронила голову незнакомца. Не оставила на съедение муравьям.

— Не хорошо так-то, надо бы по-христиански, — вздыхала она, забрасывая могилку землей и ветками, — не простит Господь кому-то такую жестокость.

Постояла еще немного и пошла дальше, понимая, что уже скоро может появиться нечто, что укажет на поселение бандитов. Хотя уже поняла, что почти приблизилась, судя по черепу.

Не прошло и нескольких часов, как она услышала звук летящего вертолета. Прижавшись к стволу дерева, проследила за полетом. Определив сторону вылета, направилась туда, шагая

более осторожно, приглядываясь к возможным следам или еще каким-нибудь указателям. Прошла еще километра три, когда вновь увидела вертолет, но уже летящий обратно и поняла, что движется правильном направлении.

Бурелом становился все непроходимее и выше росли деревья, почти соприкасаясь вершинами. В лесу темнело, и, похоже было на вечерние сумерки, хотя, как она знала, что еще только немного пополудни. Пахло прелой листвой и очень сильно грибами, воздух был влажным и каким-то плотным. Похоже на осеннюю погоду, хотя было начало лета.

Натка продвигалась с осторожностью, и, останавливаясь, прислушивалась к посторонним звукам. Пока не было никаких тревожных сигналов, все, как и всегда в таежных глубинах, разве кроме некоторых непоняток с формой листьев, кустов и травы, похожей на плотный мох. Под ногами он пружинил и как-то чавкал, как при хождении по болотным кочкам. Но это не были знакомые болота, это была неизвестная травяная подстилка, оплетенная корнями деревьев, вылезшими на поверхность. Не слышно ни звука птиц, ни зудения комаров, ни гнуса — ничего из постоянного списка обычной тайги. Как-то все слишком тихо и чисто.

Натка шагала осторожно, но звук будто гасился. Когда она попыталась стукнуть по дереву, то тот отозвался коротким и тупым эхом. Вскоре деревья начали расступаться, между ними появились просветы и сам сумрак рассеивался, сменяясь пасмурным днем. Натка насторожилась. Показалась большая поляна, и она была обнесена высоким забором.

— Что это? — присела она от неожиданности, — Скит или это и есть база тех военных?

Она огляделась, подождала немного и полезла на дерево, чтобы посмотреть, что происходит внутри. Сев на ветку поудобнее, приложила карабин с визором к глазу и начала обзор.

То, что она смогла разглядеть, повергло ее в шок. В середине поляны стоял столб и к нему был привязан голый человек. Кто это был, она не смогла разглядеть, так как голова того свесилась на грудь и он был весь исполосован до крови. Не было живого места, начиная от шеи и до ступней — все сплошное кровавое мясо. Рядом, на невысоком колу чья-то отрезанная голова. И еще, она углядела, немного в стороне в деревянные щитки был зажат мужчина, стоявший на коленях. Ее чуть не вырвало от такой картины, очень было страшно, и подошла к горлу рвота. Еле успокоилась. Немного придя в себя, вновь вскинула визор и продолжила обзор.

Никого из людей, кроме тех, казненных, не было видно. Недалеко стояли несколько домов, довольно крепко сделанных, по-таежному. Так строили именно здесь из бревен лиственниц всерьез и надолго. Поодаль длинный барак с двумя воротами. Далее стояли два вертолета. Одного из них, бело-голубого, она и видела тогда. А вот второй был военным. Определила по темно-зеленому окрасу и торчащим под днищем пулеметам.

— Да-аа! — протянула она, — Не хватало еще и ракет.

И тут же упрекнула себя за такие мысли.

— Ты о чем думаешь, идиотка! — чуть не хлопнула себя по лбу, — Там, наверное, наши, и может быть сейчас они уже даже и не ждут помощи. Но кто же там, на площадке казни?

Она вновь начала обзор. И в это время увидела, как из дома выскочил мужчина с автоматом на плече и побежал к воротам строения, которое Натка приняла за барак. Открыл и вошел. Она не могла слышать, что там происходило, но сердце ее сжалось. Почему-то подумала, что сейчас будет происходить что-то страшное.

Охранник выводил из барака людей. Они были оборваны, в крови и поддерживали некоторых. Натка посчитала — их было десять. Постороив пленников на площадке с казненными, вытянулся перед, вышедшей на крыльцо одной из изб, группой людей. Среди них выделялся тот самый военный и еще один, видимо гражданский. Он слушал его и оглядывал всю картину перед ним. Как вокруг стояли остальные военные, да и сам командир, было видно, что этот гражданский птица высокого полета. Командир закончил и махнул рукой. Из дома вынесли пластиковые кресла и поставили на помост рядом с крыльцом. Военный и тот, гражданский, сели в них и тут же поднесли небольшой стол и расставили стаканы и бутылки. Один из прислуживающих налил напитки. Военный махнул рукой, и побежали к группе пленных двое в камуфляже, выхватывая одного из строя. Под руки, подтянули его к помосту и поставили на колени. Один из бандитов, поднял пленнику голову за волосы, видимо показывая его сидящим за столом. Гражданский что-то сказал, и командир махнул рукой. Бандит кивнул и, вытащив кинжал, резко провел по горлу пленника. В руке осталась отрезанная голова, а тело, бьющееся в конвульсиях, упало рядом. Сидящие наблюдатели казни, взяли стаканы и поднесли к своим губам.

И тут Натка не выдержала. Рвота все-таки ее настигла. Она согнулась в позыве и ее вырвало. Потом еще раз и еще. Как долго это продолжалось, она не помнила, но успокоившись, вытерла рот и, отдышавшись, вновь приникла к карабину.

Теперь на площадке было какое-то движение. К стоящим пленникам подошли те двое, начальник и гражданский, и военный что-то говорил пленникам. Видимо, что-то угрожающее, раз указывал на казненных. Человек, что висел на столбе, был уже снят и унесен в барак. Это увидела Натка, переведя визор в сторону. Зажатого в щитки, отпустили и провели к стоящей группе. Двое пленников подхватили его за локти и плечи. Потом, после инструктажа военного, их всех повели обратно в барак. Тело казненного вынесли куда-то за строения, а голову насадили на еще один кол.

Потом всей толпой отправились в тот же дом, остались лишь двое — конвоир пленных и другой, что обслуживал начальство. Они посыпали песком место казни и относили в дом стол и кресла. Все вокруг замерло, как и было прежде.

Натка посидела немного, потом слезла с дерева. Она не могла еще придти в себя, после увиденного. Слышать не могла, поняла по странному эху, видеть — не разглядела, потому что как-то вибрировал воздух. Все смазывалось перед глазами. Да и картина была страшной. Нервы не железные. Она посидела немного, прикрыв глаза.

— Что же делать? — думала она, сидя на корточках, облокотясь на ствол, — Надо обойти вокруг забора, найти какую-то щель в том бараке и попробовать понять — вдруг это все же наши.

Так далеко не было слышно слов, а по облику мало что распознаешь. Приблизиться не могла — боялась попасться.

— Я теперь только одна и мне надо быть ко всему готовой. Главное — кто там из пленников и что надо делать?

Переждав некоторое время, она решительно пошла обходить забор вокруг и посмотреть, нет ли где лазейки, чтобы проникнуть в тот жилой барак с пленниками. Каким большим оказалась площадь, обнесенная деревянной стеной, она поняла, когда уже почти выбилась из сил. Присела около нее и попыталась найти хоть какую-то щель, но стволы деревьев, из которых и состоял этот забор, были плотно пригнаны друг к другу и почти без зазорин. И все-таки она нашла одну и, расковыряв еще больше, прикинула глазом. То, что она там увидела, повергло ее в ужас. Недалеко от самого забора были выстроены клетки. Там, за толстыми сетчатыми дверями находились животные. Огромные, типа собак, абсолютно без шерсти, тонкий хвост, огромная голова. На голове большие заостренные уши, как у догов, а по хребту идут костяные отростки. Морда узкая, с двумя рядами острых зубов. Лапы мощные с большими загнутыми вверх когтями. Их было четверо и они с урчанием рвали человеческое тело и съедали его.

Натка в ужасе упала на задницу и поползла спиной назад, отталкиваясь пятками, как будто страшилась их нападения. Упав на бок, она сжалась в комок и зажмурилась, схватилась за голову. Она еще никогда, даже в самых жутких фильмах не видела или же в книгах и не читала такого.

— Да, такое и во сне не приснится, — мелькала жуткая мысль в голове, — Боже! Что это?

Полежав, она очнулась и присела, поджав колени. Осознавая увиденное, Натка вспоминала, где могла видеть нечто подобное, и вертелось в голове название этих монстров.

— Чупакабра! — мысль вспыхнула молнией, — Точно! Это была чупакабра. Это о ней много писалось в инете и она даже видела фото с ними. Но все равно — эти были намного больше и страшнее.

Натка, преодолев себя, еще раз прильнула к щели забора. И тут ее взгляд встретился с маленькими злыми глазами животного. Оно бросило часть тела, что возможно только что отгрызло, и уставилась на Натку. Оскалилась морда, и показались острые зубы. Натка задержала дыхание, и сердце бешено стучало. Чупакабра не отрывала взгляда от места, где находилась девушка. Она как-будто чуяла ее там, за забором.

— А может и чуяла, кто знает их этих чудищ, — думала она, более детально оглядывая животное.

Определила, что та не подает никаких знаков, как лай у собаки и не рычание при виде противника.

— Значит она еще и молчунья, — отметила про себя Натка, — а есть ли у нее нюх? Или без него? Но тогда зачем их тут держат? Только, чтобы скармливать погибших людей? Вот для чего они отрезали головы! — вспомнила то, что нашла в лесу и те, что торчали на кольях внутри ограды. — Или еще зачем-то?

Страшиле, видимо, надоело наблюдать за Наткой или она решила, что та не думает отнимать ее добычу, принялась за свое жуткое пиршество.

Натка отошла от щели и вновь медленно пошла вдоль забора, приглядываясь и пробуя пальцами стыки бревен. Наконец нашла одну такую и проковыряла ее. Заглянув, увидела лишь стенку, вероятно сарая или барака. Взглянула вверх и решительно подпрыгнула, но мала ростом, не доставала до острых, заточенных под колья, бревен стены. Отставила

карабин, сняла вещмешок, отошла назад и, разбежавшись, вскинулась на забор. Ухватившись за вершины, подтянулась и забралась выше, одновременно заглядывая за него. И тут увидела почти рядом со своими глазами синие глаза, смотревшие на нее из маленького окошка напротив. Она замерла, замер и тот, с синими глазами. Потом, будто опомнившись, она кивнула и сползла по стенке, цепляясь носками сапог, но все же упала на землю. Вновь подскочив, разбежалась и запрыгнула опять. Теперь-то она держалась чуть дольше и успела разглядеть радостные глаза Юрия и настороженные Иванныча. Она подтянулась изо всех сил и, закинув ногу на забор, почти боком легла на острые его пики. Повернув голову, она махнула рукой и, перевесившись, спрыгнула вовнутрь. Присела и, оглядевшись, кинулась к стенке с тем окошком. Схватившись за рамку, подтянулась и уже встретила радостные глаза Иванныча. Оконце было маленьким, пролезть не могла голова, только руки. Она схватила их за обе протянутые руки и пожала.

— Я здесь, — негромко сказала она, оглядываясь, — Как можно вам помочь?

— Слушай, — раздался голос где-то внизу.

Она поняла, что говорит Иванныч. Присела и приложила ухо к стыку бревен. Потом поковыряла несколько стыков и нашла, трухлявый, совсем у земли. Постучала в это место носком сапога, показывая, что тут слышно и сама распласталась на земле. То, что она услышала, не поддавалось никакому разумению.

Они были назначены жертвами будущей охоты — охоты на людей. Здесь была база, которая готовила такой тип экстрима для богатых и любящих пощекотать нервы, богатеньких, то есть тех, кто мог выложить кругленькую сумму на такую затею. Взвод, под командованием особого отряда вырожденцев, из числа бывших военных спецов, искал и находил заблудившихся в тайге людей или вот как их группа и приводили в свой лагерь. Тех, кто был сильно против, того наказывали.

— Как — сама видела, — понизил хриплый голос Иванныч, — чтобы другим было неповадно. Так умер наш Викентьич и Роман, а еще один из группы студентов туристов, которые уже были тут до нашего прихода. Теперь нас осталось всего десять: Антон, Ренат, Миша и Юрий Григорьевич и еще пятеро студентов из Екатеринбурга. Свету забрали сразу же в дом. Там, говорят, ее и еще одну девушку студентку, принуждают обслуживать их ораву.

— Уж что с ней, жива ли, — тяжело вздохнул Иванныч, — не знаем. Только сама понимаешь, что вряд ли. Их-то человек пятнадцать и все бугаи, еще те звери, в человеческом облике. Хорошо, что ты жива осталась и на свободе.

— Что я могу сделать, Иванныч? — проговорила в щелку.

— Думаю, что можешь помочь. Слушай. Завтра, нас выбросят из вертолета на другой площадке, это где-то полчаса лету. Миша слышал, как конвоиры рассказывали друг другу об охоте. Значит, тебе надо проследить за вертолетом и идти в ту сторону. Нас найдешь. Мы будем идти, и оставлять для тебя метки: сломанные ветки, куски материи, может даже кровь. У тебя есть запас патронов к карабину?

— Есть, — проговорила она в щель.

— Ты догонишь нас, и мы тогда решим, что делать. А сейчас уходи. Только на тебя одна надежда, Наташа.

Он сказал это таким голосом, что ее сердце сжалось.

— Опять полное имя, — хмурилась она, пытаясь забраться на забор.

Разбег был небольшой, и она несколько раз прыгала, но получалось плохо — ноги скользили, руки болели. Но собрав себя в кулак, зажав зубы, она вновь прыгнула и

ухватилась за верхи бревен, подтянулась и перевалилась за стену. Упала, крепко приложившись о землю. Охнув, встала, подобрала свои вещи и поковыляла под покров леса. Там прошла еще немного и прилегла у высокой старой ели. Болело все: тело, душа, сердце.

— Ах, Викентьич, Викентьич, мудрый старик. Зачем ты вступил в спор с этими бандитами! Неужели не понял сразу, что у них разговор особый — чуть, что не по их и сразу смерть. А Роман? Выходит, это его она видела на том столбе раположенного до костей! Его, такого хрупкого и красивого! И не узнала! Эх! — она вытирала слезы, а они катились и катились по щекам.

— А Светка! Эта веселая хохотушка! Что они с ней делали? Жива ли?

Натка качала головой и всхлипывала. Она уже хоронила их, тех, кто сидел там, в сарае, тех, кто завтра будет жертвой садисткой охоты на человека.

— Но она еще жива и на свободе. Жива и на свободе, — повторяла и повторяла Натка, и уже злые слезы вытирала на щеках, — Посмотрим, чья возьмет. Про меня-то они не знают. Никто не сказал. Видно, надеялись. И правильно сделали. Я, клянусь, что сделаю все, что в моих силах и не подведу вас, мои дорогие.

Она качнула головой, как бы подтверждая свою мысль. И тут ей вспомнились другие глаза.

— А уж тебя-то, мой синеглазый, я обязательно спасу.

Проверив карабин и пересчитав патроны, она углубилась в чащу и нашла небольшой родничок. Напилась, умылась от слез, набрала во флягу воды. Потом смастерила пару силков и разместила их по кругу от старой ели. Под ее ветвями соорудила себе лежанку и залезла в вещмешок в поисках остатков вчерашнего кролика. Перекусив, прилегла на ветви и задумалась.

— Вот завтра она побежит за вертолетом. Но полчаса лету его по прямой это же как минимум километров десять-пятнадцать. А еще и по пересеченной местности, неизвестной. За сколько же времени их догоню? А сами эти твари как будут идти? Сразу же или дадут нашим фору? И на сколько?

Вопросы теснились в ее голове и она совсем запуталась. Чтобы не думать, вскочила и пошла проверять свои силки. Попалась только какая-то птица. Небольшая, похожая на перепелку. Натка скрутила ей шею и начала общипывать и разделывать. Сложив остатки в ямку, закопала и забросала мхом, примяла каблуком.

— Кто знает. Вдруг пустят этих монстров. Может быть, для этого их и содержат? И кормят человечиной, натаскивают, знать. И это жутко, — ежилась она, представляя их воочию.

Неизвестно, на что те способны, а вот, как они выглядят и как рвут добычу, ей пришлось увидеть.

Обмыв небольшую тушку в родничке, припрятала ту в мешок.

— Вдруг попросят еды, а уж не те будут силы. Все-таки расстояние большое, и ей придется бежать, чтобы успеть. А сейчас буду спать. Да и вечер позволяет. Скоро стемнеет и надо залезть на дерево. Кто знает, а вдруг такие тут водятся не только за забором.

Она невесело хмыкнула и пошла выбирать дерево поразвесистей.

Она проснулась от звука с неба. Выглянула из-за ветки и едва углядела летящий вертолет. Определив направление по компасу, тотчас слезла и, оправившись, побежала в ту сторону. Долго и трудно было двигаться через буреломы девственного леса. Приходилось обходить куски абсолютно заросшие и заваленные. Натка стала чаще отдыхать, выбившись из сил. Сколько километров прошла, не знала, но уже давно видела тот вертолет, что возвращался обратно. Она вновь сверила по компасу путь и поняла, что движется в правильном направлении.

Солнце сдвинулось за полдень. Жарило хорошо. Теперь Натка уже присматривалась к меткам, что должен оставлять Иваныч, как и говорил. Но пока не видела их. Может быть, еще не дошла или не может угледеть. Она начала больше приглядываться и тем самым застопорила свой путь. Поняв, что эти указки еще не появились, продолжила идти по компасу.

День склонялся к вечеру, когда появились первые сломанные ветки. Она пригляделась к ним и поняла, что те рукотворные. Потом обратила внимание на следы. Поверхность земли была истоптана. Видно, что прошли несколько десятков ног. Вскоре определила даже лёжку.

— Видимо, здесь отдыхали, — раздумывала она, оглядывая небольшую полянку между кустами.

И еще увидела капли крови. Растерев между пальцами, поняла, что прошли давно, может часов пять назад.

— И это плохо. Может быть, чупакабры могут идти по запаху.

Натка поняла, зачем бандиты кормили их человечиной — чтобы те искали и загоняли людей.

— Монстры, хуже животных, — скрипела она зубами, вспоминая жуткую картину.

Вскинула на плечо потяжелевший карабин, и устало огляделась вокруг. Прислушалась. Было тихо. Вздохнув, вновь продолжила путь.

Время продвигалось к вечеру. Уже село за верхушки деревьев солнце, в лесу стало еще тише, будто он готовился ко сну. Натка также остановилась и решила передохнуть. Конечно, она будет еще идти, аж, до самой тьмы, понимая, как сейчас тяжело своим, там, в тайге, без еды и медикаментов. Ведь она даже не смогла им передать хотя бы что-то из медсумки и еды, оставив ее около забора, когда лезла на него. Закалка студенческих походов плюс работой в лагере, помогала сейчас преодолеть усталость.

— Им еще хуже, — размышляла она, вытаскивая потные ноги из сапог и вытряхивая попадавшие в них соринки. Они мешали ходьбе, раздражали, но она старалась не обращать внимание. И вот сейчас разувшись, благостно чувствовала прохладу воздуха уставшими ступнями. Вытряхнув из сапог, надела их и поправив амуницию, снова пошла вперед, хлебнув из фляги пару глотков.

— Есть и пить буду уже позднее. Надо двигаться, пока светло, — думала она, приглядываясь к возможным меткам.

Вскоре они начали попадаться все чаще и чаще. Натка уже надеялась на скорую возможную встречу, но вокруг не слышала каких-либо шумов, создаваемых такой большой группой.

— Если, конечно, они не разбрелись по несколько человек, — думала она, осматриваясь

Усталость брала свое, да и темень опустила на лес. Уже плохо видела вокруг. Выбрав дерево, влезла на него, привязав себя ремнем к стволу, чтобы не свалиться, привела себя в порядок и перекусила оставшимся куском крольчатины. Птицу, что ранее нашла и несла к своим, пришлось закопать — протухла на жаре, а костер не хотела разводить, так как дым видно издали. Вот и себе не могла приготовить даже кипятка, ограничившись парой глотков из фляги.

— Завтра обязательно надо найти воду, — думала она, закрывая глаза.

Сон сморил ее, еще раньше, чем она успела решить, как идти дальше.

Проснувшись от шума моторов, и, чуть, не свалилась с ветки. Подняв голову, увидела, как прямо над ней висит большая зеленая машина. Натка прижалась к стволу и замерла. Повисев немного, вертолет отлетел в сторону и пошел на посадку. Где он сел, она не знала, но по шуму винтов, поняла, что где-то недалеко. Быстро слезла и притаилась около ствола. Потом, поняв, что можно двигаться, перебежками двинулась к месту посадки. Скоро она уже видела между деревьями поляну, на ней машину, людей вокруг и нескольких человек, державших на поводу этих страшил. Сгруппировавшись, они о чем-то говорили или получали приказы. Натка рассмотрела их через визор. Пересчитала. Там было шестнадцать человек. Все в камуфляже, с автоматами, четверо сдерживали рвавшихся с цепей монстров. Видимо они чувствовали кровь группы. А одна тварь, остановилась и вытянула морду в ее сторону. Натка притихла.

— Неужели почуяла? — замерла она, вглядываясь в оптику.

Но потом вздохнула свободно, когда та отвернула морду и побежала за ведущим ее мужчиной. Все выстроились по парам за каждым из монстроводов. Двое, тот гражданский и командир шли в середине, двое остались возле вертолета.

— Если уходить отсюда, то нужно привести своих именно сюда, к вертолету. Только так сможем выбраться. К тому же видела в руках командира радиотрубку.

Она подождала еще некоторое время, и побежала за ними, придерживаясь на расстоянии примерно в метров в триста. Какое время они запланировали себе на охоту, Натка не могла предположить, но отводила день-другой, так как палаток на поляне с вертолетом не ставили, следовательно, не хотели задерживаться. Теперь ей надо обогнать их и найти своих первой.

Гон начался. Уже через час послышались первые выстрелы. Натка вздрогнула и припустила бежать изо всех сил. Потом перешла на шаг, прислушиваясь, не раздадутся ли еще выстрелы. Но пока было тихо. Она решила передохнуть и присела у дерева.

— Наташа! — вдруг услышала она хриплый полукрик.

Резко обернулась. Из-за соседнего дерева выглядывало разбитое и припухшее лицо Иванныча. Подскочив, она бросилась к нему обняла, и припав к груди расплакалась.

— Ну-ну, девочка моя, — гладил он ее по спине, — Перестань. Вот и совсем разнюнилась. Нашла же! Вот и замечательно.

— Все живы? — размазывала она слезы по счастливому лицу, — Я слышала выстрелы?

— Все, слава Богу, — проговорил, улыбаясь Иванныч, — Те, кого высадили — все. Пойдем. Мы тут недалеко спрятались.

Они шли, и он рассказал Натке, как они специально делали круги по лесу, оставляя капли крови, чтобы чупакабры шли именно по ним, уводя бандитов в стороны. Пока те поймут, что и как, они дождутся Натку с ее карабином и запасом патронов. Все же с этим можно было померяться силами.

— Вот, если бы еще оружия побольше, ну, хотя бы пару автоматов, то еще неизвестно, кто кого, — Иваныч возбужденно махал рукой в такт своим словам.

Натка наблюдала за ним и понимала, как им здорово повезло, что он остался жив, потому что лучшего проводника и охотника еще поискать. А уж с его двадцатилетним стажем таежника, он сможет вывести их из любой ситуации. Вскоре они пришли к небольшому оврагу, на дне которого и расположились все десять человек. Они поднялись, когда показались Натка и Иваныч. Поняв, что она с ними, загомонили радостно и протянули руки, помогая спуститься. Осмотрев всех, она пришла к неутешительному выводу — почти все они были избиты и неизвестно, как смогут двигаться далее. Ведь предстоит не только скрыться от охотников, но и вернуться к вертолету. Даже ей, здоровой, не покалеченной, идти сквозь бурелом было трудно, а тут не только идти, бежать надо, так как те почти рядом при том с прикормленными чудищами, и как их используют здесь, можно уже и не догадываться.

— Чем вы питаетесь? — поинтересовалась Натка, когда все уселись в кружок, — И нужна ли медсумка? Там, правда, мало что есть, если кто плохо чувствует себя или жар, могу дать таблетку. Есть один укол болеутоляющего.

Посмотрев друг на друга, отмахнулись, и Натка поняла, что всем нужна помощь, после всего, что им пришлось пережить. Правда, из всех избитых, только Юрий был целым. Почему? Спросить Натка не решалась, а вот Миша, его телохранитель, который сидел в щитках, был сплошь синяк и кровоподтек. Это видно было по рукам и лицу. Студенты тоже выглядели ужасно. Кроме того в их глазах была какая-то безнадега. И это было нехорошо.

— Такие, погибают первыми, — думала Натка, рассматривая незнакомцев.

Всем им было лет по восемнадцать-двадцать, и все были растеряны. Жались друг к другу, и молчали, но взгляды с надеждой бросали иногда на Иваныча. Видимо и они поняли, что здесь он главный, и он может помочь остаться в живых.

Он и взял слово, оглядывая притихших мужчин и на Натку в том числе.

— Ну, вот и все в сборе. Наташа нас нашла, как мы и рассчитывали. Молодец, — и все обратили к ней взгляды и улыбались одобрительно.

— Теперь о планах. У нас всего один карабин и думаю, что он пока останется у Наташи, — он откашлялся и посмотрел на нее.

Она кивнула.

— Попробуем захватить еще оружия. А про возможность выбраться, она расскажет сама.

И Натка рассказала о том, что видела: сколько их всего, как одеты и вооружены, о группах с монстром, о вертолете. Иваныч слушал и покачивал головой, будто прикидывал что. Потом, он попросил высказываться всем и каждому. Ребята студенты отказались, ссылаясь на более опытных товарищей, имея ввиду Иваныча, а остальные говорили, что нужно обязательно оружие и вертолет с радиотелефоном.

Подводя итог, Иваныч распределил обязанности каждого в этом плане, который подкорректировал Миша, все-таки капитан МВД, и с его точки зрения.

Выходило так: групп будет три. Одна из Натки, Иваныча и Рената, будет охотиться за оружием и постарается раздобыть ее, уничтожив одну из групп. Тогда у них на руках будет еще три единицы огнестрела и уничтожен один монстр. Вторую группу с Мишей и Юрием оставляют на месте, для ориентира и возможной подмоги, третью с Антоном и пятью студентами отправляют дальше по оврагу, с необходимостью найти щель затаиться и ждать либо появления Юрия либо Иваныча. А там решать по ситуации.

Недалеко в овраге был небольшой ручеек. Набрав воды и напившись, группа с Антоном двинулась по его берегам, а группа с Иванычем вскарабкавшись по оврагу, побежала к лесу. Там, между деревьями они и растаяли.

Ренат бежал споро, Натка за ним, а вот Иваныч отставал. Видимо сказались побои и его возраст. Еще и плохо кормили, если то можно было назвать едой, так он ответил на ее вопрос о кормежке. Это варево странно пахло мясом, и они его практически не ели, боясь, что добавляли и человечину. Через несколько дней отказа от пищи, несколько человек упали в голодный обморок. Поняв, что для охоты надо все же кормить своих «животных», бандиты начали раздавать хлеб и воду. Вот и все питание.

— Да и зачем, — качал головой Иваныч, рассказывая ей эти ужасы, — все рано далеко не уйти при таких следопытах с их монстрами. Ну, не будут же они гоняться за нами долго. Если упустят, то могут и поплатиться. Хотя, как их найти в этой зоне, не зная координат. Но если только не улететь на вертолете. И еще. Где-то есть та самая отправная точка с их менеджером, с организатором их бизнеса, который находит, принимает и отправляет тех в нужное место. Вот его бы прихватить да потрясти на предмет хозяина всего этого кошмара. А он, очевидно, есть, и при том не из бедных. Думаю, что в организации такой "охоты" нужно много людей, хотя те могут и не знать конечного результата. И еще. Где-то они набрали этих монстров и приручили. Видимо, все же, некоторые сообщения в инете, что эти монстры выведены учеными, все же правильны. Ну, не может же быть такое чудовище вдруг появиться из неоткуда. А оно теперь реально, и мы все их видели.

Натка слушала и мотала на ус.

— Как могли люди до такого додуматься, — ахала она, представляя, сколько уже людей пропало, и где они могли найти свою смерть.

Отдохнув немного, исключительно ради Иваныча, снова двинулись в путь. Вскоре услышали голоса и хруст веток. Они присели за густые кусты, росшие вокруг толстых стволов деревьев. Недалеко прошли двое мужчин, громко переговариваясь и смеясь. Еще дальше слышалось покрякивание еще других групп. Они шли недалеко друг от друга, и было невозможно напасть на кого-то из них. Возню и крик могли услышать другие и прийти на помощь.

Они прошли мимо и углубились в чащу. Голоса стихли.

— Надо идти за ними, — сказал Иваныч, когда они, наконец-то, свободно вздохнули, — и следить. Кто-нибудь все же отойдет в сторону, а мы тут как тут. Если не получится, тождемся сумерек. Конечно же, желательно всех положить вместе с их чудищем. Но будем действовать по обстановке.

Ренат и Натка кивнули и продолжили следовать за крайней группой охотников. Вскоре так и случилось. Один из бандитов немного отстал, для опрастания, пописать, и тут же был прихвачен со спины Ренатом и тот резким движением свернул ему шею. Подхватив под мышки, они опустили тело и протащили его в кусты. Выхватив автомат, быстро сняли специальный жилет военного образца, нож с ремнем, и сиганули в кусты. Бежали долго, пока не услышали выстрелы за спиной. Видимо, уже нашли тело, и стреляли, думая, что там могут прятаться напавшие. Но вскоре все стихло.

Иваныч надел жилет, проверил автомат и повесил себе на плечо. Нож отдал Ренату. Так они решили сообща. В вещмешке оказался еще один магазин с патронами, несколько банок тушенки и полбатона хлеба. Вскрыв одну, нарезали хлеб и поочередно ели, стараясь медленно жевать, чтобы усваивалось постепенно, так как после недельного голода, могло

быть несварение, а этого нельзя допустить. Запив водой, несколько повеселели.

— Теперь будем двигаться за ними вплоть до их ночной стоянки. А по пути приглядываться. Все возможно. Но стараться теперь не геройствовать, — сказал Иваныч, пряча остатки в мешок.

— Надо попробовать убить хотя бы одну из страшилищ, — подал голос, молчавший до сих пор Ренат, — и я попробую сам это сделать.

— Как это? — переспросил Иваныч, с удивлением глядя на парня.

— Пойду за ними вплотную и найду способ по ходу.

— Считаю это самоубийством, Ренат, не говори глупости, — отмахнулся Иваныч.

— Нет, — усмехнулся тот криво, — Я уже убивал бешеных собак. Есть такой опыт.

И он поведал нам, как работал в молодости каскадером в кино. Укрощал собак, выставляемых волками. Но не все иногда шло гладко. Тех, специально накачивали возбудителями, и приходилось иной раз и убивать по-настоящему.

Натка смотрела на Рената, и понимала, что все же еще мало знала своих товарищей в группе.

— Вот уж об этом не знал даже Иваныч, — поняла она, глядя на угрюмое лицо мужчины.

Помолчав, тот кивнул, соглашаясь, а Ренат, отрезав себе еще один кусок хлеба, скользнул в кусты и вскоре его шаги уже не были слышны. Они постояли, прислушавшись к звукам округи, и двинулись по предполагаемому маршруту охотников, сверяясь по компасу. Им необходимо было найти лагерь бандитов, и, не выдав себя, проследить за ними. Дождаться Рената и при необходимости, помочь ему.

Шли долго, и уже опускались сумерки. Впереди слышали шум и начали подкрадываться. Между деревьями увидели небольшую лесную полянку и несколько человек с двумя чупакабрами. Видимо разделился весь отряд на группы, и они сами определяли себе места отдыха и ночевки. Здесь Натка увидела только шесть бандитов и двух животных. Остальные находились в другом месте.

— Будем их сторожить здесь и попытаемся убрать, — прошептал Иваныч, отдавая девушке карабин, после собственного осмотра и оценки обстановки.

— А Ренат где? — прошептала она, закидывая оружие на плечо, — Может тоже здесь? Надо подождать немного. Вдруг, сюда тоже пришел. Тогда можем помешать ему.

— Вот поэтому и наблюдаем, — ответил Иваныч, развязывая мешок и доставая остатки пищи, — Надо поесть и отдохнуть.

Они устроились у старой ели, вскрыли еще банку и опорожнили ее. Натка закопала ее в ямку и присыпала опавшей листвой. Потом они передвинулись немного вперед, ближе к поляне, на которой уже горел костер, и варилась в котелке над ним еда. Запахи доходили и до спрятавшихся и их желудки откликались голодным урчанием, несмотря на съеденное недавно.

— Все же это тебе не горячее, — думала Натка, сглатывая слюну, — А как же Иваныч? Ему-то тяжелее.

Она оглянулась, но наткнувшись на угрюмое лицо мужчины, смущенно отвернулась, будто была в чем-то виновата.

— Выдержке его можно позавидовать, — думала Натка, вглядываясь в светлые пятна от огня костра, и копошившихся на поляне людей.

Так, в ожидании, они пролежали за кустами до полной темноты. Уже взошла луна,

осветившая холодным светом поляну и части леса, прилегающие к ней.

— Теперь непонятно кто теперь-то охотники, — хмыкнула Натка, пристраивая карабин около себя, — мы или они. «Не рой яму другому» — вспомнила она пословицу.

Вновь приложила окуляр к глазу.

На поляне готовились ко сну. Видно было, как двое отправились в охрану, остальные улеглись возле костра. Чупакабр не было видно. Видимо легли на землю подальше от становища в тени деревьев. Даже эти бандиты боялись страшилищ. Да и что можно было ожидать от них — монстры, прикормленные человеческими телами. Они не посмотрят кто — свои или чужие, надо будет — нападут и убьют. Видимо поэтому, их привязали подальше и приставили одного охранника, скорее всего из водящих, кого те знают по запаху. Двое бандитов ходили по периметру, обходя этих чудовищ, и вскоре остался всего один на ногах, второй и охранник чупакабр сели возле костра и скорее легли рядом. И этих также сморил сон. Остался один. Прошло еще часа два, и тот уже присел у потухающего огня, подбросив ветки в кострище. Пламя взметнулось, и Натка заметила тень, крадущуюся к месту с чупакабрами. Она толкнула вздремнувшего спутника.

— Иваныч, по-моему, там Ренат.

— Где? — вскинулся тот и выхватил из ее рук карабин.

— Точно, — прошептал он, присмотревшись.

— Хочет убить животных, — вновь прошептал он.

— Но их там двое! — чуть не вскрикнула Натка, — Да и охранник не спит!

— А это плохо, — прохрипел Иваныч, — Надо бы помочь, но только не понимаю всей картины. Подождем, еще успеем.

Он продолжал наблюдать через визор, а Натка смотрела во все глаза. Тут, как назло, набежали тучки и луна скрылась. Темнота окутала поляну и видно было только спящих и сидевшего у костра. Тот тоже клевал носом, склоняя голову на грудь. В это время послышалась какая-то возня, и дикий визг взлетел над поляной. Охранник подскочил, и за ним быстро поднялись и остальные. Пока соображали что и почему, Иваныч скомандовал «вперед» и начал стрелять от живота. Натка тоже стреляла в освещенные, охваченные паникой фигуры. Она не знала, попала ли она или это все очереди автомата Иваныча, но те бандиты упали, не издав ни одного выстрела. Они даже не успели взяться за свое оружие, лежавшее рядом, так все произошло быстро.

Иваныч подбежал к костру и оглядел картину боя. Все шестеро были убиты. Они лежали в разных позах, а некоторые даже упали в костер, и уже пахло горелым мясом. Он с Наткой оттащили их в сторону и оставили в тлеющих одеждах. Гасить было нечем, в темноте не было видно фляг с водой. Да и зачем? Они-то не жалели людей, которых взяли в плен для развлечений.

— Собаке и собачья смерть, — сплюнула Натка, отталкивая ногу одного из убитых, оказавшегося в костре.

И тут увидели, как к ним подходит фигура человека. Насторожились, выставив оружие, но потом поняли, что видят Рената. Тот шел пошатываясь. Около костра остановился, и ноги его подкосились. Он бы и сам рухнул в костер, но его подхватил Иваныч и посадил на одну из постилок, оставшихся от бандитов. Натка подскочила и присела рядом.

— Ты как? — спросил Иваныч, оглядывая парня.

Было плохо видно, но он все равно углядел, что тот сильно покалечен. Разорванная одежда и темные пятна, указывали на кровь и раны. Натка быстро доставала из медсумки

бинты и шприц с инъекцией болеутоляющего. Надо было срочно уходить, и Ренат должен был идти сам или хотя бы с помощью.

— Остаться на месте нельзя — слишком пошумели мы здесь, — приговаривал Иваныч, бинтуя Рената поверх порванной рубашки, — А ты хватай оружие и вещмешки, что найдешь и в путь. Надо уходить как можно дальше. Думаю, что с этим сможем уже дать отпор.

Натка кинулась к мешкам и хватала только те, которые попались под руку. И еще автоматы. Их было шесть, но она взяла лишь три. И так было слишком тяжело нести вместе со своим карабином. Зато вытащила из оставшихся рожки с патронами и сунула их в мешок. Взяв в руки горящую ветку, подбежала к месту, где лежали чупакабры. Ей было любопытно посмотреть на них ближе. Осторожно подошла и осветила. Они были мертвы: все в крови, с оскаленными мордами, и мертвы.

— Неужели Ренат один смог справиться с этими чудовищами? — качала та головой, — Да-а! — протянула она, пробуя носком сапога трупы монстров, — Силен! И теперь их только две. Уже спокойней. Хотя, разве так можно говорить? Даже одна из них могла наделать много бед, и быстрая смерть была бы лучшим исходом в такой встрече.

Натка повернулась и скорым шагом двинулась за Иванычем и Ренатом.

Они уходили с места битвы — первой битвы за свои жизни.

Иваныч объявил привал через три часа ходу по лесу. Он спустил с плеч руку поникшего Рената и медленно опустил того на землю. Потом свалился сам рядом. Натка присела около них, уже не чувствуя ног. Луна светила ярко, изредка прятаясь за тучи. Уже немного серело небо.

— Видимо скоро рассвет, — думала она, вконец, обессилившая.

Свалив с уставших плеч автоматы и карабин, сняла со спины два мешка и откинулась навзничь, прикрыв глаза. Если бы сейчас на них напали, то ни она, ни Иваныч не смогли бы даже пошевелиться, так устали и вымотались. Ходьба одному по ночной тайге еще та прогулка, но с товарищем на плече и с тяжестью за спиной, уж вовсе испытание на прочность и тела и духа. Они все же боялись, что будет организована погоня, так как не знали, где другая охотничья группа и далеко ли расположена от первой. То, что те слышали выстрелы, не сомневались, но идти в темноте и выяснять, видимо они не стали, так как не знали о Натке и не могли даже и подумать, что полутрупы могут оказать сопротивление. Тем более что при них чупакабры. А это просто молниеносная чудовищная смерть. Решили, что попались либо хищники, либо жертвы охоты.

Поэтому, и смогла группа Иваныча уйти как можно дальше в тайгу. Но оставаться на месте — значит подвергать себя ненужному сейчас риску. Необходимо срочно соединиться с оставшимися, и подлатать Рената. Еще неизвестно, что с ним и доживет ли тот до их лагеря. Ведь раны от этих зверюг, еще надо было проверять на все: возможную ядовитость, бешенство, инфицирование неизвестными болезнями. Кто знает, что могут нести с собой их укусы и царапины от когтей. И Ренат может не выжить от любого из перечисленного. Впрочем, и осмотреть эти раны необходимо было хотя бы при свете, и понять их. Но пока было темно.

Ренат тихо стонал. Натка положила руку ему на лоб, он был горячим.

— У него жар, Иваныч, — сказала она и полезла за жаропонижающим уколом.

Сделав инъекцию, она намочила тряпицу и положила тому на лоб. Вскоре он затих и Натка, привалившись к стволу спиной, тоже задремала.

Проснулась от касания руки за плечо.

— Проснись, — услышала она тихий голос Иваныча, — Ренат умер.

Натка резко развернулась и уставилась в мертвого парня. Он лежал на спине, вытянувшись, и маска смерти стягивала его лицо. Глаза закрыты, губы сжаты.

Иваныч сидел рядом нахохлившись и хмуро смотрел на него, будто был сердит на него за что-то.

— Надо похоронить, — сказала тихо она и сложила его руки на животе.

— Надо, — кивнул головой Иваныч и, вздохнув, встал на ноги, — но могилу нам не вырыть. Нечем, да и некогда. Завалим ветками. Пусть простит нас, а мы его никогда не забудем.

Они закидали тело Рената всем, что смогли найти рядом, и, закинув автоматы и мешки за спину, пошли к своему лагерю. Там их ждали живые товарищи, и они должны им помочь спастись в этой жестокой схватке с недоллюдьми.

Светало. Иваныч часто сверялся по компасу, останавливаясь и хмурясь. Натка так и не могла понять, как тот ориентируется здесь и как у него получается находить в непролазных

буреломах именно тот поворот или родник с водой. Это так кажется, что в лесу можно не погибнуть от жажды. Там, так как и в пустыне, трудно найти источник, если плохо умеешь ориентироваться и не знаешь примет. Иваныч все это умел.

— Вот, что значит настоящий таежник. Тут надо родиться, — думала она всякий раз, когда тот внезапно останавливался, а потом махал рукой, указывая куда свернуть. И всегда оказывался прав.

Но она не знала, что Иваныч — самый настоящий, в прошлом, московский паренек, не ведающий не то что тайгу, в лес-то выбирался не часто. Но характер плюс любознательность и страсть к путешествию, привела его к людям, влюбленных в тайгу, и он провел в ней большую часть своей жизни, колесив сначала с группами туристов, а потом и геологов. И свою жизнь иначе и не видел. Он будто чувствовал ее, будто она была ему подвластна. И сейчас он большей частью надеялся именно на это, шагая по неизвестной местности, очерченной на карте пунктиром, то есть «белое пятно», как сказали бы специалисты.

— Но как здесь оказались эти бандиты? При том построили базу, притащили машины, чудовищ и организовали бесчеловечную охоту или просто травлю со смертельным исходом. Тем более, что они похищают людей для этих мероприятий и уничтожают их самым изуверским способом. Кто-то должен быть главным, и мы его обязательно найдем, и заставим расплатиться за всех, кто погиб и кто, вероятно, еще умер ранее, — думал он, продираясь сквозь кустарник и перешагивая поваленные стволы.

Так он размышлял и вел девушку по таежному наитию, которая его никогда не подводила. Уже к полудню они пришли к краю того оврага, который и был их ориентиром, но никого не нашли, сколько не продвигались в сторону их бывшего схрона. Видно было, что это то самое место, что здесь оставались и Юрий с Мишей, но их не было видно, и не было ни одной приметы или указателя, куда те направились. Решив, что они ушли к группе Антона, пошли по следам. Шли еще час, когда вдруг услышали выстрелы. Определили, что совсем недалеко.

— Это то, что я думаю? — присела Натка и с ужасом посмотрела на Иваныча, — Этс наши там?

— Не знаю, — качнул головой мужчина и поднял палец, призывая к молчанию.

Они прислушались. Потом Иваныч, пригибаясь, перебежками тронулся вперед, Натка за ним. Скрываясь за деревьями, они приблизились к месту, где разворачивалась страшная картина. К рядом стоящим стволам были привязаны трое мужчин, двое лежали в странных позах, видимо убитые, еще двое сидели на земле со связанными руками. Напротив одного из привязанных стоял тот самый высокий начальник и что-то требовал от него, иногда ударяя того в живот. Привязанный складывался от боли. Потом высокий махнул рукой и один из водящих чупакабр приблизился к пленнику, и зверюга бросилась на него. Даже на таком расстоянии был слышен смертельный крик человека. А уж что Натка смогла увидеть и как реагировал разглядывавший в оптику карабина Иваныч, то сказалось сразу же: она согнулась в позыве рвоты, Иваныч присел рядом бледный и испуганный.

— Это Антон, — еле выговорил он побелевшими губами.

Крик уже прекратился, но еще отдавался эхом в их головах. Опомившись, Иваныч протянул Натке флягу с водой. Та помотала головой, отказываясь. Она уже оправилась и, схватив карабин, вскинула его на плечо. Прицелилось. Чудовище, рвало парня, вытаскивало из живота кишки и глотало, а тело все еще дергалось, будто живое. Остановив дыхание, Натка нажала на курок. Пуля точно попала в цель. Животное будто споткнулось и тут же

свалилось, все еще держа в зубах остатки утробы парня. Стоявшие наблюдатели замерли, потом начали беспорядочную стрельбу вокруг себя. Они этим самым убили всех, кто был привязан к стволам деревьев. Натка видела, как дергались их тела от выстрелов. Сидящие связанные мужчины, лежали на земле. Одного Натка опознала, как Юрия, кто был вторым, она не углядела. Сейчас она отстреливала тех, кто присутствовал на поляне и кто держал автомат, поливающий пространство огнем. Подскочил Иваныч и бросился вперед, выставив оружие перед собой. Он почти бежал, а автомат стрелял и стрелял. Натка бросилась за ним, сжимая карабин в руках. Изредка, она останавливалась и, припадая к окуляру, вновь стреляла. Каждый ее выстрел — это еще один бандит. Когда они выскочили на полянку, то увидели бьющегося в агонии командира, зажавшего горло рукой, из-под которого била струйка крови. Он открывал и закрывал рот, будто хотел что-то сказать. Натка присела рядом и, вытащив из его кобуры пистолет, взвела курок и выстрелила ему в голову. Он резко откинулся и затих. Потом из этого оружия, она ходила по поляне и отстреливала всех бандитов, кого считала только ранеными. Она искала гражданского и еще одного водилу чупакабры, но их не было.

— Выходит, что эта сволочь сбежала, — цедила она сквозь зубы, — но я их все равно найду, чего бы мне этого не стоило.

— Натка, — услышала она голос Иваныча, — скорее сюда!

Девушка побежала на зов и увидела, что не все погибли. Были живы Юрий и Михаил.

— Это просто чудо, — хрипели они, когда та перевязывала им раны.

Они были поверхностными: у Юрия задето предплечье, у Михаила бедро и рука. Бережно подняв их, она с Иванычем потащили их в сторону: ей на плечо упирался Юрий, Иваныч поддерживал за талию Мишу. Пройдя немного в чащу, посадили раненых около стволов деревьев и еще раз их осмотрели. Мужчины были слегка ошарашены, тем, что отделались так легко и молчали, пока Иваныч не спросил, как они тут оказались, и что произошло за время их отсутствия. И Юрий с Мишей, дополняя друг друга, рассказали.

«После Вашего ухода, мы залегли. Долго ждали и прислушивались, но вокруг было тихо. Легли спать голодными. Под утро слышали стук автоматной очереди, но было так далеко, что, подумалось, показалось. Дождались полудня. Очень хотелось есть и пить. Мы прошли до источника по дну оврага, попили, налили во флягу воды и решили пройти еще немного в сторону ушедшей группы Антона. Овраг закончился и сразу начиналась тайга. Решили поискать каких-нибудь корешков или щавеля и лука. Живот подводило от голода. Углубились в лес и тут же услышали окрик — Стой! Мы остановились и нас сбили с ног, положили лицом в землю. Тут мы и поняли, что это точно не наши. Значит чужие и, скорее всего, охотники, так как рядом почувствовали жар и смрад из пасти монстра. А потом был приказ нас связать и вести к остальным. Подталкиваемые автоматами, мы вышли на поляну и увидели, что Антон и еще двое студентов привязаны к деревьям, а еще трое лежат рядом с перерезанными глотками. Гражданский и начальник о чем-то переговаривались, и видно было, что даже спорили, поглядывая на нас, а потом бросили за ствол дерева и приказали лежать тихо. Тот главный, начал задавать вопросы по вашему отсутствию. Антон говорил, что не знает, куда вы пошли. Про Натку молчал. Не добившись результата, принялись бить тех двоих студентов. И те не выдержали побоев и рассказали и про Натку и про наши разделения на группы и про обязательном вашем приходе».

— Что с них взять, — проговорил тихо Юрий, склонив голову, — Мальчишки еще. Вот они вас и ждали, пока Антон не попытался опровергнуть их слова, представляя их, как

вынужденные фантазии избитых пацанов. Но и как те среагировали на него, видели сами.

Он умолк и тяжело вздохнул. Все сидели притихшие и растерянные.

— Наташа, надо смотаться на ту поляну и посчитать всех убитых бандитов. Будем знать, сколько еще осталось из тех, кто прилетел на вертолете, — распорядился хмурый Иваныч, — И заberi еще какие есть рожки к автоматам и пару их самих, и пошарь там насчет питания. Да не копайся долго. А мы пойдём потихоньку. Найдешь нас?

Натка кивнула и бросилась назад. Через полчаса она уже шагала за Иванычем, передав оружие Юрию и Михаилу, а также вещмешки с магазинами патронов, с банками и пакетами с едой, что нашла на поляне.

Они выстроились в цепочку и шли гуськом, изредка останавливаясь перекусить и попить. Через три часа решились на полный отдых.

— А как с теми, оставшимися? — Натка спросила у Иваныча, когда они уже перекусили и прилегли отдохнуть, — Надо было бы похоронить.

Иваныч пожевал губами.

— Теперь некогда. Надо срочно искать вертолет и захватить его. Иначе те, оставшиеся, уйдут.

— Теперь они стали живцами, а мы охотниками, — скривилась Натка и сплюнула, — Бог не фраер.

Они помолчали. Юрий с любопытством рассматривал девушку. Она была ладно скроена, с серыми глазами и каштановыми волосами, убранными под бейсболку, когда-то синего цвета, а теперь бурую от грязи. Девушка поймала его взгляд и смутилась. Опустив глаза, принялась осматривать свой карабин, будто именно это и необходимо было делать сейчас. Юрий хмыкнул и прикрыл веки.

Таких девушек он встречал впервые. Чаще холеных и вышколенных для походов на рауты или балы. Эта же притягивала не внешностью, а своей харизмой: самодостаточная и сильная. И оружие в ее руках было не чужеродным, а как бы частью ее самой, ее продолжением, настолько свободно она с ним обращалась.

— Диана-охотница, — мелькнула мысль, и он улыбнулся, а потом задумался, — А может даже и Афина-воительница.

Натка не подозревала о таком сравнении от мужчины с синими глазами, что часто останавливались на ней за последнее время. Ей очень хотелось поговорить с ним один на один, даже просто посидеть рядом, можно и молча. Но понимала, что сейчас это будет выглядеть несуразно, особенно после всех этих смертей, и она отгоняла эти мысли, разбирая и очищая части карабина. Потом собрала все мешки и перебрала их, складывая на кучки содержимое: рожки патронов, банки и пакеты с едой. Все разделила поровну и сложила в каждый мешок. В свой еще добавила медсумку, проверив и оценив ее содержимое. Взглянув искоса на Юрия, и поняв, что тот не смотрит на нее и задремал, сама устроилась поудобнее, и прикрыла глаза.

Через час они выступили в путь.

Продираясь через кустарники и сухой валежник, заросшие прогалины и перелезая через бурелом, они двигались медленно, но верно. Прислушиваясь и приглядываясь, Иваныч вел свою маленькую, оставшуюся в живых, группу, к той поляне, которую описала Натка, и где находился вертолет.

— Пока его не было в небе, значит, он еще на месте, — рассуждал Иваныч, прокладывая ему одному известный путь.

Остальные, надеясь на его таежное чутье, молча двигались за ним.

Темнело. Надо готовиться к ночевке. Иваныч выбрал небольшую прогалину и махнул рукой, призывая к остановке.

— Здесь заночуем, — проговорил он хрипло, и скинул свой мешок на землю.

За ним покидали их и оружие остальные. Прислушались. Было тихо.

— Разведем костер, Иваныч, хочется горячего, — обратилась к мужчине Натка.

Тот кивнул и принялся ножом вырезать в земле яму для кострища. Миша помогал ему, а Юрий начал собирать вокруг сухие ветки. Он ломал их и бросал в кучу около сидящих на корточках мужчин. Натка искала в мешках банки с тушенкой и пакеты с сухим пайком.

Впервые с момента их пленения, они поели горячую пищу, разогрев содержимое в банках. Потом Натка тщательно оттерла травой, смоченной водой из фляги эти же банки и они пили чай из пакетиков вприкуску со сладкой вафель. Умиротворенные и довольные лица мужчин девушка рассматривала с изумлением.

— Будто сидим у туристического костра, — думала она и хмурилась, вспоминая страшные картины этого дня.

Пили молча, часто останавливались и блаженно улыбались. Перехватив недоуменный взгляд Натки, Юрий смутился.

— Давно не пил чаю, — проговорил он тихо.

Мужчины замерли и посмотрели на него потом на Натку и смолчали, продолжая пить из раскаленных банок. И, хотя, чай пах остатками тушенки, они со вкусом прихлебывали и жмурились от удовольствия. Девушка подкинула несколько веток в костерок.

— Иваныч, — обратилась она к сидящему мужчине, голова которого уже лежала на согнутых коленях. Он дремал, обхватив их руками.

— Я подежурю. Все отдыхайте.

Иваныч кивнул и лег, скрутившись в позу эмбриона. Также лег и Михаил. У костра остались сидеть Юрий и Натка. Девушка молча ломала прутики и бросала в огонь. Она хотела поговорить с Юрием и не знала о чем.

— Вот сейчас вдвоем, как и хотела, а слов нет, — мучилась она и боялась посмотреть в глаза, сидящего напротив мужчины.

Разговор начал он.

— Расскажи о себе, — хмыкнул и кивнул головой, — Все, что посчитаешь нужным. Это не допрос, просто мне хочется узнать тебя. Немного.

— Ну, если немного, то можно, — улыбнулась Натка и посмотрела в глаза Юрия, в которых отражались языки пламени, — А потом ты о себе. Идет?

— Идет, — проговорил тот облегченно.

Натка задумалась и потом кратко рассказала о себе все без утайки: кто она, где жила и

училась, как попала в тюрьму, как потом скиталась и уехала в столицу, как случайно поступила на работу в эту контору и познакомилась со всеми товарищами группы. Тут она всхлипнула и затихла. Они сидели молча некоторое время, будто отдавая дань погибшим.

— А остальное ты знаешь, — продолжила она, — Теперь ты о себе. Как договорились.

Девушка пристально посмотрела в задумчивое лицо парня. Отсветы пламени освещали сидящего, и Натка с удовольствием отмечала его высокую худошавую фигуру, широкие плечи и тонкие пальцы рук музыканта.

— Такими надо перебирать клавиши пианино или рояля, а не стрелять из автомата или рубить ножом ветки деревьев, прокладывая путь в тайге, — вздыхала она, глядя, как тот ломает крупные ветки о колени и бросает их в костер.

— Ну, что о себе, — Юрий отряхнул ладони и поставил около огня банку с водой, — Если кратко, то совсем мало: родился, учился, и вот сейчас здесь.

Он пожал плечами.

— Как ты поняла, я из «богатеньких», как вы их называете, — продолжил он, помолчав, — Мой отец глава газовой корпорации, я же являюсь наследником. А контора, в которой ты работаешь, моя первая ступень ее освоения. Прибыл недавно из Америки, где постигал азы менеджмента и в первый же полет по своим делам, попал в бурю. И теперь здесь.

— А почему тебя не били? — осторожно спросила Натка.

Он резко поднял на нее глаза.

— Думаю, что у них были на меня определенные планы.

— Какие планы? — оторопела она.

— Не знаю, — медленно протянул тот, — но были несомненно. Когда нас взяли и привели на базу, я попытался поговорить с тем главарем, которого ты прикончила, но был остановлен тычком в лицо одним из его бандитов. А Миша вступился за меня и был нещадно бит. Я бросился к нему, пытаюсь помочь, и был вновь опрокинут ударом на землю. Тут вмешался этот главный и приказал Мишу заковать в щитки, а меня не смей трогать ни при каких условиях, только связать руки. Потом отвели Иваныча и меня в барак к остальным, а Миша остался на площади.

— Да, — кивнула Натка, — я видела. Это ужасно. Как в жутком кино.

— Я тогда даже не обратил внимание на это. Только потом, когда вели по площади, увидел. Мне было плохо от увиденного, и Иваныч довел меня до барака, где сидели и остальные. Там я узнал историю пленения всех, кто присутствовал. Особенно жалко тех молодых парней и девушек.

Он вздохнул и начал резко ломать ветки и бросать их в костер.

— Как ты думаешь, — спросила она поникшего Юрия, — они могут быть живыми?

— Не знаю, — покачал он головой, — но очень надеюсь. Мы же полетим к ним, когда найдем вертолет?

— Надо обязательно это сделать, — утвердительно качнула головой девушка, — Иначе, как узнаем. А вдруг они живы и мы можем их спасти?

— Утром поговорим с Иванычем. Он, наверное, тоже так думает. Только как будем их отбивать? Нас мало, а их там еще осталось прилично, да и зверюга там еще. Думаю, что они приведут его туда. Все же подмога.

— А кто такой этот гражданский, — вскинулась Натка, — Ты видел его когда-нибудь?

— Не помню, но, кажется, мне знакома эта личность. Только где и когда мог его видеть

— не могу вспомнить. Но постараюсь.

Они помолчали.

— А я вспомнил тебя, — усмехнулся Юрий и взглянул в ее глаза, — Это тогда ты попала под мою машину. Помнишь? На перекрестке, в городе. Еще тогда я тебе предложил поехать в больницу, а ты отказалась.

Натка тихо засмеялась.

— Помню. И тебя запомнила. А вот когда вытаскала из самолета, то вспомнила не сразу, а потом, когда оттерла от крови, и ты открыл глаза. Синие свои глаза.

Юрий смутился.

— А я — тебя. Твои серые и почему-то сердитые.

Натка посмотрела ему в лицо и увидела тот самый взгляд, который желала увидеть — взгляд заинтересованного мужчины.

Они смотрели друг на друга пристально и изучающее. Потом медленно встал и подал Натке руку. Она встала, прихватив его за ладонь. Он потянул ее от костра в сторону и, подхватив под локоть, быстро прошел за дерево. Прижав к стволу, припал губами к ее губам. Потом перехватил за шею и талию, не переставая целовать. Натка задыхалась от прилива чувств. Все ушло куда-то: мир с его смертями и монстром, оружие и плен, бандиты и погибшие товарищи. Они были сейчас одни, и им хотелось ощущать друг друга. Им хотелось губ, рук, тела. А еще близости, самой настоящей, нежной и сладкой. И они упали на ковер леса. Поцелуи были быстрыми, резкими, и от этого раздражающе страстными. Руки безостановочно что-то снимали, что-то трогали, гладили, щупали. Потом произошло то самое, к чему стремились оба — соединение. Она почувствовала большую и прохладную его часть в себе, а он горячее и узкое, сжавшее его туго и от этого еще желаннее. Он тягуче застонал и качнулся. Потом все чаще и чаще. Почувствовав, как напряглось тело девушки, и она начала задыхаться, постанывая, Юрий приостановился.

— Не надо, — прошептала она ему в губы, — прошу тебя.

Он приник к ее рту и сильно качнулся еще раз, потом еще. Она ахнула и выгнулась. Ее стон он принял в себя, не отпуская губ. Потом зачастил, и они кончили еще раз вместе. Продолжая слегка покачиваться, он целовал, покусывая ее губы. Они затихли, и Юрий перевернул ее на себя, повалившись на спину. Потом Натка поцеловала его сама.

— Мне было очень хорошо, — сказала она хрипло и закашлялась от пересохшего дыхания.

— Мне тоже, — и Юрий прижал ее к себе.

Они полежали так немного, и Натка сползла на его бедра. Встала на колени и оглядела едва видневшийся в свете луны обнаженный торс мужчины: слегка волосатую грудь, впалый живот и курчавую поросль внизу с крупным, даже после соития, членом мужчины. Она провела ласково ладонями по всему телу, начиная с шеи и заканчивая яичками. Подержав их недолго, погладила еще раз и прижалась щекой, вдыхая запах плоти. Юрий застонал, и член начал возбуждаться. Она взяла его в ладонь и держала до тех пор, пока мужчина не подхватил ее за скулы и не подтянул к себе.

— Зачем? — выдохнул он.

— Хочу, — шепнула Натка ему в губы, — Может быть в последний раз. Кто знает, что будет завтра, — и, оттолкнув его руки, оттянулась назад, приникла к члену и взяла головку в рот.

Потом прижав его, втянула полностью и качнулась сама. Юрий застонал. Она качнулась

еще раз и сжала щеки ладонями. Тут он застонал и выгнулся. Потом резко поднялся и прихватил ее за плечи. Повалив на спину, с силой вошел в ее лоно и приподнял на свои бедра. Они целовались в засос, сплетаясь языками, и покусывая губы друг друга. Юрий поднял Натку на руках, и насадил на себя с силой войдя в нее. Они отчаянно совокуплялись, будто наказывали себя, будто пытались доказать, что были правы в этом своем животном желании. Почувствовав прилив сладости, они качались все быстрее и быстрее, хрипло выдыхая воздух. И достигли желаемого — спазм и извержение заставили их расслабиться, пожирая их тела и сознание в космическом полете сладострастия.

Натка выскользнула из ослабевших рук Юрия и упала набок. Тот опомнился и подхватил ее, посадив на свои бедра. Они вновь целовались и уже спокойно, как бы, благодаря друг друга.

Потом молча поднялись, помогая очиститься и одеться. Юрий обнял Натку и прижал к себе.

— Мне еще не было так хорошо ни с кем, Наташа, — прошептал он ей в шею, — Спасибо тебе.

— Не за что, — хмыкнула она, слегка отстраняясь, — Идем к своим. Они там могли и проснуться. Хватятся же. А нас нет. Будут сердиться. Или... — она не закончила, когда подхватил продолжение Юрий.

— Или завидовать!

Она легонько стукнула его по руке, хихикнув.

Они прошли к еле тлевшему огню и Юрий сразу же начал ломать ветки и бросать их в костер. Пламя взметнулось, и полетели искры. Натка смотрела на довольное и умиротворенное лицо Юрия и не верила, что только что она была с ним, была так близко, что еще ее тело помнило его кожу, руки, губы. Она помотала головой, будто отгоняя видения, и вновь посмотрела на притихшего мужчину. Он смотрел на огонь и медленно ломал прутья.

— О чем он думал, что вспоминал, — всматриваясь в него, Натка пыталась понять его мысли, — Завтра будет ли он помнить, что случилось или ему она только сейчас и была нужна, как сниматель стресса или последняя девушка в жизни?

Но не могла себе даже представить, о чем думал тот. А он думал о ней, о девушке с серыми глазами и сладким телом.

— Ах, как бы здорово было бы им сейчас очутиться на каком либо пляже на Бали или Мадейре, где много солнца, вина и теплого моря! Но вокруг только темная тревожная тайга и неизвестное завтра, — вздохнул он и бросил ветки в огонь.

Они сидели молча и смотрели на искры, летящие вверх, будто их притягивала луна, слегка тускнеющая в уже сереющем утре наступающего завтра.

Глава 13

Натка очнулась от потрясывания за плечо. Над ней склонилось лицо с синими ласковыми глазами.

— Вставай, засоня, — тихо сказал он и улыбнулся, — Миша с Иванычем пошли в кусты велели тебя разбудить. По-моему они поняли наши с тобой ночные посиделки, — хмыкнул он и сделал большие глаза.

Она смутилась и покраснела.

— Ты думаешь?

— Да, — и засмеялся тихо.

— И как теперь? — она со страхом уставилась на него, — Что скажут?

— Да ничего не скажут, — хмыкнул он, — Будут завидовать молча.

Натка покачала головой и начала вытаскивать из мешков продукты и готовить место под импровизированный стол. Налила в банки воды и поставила в костер, который поддерживал Юрий, бросая в него ветки. Сзади раздался топот ног и хруст валежника. Натка обернулась. Это были Иваныч и Михаил. Они поздоровались и присели перед костром. Выкатив банки с подогретой тушенкой, вскрыли их и принялись за еду. Натка смотрела на них, быстро перебегая глазами с одного на другого, будто искала ответ на свой молчаливый вопрос — Что скажите? Но они молчали и быстро поглощали пищу. Выпив по глотку из банки с чаем, начали проверять оружие и содержимое мешков, тихо переговариваясь о количестве патронов и их дележе на всех. Потом Иваныч взмахнул призывно рукой.

— Слушай сюда, — начал он, положив автомат на колени, — Думаю, что мы сегодня должны выйти на ту поляну с вертолетом. Как говорила Наташа, там должен быть один охранник и один пилот. Кроме того, может быть еще и тот гражданский и водила с монстром. Итого четверо. Нас столько же. Поэтому будем поступать по обстановке, но не лезть на рожон, стараться не погибнуть. Сначала ты, Наташа, — обратился он к девушке, — Твой визор и твой выстрел первый. Возможно и отстрел всех, и в первую очередь — зверюгу. А потом и мы. В общем вот такой план. Прошу изменения и поправки. Миша, ты?

— Думаю, что ты, Иваныч, прав. Все так и должно быть. И остальное по обстоятельству.

— Юрий? — обратился Иваныч к нему, повернув голову.

— Я согласен и полагаюсь на ваш с Мишей опыт.

— А у тебя, Наташа, есть возражения или дополнения? — Иваныч серьезно посмотрел на Натку.

Она покраснела и кивнула.

— Я согласна с вами.

— Самое главное на тебе, девочка моя, понимаешь? — смягчил свой голос Иваныч, подняв на нее вопросительный взгляд.

Натка улыбнулась и вновь кивнула.

— Я понимаю и постараюсь.

Они поднялись и прибрались за собой, погасив костерок, пописав на него в три ручья, а Натка отправилась в кусты оправить свою потребность.

Через полчаса они уже были в пути, и их снова вел Иваныч, сверяясь по компасу. Выстроившись в цепочку и стараясь не шуметь, двигались быстро и споро. Вдруг Иваныч остановился и поднял вверх руку. Все остановились и приблизились к нему.

— Наташа, оглянись. Тебе хоть что-то напоминает?

Натка огляделась, пожала плечами.

— Нет.

— А вот это? — и он показал на сломанную ветку и черные капли на ней.

— Кровь? — удивилась девушка, — Засохшая?

— Ну да, — проговорил Иваныч, растирая ее между пальцев. Понюхал.

— По-моему не человеческая. И вот видите еще тут уже дорожка из капель.

Он пошел в сторону, вглядываясь под ноги. Остановился.

— Ну и вот, — протянул руку, — смотрите. Остатки пиршества. Возможно и нашей зверюги.

Они сгрудились вокруг, рассматривая остатки костей и шкурки.

— Вероятно заяц или кролик, — сказал Юрий, поворачивая куски палкой.

— Заяц, точно, — откликнулся Михаил, — Вчера ели. Скорее скормили зверюге. Знать голодная, сволочь, раз даже на зайца позарилась, — и сплюнул зло.

Они еще поискали рядом какие-нибудь пометки и, не найдя ничего, двинулись по прежнему пути. Через три часа остановились на опушке перед большой поляной. На ней стоял вертолет и никого вокруг. Спрятавшись за кустами и деревьями, осмотрелись — было тихо и никакого движения.

— Иваныч, что будем делать? — задал вопрос Михаил, приблизившись к нему, лежащему за оптикой карабина.

Тот молчал и только водил оружием из стороны в сторону. Потом они отползли в сторону деревьев и встали на ноги. Все выстроились в полукруг. Натка и Юрий смотрели вопросительно и настороженно.

— Там почему-то тихо, — пожал плечами мужчина, — Надо бы проверить.

— Я пойду, — сказал Михаил.

— Нет, — остановил его Юрий, — пойду я. Если все в порядке, заведу машину, а вы побежите быстро и залезете, когда уже буду готов.

— Хорошо, — кивнул Иваныч, — Согласен. Путь идет Юрий. Мы за ним. А ты, Наташа, подстрахуй его. Если что стреляй не задумываясь. Поняла?

— Поняла, — кивнула та и посмотрела на Юрия.

— Я смогу, — быстро проговорил он и, притянув ее к себе, поцеловал в губы.

Она слегка опешила и покраснела. Оглянувшись, предполагала увидеть осуждающие глаза, но увидела понимающие и улыбнулась виновато.

— Ты там осторожнее и повнимательней, — Михаил стукнул Юрия по плечу, — Смотри у меня, не балуй.

— Есть, командир, — улыбнувшись, вскинул на плечо автомат, и, согнувшись, побежал по открытому пространству.

Натка припала к визору и внимательно повела карабин по кругу. Юрий уже взобрался в машину, как из-за куста вынырнула фигурка пилота и бросилась к вертолету. Натка прицелилась и выстрелила. Человек упал. Через некоторое время машина загудела, и начали крутиться лопасти винта. Натка бросилась бежать по полю. В это время раздались выстрелы и она припала к земле. Потом, приподнявшись на колено, осмотрелась, приложив карабин к плечу. И во время: из-за кустов на нее вылетела чупакабра, раззявив пасть. Выстрел и та как подкошенная упала и забилась в агонии. Она упала рядом и девушка видела, как закрылись ее глаза и как из пасти все еще цедила слюна.

— Сука, — плюнула она в нее, — так тебе и надо, тварь!

И вновь раздалась автоматные очереди. Натка вновь упала в траву, почти рядом со зверюгой, и поползла к машине. Она слышала, как раздавалась стрельба за спиной.

— Видимо Иваныч с Мишей, — думала она, приостанавливаясь и прислушиваясь.

Потом осторожно приподняла голову. И тут почувствовала, как около виска ее что-то обожгло. Она ойкнула и прижалась к земле. Протянула ладонь к больному месту и ощутила теплую липкую жидкость на пальцах.

— Кровь, — заметались ее мысли, — ранение? Но не убили же?

Хмыкнув, вновь приподняла голову. Она была рядом с вертолетом. Машина перестала гудеть, винт уже остановился, и лопасти едва вертелись. Привстала и увидела лежащее перед ней тело. Бросилась к нему и сердце сжалось от страха — это был Юрий. Он лежал на спине с закрытыми глазами. Темное пятно расплывалось на его грязной белой рубашке. Она растегнула ее и дрожащими руками подняла нательную майку вверх. Недалеко от сердца было небольшое отверстие, из которого толчками выходила кровь. Натка приложила два пальца к основанию шеи и услышала биение. Оно было четким.

— Фу, ты, — выдохнула она, — значит, будет жить.

Скинув мешок со спины, она быстро вытащила медсумку и сделала укол болеутоляющего и антисептика. Потом разорвала пакет с бинтом и туго перевязала его, осмотрев и спину. Выходного отверстия не было.

— Застряла пуля либо в легком, что очень плохо, либо в ребре, что намного лучше.

Тут она услышала шумное дыхание и встревоженный голос Михаила.

— Жив?

— Жив-жив, — закивала она, продолжая его бинтовать, — Только надо скорее в больницу. Только куда? Ты сможешь лететь?

— Да-да, — он забрался в кабину и завел машину.

Вновь она заработала, загудела, завертелся винт и пошли волны ветра в разные стороны. Михаил выскочил из кабины.

— Давай его втащим в салон, — прокричал он и приподнял Юрия за плечи.

Натка схватила его за ноги. Подоспевший Иваныч вскочил в открытую дверь машины и принял тело Юрия. Натка помогала снизу. Потом подал ей руку и втянул во внутрь. Машина взревела и, качнувшись, начала взлетать под перестук автоматных очередей снизу. Иваныч высунулся с оружием и стрелял, не целясь. В это время Натка подтягивала тело Юрия подальше от проема машины, чтобы случайная пуля не задела лежавшего раненного, но пуля все же нашла свою жертву — упал на пол Иваныч и начал сползать вниз.

— Иваныч! — закричала отчаянно Натка, видя, как мужчина уже переваливается за борт.

Она рванулась за ним, но только схватила рукой воздух. Тело падало, и девушка видела, как к нему устремились трое. Один бросился к Иванычу, другие двое стреляли в улетающий вертолет. Она отпрянула и села с замороженным взглядом. Натка не могла представить себе мертвого Иваныча. Она зажмурилась и открыла глаза. Потом подползла к проему и глянула вниз, но уже никого и ничего не смогла рассмотреть. Под ними простиралась тайга, аж, до самого горизонта.

— Наташа! — еле услышала она голос Михаила, — Иди сюда!

Натка перебралась к нему и тот, повернув к ней голову, прокричал:

— Садись в кресло! Надень наушник!

В кресло она не села, но наушники надела и поправила микрофон у рта.

— Как там? — услышала она голос Михаила.

— Иваныч погиб, — проговорила она заикаясь, — а Юрий в отключке. Надо быстрее его в больницу. Знаешь, куда лететь?

— Знаю, — проговорил тот, и показал бумажную карту в летном планшете, — Видишь значок? Это их база, а вот это, — он прочертил пальцем до другого, — Видимо человеческое жильё.

— Надеюсь не их еще одна база, — проговорила она, разглядывая ту часть карты, которую показывал Михаил, — А скоро прилетим? Юрий ждать не будет.

— Через час полтора, — ответил он и повернулся, переключая какие-то тумблеры и нажимая кнопки.

— Этого времени может и не быть для него, — кивнула она головой в сторону.

— Если ему суждено выжить, то выживет, — сурово сдвинул Михаил брови, — Иди к нему. Если что, хватай наушники или кричи громко.

— Хорошо, — ответила девушка и сняла оголовье, оставив на спинке второго сидения пилота.

Держась за выступающие части кабины, прошла к лежащему Юрию и, присев на пол, положила его голову себе на колени. Приложив пальцы к шее, поняла, что жив. Жилка билась учащенно, но уже горячим было тело. Она вытщила еще несколько салфеток и, смочив из фляги, провела по губам и положила ему на лоб. Даже через марлю был заметен жар. Он приходил в себя и начал постанывать. Потом открыл глаза.

— Где мы? — прохрипел он в ухо, наклонившейся над ним Натке.

— Мы в вертолете, — также ответила ему в ухо, — Ты ранен. Лежи. Миша ведет машину. Сказал, что скоро будем в больнице. Потерпи.

Он взглянул в ее встревоженное лицо и страдающие глаза и вздохнул. Она вновь сделала ему укол от боли и от жара. Через некоторое время Юрий затих и уснул. Натка сидела над ним и молилась. Она просила Господа спасти ее любимого мужчину, она обращалась ко всем угодникам о милости к нему. Бормотала и бормотала, пока не услышала окрик Михаила. Тот звал и махал ей. Положив аккуратно голову Юрия, она привстала и поползла на коленях к креслу. Встав на ноги, надела наушник.

— Смотри, — прокричал он, показывая в сторону, — Видишь?

Она посмотрела, и сердце ее екнуло от радости — внизу совсем недалеко показалось селение или же городок. Дальше была река и угадывалась железная дорога.

— Значит, там может быть больница, — думала она, сжимая край пилотского кресла.

Михаил сделал какие-то манипуляции с рычагом и машина, пошла по кругу над поселком. Выбрав поле, недалеко от дороги, он начал снижаться и вскоре сел. Выключив все кнопки и тумблеры, остановил машину, и винт перестал вертеть лопасти. Вылез из кресла и присел перед лежащим Юрием.

— Как он? — спросил девушку.

— Не знаю, но пока жив. Я сделала ему еще один укол болеутоляющего. Но жарит. Теперь куда? — она смотрела на него с надеждой в глазах.

— Пойду, найду кого с машиной. А ты сиди тут. Поняла?

Она кивнула.

Михаил выпрыгнул из кабины и побежал в сторону жилых домов. Натка сгребла мешки и оружие в сторону и сложила их на кресло пилота. Свой карабин вскинула на плечо и

высунулась из вертолета, оглядывая окрестности.

Это был именно городок с водонапорной башней, с двухэтажными домами, помимо одноэтажных. Натка даже высмотрела магазин с поблескивающей витриной. Что это был за магазин продуктовый или промтоварный, не было видно, но двери открывались и выходили люди, держа в руках пакеты и сумки. А еще она видела головы, появляющиеся за заборами и в огородах. Шума не было слышно, но уже видела остановившихся людей, смотревших в ее сторону. То есть, они и видели и слышали вертолет, и то, что он сел недалеко. Видимо, скоро, покажутся и представители власти, а именно полицейская машина. Ведь они первыми должны отслеживать такие действия в небе. И на земле. Так и случилось. Показался сине желтый УАЗ. Он подъехал к сидевшей на полу Натке, и из него выскочили Михаил и еще мужчина, одетый в форму полицейского. За ними подъехала «скорая». Из нее выпрыгнули трое с носилками.

— Как он? — окликнул Натку Михаил.

— Пока без ухудшений, — откликнулась она, и вылезла, наблюдая за действиями санитаров и полицейских.

Осторожно уложив Юрия на носилки, они побежали к машине. В несколько рук внесли в нее и, захлопнув двери, та рванула с места. Михаил, прихватив Натку под локоть, затолкал в кабину полицейского УАЗа, оставив одного полицейского у машины.

— Будет караулить и вертолет и оружие, — сказал Михаил, — Я уже позвонил в Москву. Скоро пришлют самолет с врачами и лекарствами. А пока осмотрят в местной больнице. Едешь со мной.

Натка кивнула и стала глядеть в окно. Мимо пролетали дома и жители этого городка. Она не ошиблась — это был настоящий таежный городок, и он отмечен на карте. Здесь жили золотоискатели и золотодобытчики. На реке стояла драга и рядом строения — сушилки и ангары для машин и оборудования. Городок небольшой, но имелся и аэродром, и администрация, и контора по обслуживанию работ, связанных с добычей драгметалла. Как она потом узнала, здесь даже была гостиница тире ресторан, местного разлива. Все, что необходимо людям, живущим постоянно и прибывающим на заработки.

Вскоре их машина остановилась у небольшого одноэтажного здания, у крыльца которого уже стояла та «скорая». Двери были открыты. Видимо Юрия уже внесли в больницу. Они поспешили туда же. Пройдя коридором до палаты с надписью «приемный покой», они остановились перед закрытыми дверьми. Около них стоял один из трех медработников, принимавших Юрия у вертолета.

— Туда нельзя, — поднял он руку, — сейчас его осматривают и сделают рентген. Ждем самолет. Уже передали, и сюда летит бригада из области со специальным оборудованием.

— А как он сейчас? — спросила Натка, заглядывая с надеждой в лицо санитаря.

— Пока также, но я и сам не знаю, — пожал тот плечом.

— Давай, присядем, — повернулась она к Михаилу, — подождем, что скажут.

Он кивнул, и они сели в деревянные кресла, сцепленные по три разом. Такие когда-то, в советские времена, стояли в кинотеатрах, да и везде, где требовались места ожидания.

— Пить хочешь? — вдруг спросил Натку Михаил, видя, как та облизывает губы.

— Ага, — кивнула она виновато глядя на него.

— Где можно взять воды, милейший? — обратился Михаил к санитару.

Тот усмехнулся и поманил его за собой. Они ушли и вернулся капитан через минут десять, в белом халате, накинутым на грязную порванную майку, с кружкой горячего чая и куском белой булки.

— На, надень, — кивнул себе на подмышку, где был зажат еще один белый халат.

Натка надела его и приняла в руки кружку и хлеб. Чай был сладкий, булка свежей и вкусной.

— А ты? — спохватилась она, когда откусила кусок и глотнула горячую жидкость.

— Я уже пил, — хмыкнул он, — поешь сама.

— Когда это ты успел? — говорила она с полным ртом, поглядывая на осунувшегося мужчину.

Только сейчас она разглядела его побои и метки от тех деревянных щитков, что сжимали его шею и кисти рук. Вид у них, конечно, был ужасный. Оборваны, почти раздеты, окровавленные бинты и царапины по всем открытым местам. Грязные руки и ноги в стоптанной и пыльной обуви.

Они сидели недолго. Вскоре открылись двери, и показалась каталка с Юрием, прикрытым простыней. Его повезли по коридору в палату. Там осторожно положили на высокую кровать и засуетились вокруг, пристраивая установку с капельницей. Показался врач и поманил их к себе.

— Больной подготовлен к операции. По всей видимости, пуля сидит в легком, с краю. Нет большого кровотечения. Ждем самолет с хирургом. Здесь нет такого специалиста.

— А как же вы справляетесь, если что-то такое наподобие? — спросила удивленная Натка.

— Отправляем в область, девушка, — повернулся тот к ней лицом.

Ему было лет сорок, с небольшим, среднего роста, и внимательным взглядом черных глаз.

— Ему можно верить, — сразу решила Натка, когда тот успокаивал их на счет необходимости немедленного хирургического вмешательства.

— Час и он будет прооперирован, и не сомневайтесь, все будет хорошо, — похлопал он по руке Михаила, когда тот подал ему для пожатия в благодарность, — А сейчас идите по коридору прямо. Там будет душевая. Белье и халаты принесет нянечка и положит в раздевалке. Потом отведет вас в столовую и покормит. Вы же голодны? — спросил он.

Они кивнули разом. Главврач подозвал немолодую женщину в синем халате с какими-то коробками в руках и отдал распоряжение. Она кивнула и поманила за собой. Проведя в небольшую раздевалку, указала на две кабинки и ушла, закрыв за собой двери.

— Я разденусь и уйду туда, — хмыкнул Михаил, — а ты отвернись. Потом сама.

Натка хихикнула и отвернулась. Вскоре услышала, как за спиной стукнула дверца и полилась вода. Она быстро скинула свои, пропахшие потом и кровью, вещи и нырнула в кабинку. Прокрутив вентили, сделала нужную температуру и встала под душ. На виске защипало. Она охнула и приложила ладонь к этому месту, слегка касаясь. Царапина и довольно глубокая. И хотя она ее как могла, очистила еще тогда в вертолете от крови и грязи, сейчас ощущалась слегка припухшей. Нашарила рядом на полочке кусок мыла и намочила прихваченное небольшое полотенце. Намылила его и помылась, оттирая тело от месячных грязи и пота. Вскоре тело дышало чистотой, и на душе было умиротворение. Потом вдруг спохватилась.

— Как там Юрий? — всполошилась она и, выключив воду, выглянула из кабинки.

В раздевалке никого не было, а на скамье лежало чистая рубашка и халат, на полу стояли новенькие резиновые шлепки. Она облачилась во все это, подпоясалась пояском от цветастого халатика. Вышла из помещения, и наткнулась на стоящего у окна Михаила. Тот тоже был в новом больничном обмундировании: халат, шлепки и внизу виднелись цветные полосатые штаны. Он посмотрел на нее, она на него и оба усмехнулись.

— Зато чистые, — сказал он, показывая на халат и ниже, — Пойдем. Там нас ждут в столовой.

Натка шла рядом и думала о Юрии.

— Как он и что будем с ним, если запоздают врачи?

Натка тяжело вздохнула.

Молча прошли в чистенькую, пропахнувшую больничным запахом комнату, где размещены были четыре стола и несколько табуретов. На одном уже стояли дымящиеся тарелки с первым, рядом стояли со вторым и в стакане, соответственно, яркого малинового цвета напиток, под названием компот. Они присели и накинулись на нормальную еду. Ели молча, изредка переглядываясь. Было много и сытно. Натка даже не доела второе из мяса и картофеля, только выпила компот. Подождала, пока доест Михаил, вытерла салфеткой губы и поднялась.

— Идем? — спросила она, поднимая взгляд на сытое лицо мужчины.

— Идем, — улыбнулся он, — Спасибо, хозяйюшки, — крикнул он в раскрытые окошки кухни. И услышали голоса женщин: — На здоровье!

Подошли к палате, где уже стоял полицейский. Он загородил вход.

— Пока нельзя, — тихо, и заговорщически проговорил, — Идет обследование. Прилетел главный хирург области. И еще пару с ним. Серьезные-е-е! Жуть! Сказали, что тут будут делать операцию.

В этот момент в комнате задвигалось что-то, потом раздались шаги и распахнулись двери, выпуская врачей и каталку с бледным Юрием. Натка бросилась к нему и схватила за ладонь.

— Отойдите, девушка, — крикнул один из врачей, — Не тревожьте больного.

— Ничего, — еле произнес Юрий, улыбаясь посиневшими губами, — Ей можно.

Натка бежала рядом, держа его за руку. Ее глаза наполнились слезами, и даже одна скатилась по щеке.

— Не плачь, — прошептал он, глядя на ее страдающее лицо, — Я выживу. Обязательно.

Она кивала и улыбалась.

— Все будет хорошо, — приговаривала она, держа того за руку, — Все будет хорошо.

Потом ее отгеснили перед дверью с надписью «операционная» и она закрылась перед ее носом. Натка резко отшатнулась, и ее подхватил Михаил. Отвел в сторону и посадил на кушетку. Сам сел рядом. Натка оттерла щеку от следов слез и молча уставилась на стену напротив.

Так они просидели три часа, пока шла операция. Два раза отходил Михаил и один раз Натка — в туалет и попить. По истечении тягостного времени открылась дверь, и вышел один из врачей. Стянув маску, сказал, что операция прошла успешно, что было слегка задето легкое и если бы не остановка крови и быстрая доставка, то мог быть и летальный исход.

— Но все случилось так, как и должно было случиться — Юрий Владимирович жив и скоро будет здоров. Через сутки он будет вывезен в область, а там и в Москву, — подытожил он свою замечательную речь.

Михаил с Наткой радостно выдохнули, и девушка в бессилии прильнула плечом к груди Михаила, прикрыв ладонями лицо. Врач, хмыкнув, ушел и вскоре распахнулись двери и повезли на каталке Юрия, вместе с подключенными с обеих сторон капельницами. Натка бежала рядом, заглядывая в его лицо. Он еще не пришел в себя от анестезии. Его завезли в палату с надписью «реанимация». Рядом встал полицейский. Мимо него прошли врачи и закрыли двери.

Натка с Михаилом постояли еще немного, и пошли в палату, которую им определили для постоя. Там были две кровати по сторонам и тумбочка у окна. Натка села на одну из них и повалилась набок, подогнув под себя ноги. Она ужасно устала и хотела спать. Михаил постоял, посмотрел в окно и накрыл девушку свернутым в ногах одеялом. Она не шелохнулась. Он постоял еще немного и вышел, тихо прикрыв двери.

Через три дня с аэродрома областного центра взлетел частный самолет. Он вез в Москву сына главы газовой корпорации Юрия Григорьева, капитана Михаила Огородникова и Наталью Зотову, неизвестную девушку, недавно принятую в одну из групп разведки газа в Ямало-Ненецком округе.

* * *

— Группу Василия Викентьевича Твердолюбова в полном составе, считать погибшей, — завершил свою речь, начальник конторы по разведке недр России.

— А Вас, Зотова Наталья, переводят в главное управление корпорации. Туда вам надлежит явиться завтра в десять часов в отдел кадров за назначением.

* * *

Через неделю Натка улетала из Шереметьево на Бали. Рядом с ней сидел и Юрий Григорьев, наследник газовой империи.

Они летели к теплому морю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЮБОВНАЯ

Прошел месяц.

Сегодня Натка впервые перешагнула порог своей новой квартиры. Теперь эта жилплощадь станет для нее домом.

Она ходила по пустым комнатам элитного здания и прикасалась руками к стенам, к подоконникам с пластиковыми окнами, к подвесным шкафам встроенного столового гарнитура, с блестящими кранами в раковине на кухне, в ванной комнате и туалете. Две спальни, гостиная совмещенная с кухней, ванная с душем и туалет с унитазом и даже с бидэ. Все это принадлежало теперь ей, Натке Зотовой, бывшей зэчке, а теперь Наталье Сергеевне, одной из специалистов «групп разведки газа в восточных и северных землях России». Так значилась ее должность, которую она получила, вернувшись из заграничной поездки вместе с любимым мужчиной. Да, теперь она так его себе представляла, и он не отказывался таким именоваться. Сам, иногда, в порыве страсти, между поцелуями, признавался в любви к ней, простой девчонке с сомнительным прошлым. Но иногда, под ярким солнцем и в голубой лагуне с теплой и ласковой водой, он клялся ей, что она единственная, которая покорила его сердце навсегда. Натка верила, или хотела верить, как и всякая другая, после тяжелых испытаний, попавшая из ада в рай. Они любили друг друга в той замечательной хижине на искусственном островке, продуваемым морским бризом и укачиваемые легкими волнами океана. Фрукты, вино, рыба в любом исполнении, все это вносило в ее жизнь новизну. А их отношения строились на сиеминутном проживании, отпущенной им милостью судьбы. За это заплачено многими жизнями и сейчас, здесь, в этом тихом уголке, они радовались и жили за всех сразу.

Две недели счастья!

Потом, Натка устраивалась на работу и знакомилась с новым коллективом. Высотное здание из стекла и металла, высилось в центре столицы, и было видно со всех сторон. Ей было вначале даже боязно туда идти, но ее встретил Юрий внизу и, смеясь, провел на этаж кадрового кабинета. Толкнув двери, прошел сам и провел ее за руку.

— Вот вам новый сотрудник, Маргарита Павловна, — сказал он, глядя на подскочившую побледневшую от неожиданности, женщину средних лет, ухоженную и одетую в дорогой костюм, — Она, правда, несколько смущена, но все пройдет. Вы еще узнаете, что у нее твердый характер и ее трудно вывести из себя. Определите ее к разработчикам. А сейчас прощайся. Жду тебя в своем кабинете, — он повернулся к Натке, улыбаясь, — Надеюсь, ты помнишь где?

Она кивнула, покраснев. Она еще не знала, как себя вести теперь, когда уже поползли слухи о том, что у наследника новая фаворитка, и что она спасла его в том жутком таежном походе.

Ей определили место в большой комнате, где через прозрачные перегородки были видны все работающие здесь люди. Это были в основном молодые специалисты с высшим образованием. Свое же она получит вскоре, как и обещал ей Юрий. Натка записалась на курсы подготовки к подачи диплома в Московский институт нефти и газа и еще на водительские. Так сделать ей рекомендовал еще Роман, напоминая про протяженность пути

на работу и на дачу к начальнику. И он был прав, так как Юрий снимал жилье в пригороде, в коттеджном элитном поселке. Туда он привез ее сразу после посадки в Шереметьево. Их своеобразный медовый месяц продолжался, пока врачи не дали тому разрешение на выход на работу. Свои походы, скорее поездки, ей была предоставлена машина с водителем, Натка совершала в то время, пока Юрия не было дома. Вечером он возвращался к готовому ужину и радостной его появлению женщине. И это его устраивало.

Натка побывала на своей старой жилплощади, в квартире Зины, встретила с Тамарой. Квартира была прежней, то есть грязной, с запахами прокисшей еды и пива, прокуренной и вонявшей лежалыми тряпками. Томка была рада ее приходу и принялась сразу клянчить на выпивку, глядя на ее дорогой прикид.

— Во! Выглядишь, — подняв большой палец, прохрипела она, кашляя и сплевывая прямо на истоптанный пол, — Сразу видно — выбилась в люди. А я все так же, как видишь, — и она обвела рукой вокруг себя, — Ни тебе денег, ни внимания. Кругом одна. Иногда сосед подсуется, и мы с ним посидим. А так — скукота. От Зинки тебе письмо. Я сохранила. И еще одно из твоего, видать, города.

Натка забрала их и сунула в сумку. Собрав свои вещи, закрыла Зинину комнату. Потом выдала Тамаре тысячу рублей, потребовав с нее обещание — позвонить, если придут еще письма на ее имя и оставила номер телефона. Та, клятвенно, обещалась, крепко сжимая в руке деньги. Простившись, Натка спустилась и оглянулась на окно. Там стояла женщина и внимательно смотрела на дорогую машину и водителя, который укладывал вещи в багажник. Потом открыл ей дверцу и помог сесть. Перед этим, она взмахнула рукой и Тома, это была она, махнула ей в ответ.

Дома, она прочла письма и написала сама. Зинка требовала рассказов о ее жизни и работе, и писала о бывших товарках, а Терентьич пенял на ее молчание и жаловался на свое нездоровье.

— Что ж, — думала Натка, отставив бумагу на столе, — Возраст дает о себе знать. Надо будет отписать, что не забывала о своем предложении и, возможно, пригласит того к себе, когда определится со своим жильем.

И вот сейчас она сидела на полу собственной квартиры и сжимала в руках прозрачную папку с бумагами, удостоверяющими, что это вокруг все ее, личное. Теперь надо будет закупить мебель и все остальное, как и положено для удобства проживания. А пока нет даже стола или стула, есть только надувной матрас с прежним ее постельным бельем, который она на нем и расстелила.

Раздалась телефонная мелодия. Натка вскочила и нашла в сумке, что лежала на кухонной тумбе, плоский серебристый телефон. На его панели красовалось улыбающееся лицо мужчины с синими глазами. Она провела пальцем и услышала мужской голос.

— Я внизу. Жду.

— Я сейчас, — выкрикнула она и, отжав звонок, прихватила сумку и выбежала на площадку. Лифты работали четко. Спустившись, увидела рядом с будкой охраны высокого, дорого одетого мужчину. Он держал в руках, белую розу на длинной стебле, и улыбался. Она подбежала и кинулась ему на шею. Припав к губам, вымолвила шепотом.

— Спасибо за все.

Он прижал ее к себе и слегка оттолкнул.

— Запиши меня в книгу свободного посещения, дорогая. А то придется тебя каждый раз просить спуститься, чтобы провести в твое уютное, надеюсь, гнездышко.

— Да-да, конечно, — заторопилась она и протянула охраннику, смотревшему на них с любопытством, его визитную карточку. Тот прочитал и записал в компьютер данные и телефон.

— Все в порядке, — вернул он кусок картона.

Натка бросила его в сумку. Юрий обнял ее за талию, и они пошли к выходу. Пройдя к черному представительскому лимузину, открыл ей дверцу, а ему открыл водитель с другой стороны. Машина тихо тронулась с места.

— Куда едем? — спросила Натка, прильнув к плечу сидящего рядом мужчины.

— В ресторан. Отмечать твою покупку.

— Ну, — протянула, отстраняясь Натка, — не мою еще. Но я к этому стремлюсь.

— Кредит от нашего банка, а значит квартира уже полностью твоя. Поэтому сейчас и будем ее обмывать, иначе будешь плохо себя в ней чувствовать. Согласна?

— Я во всем с тобой согласна, милый.

И, обняв его за руку, прижалась к плечу, уткнувшись тому в шею. Он прижал ее и поцеловал в волосы. Так они и доехали до ресторана. Приказав водителю держать с ним связь, он придержал дверцу и помог выйти Натке из машины. Она уже начала привыкать к такому обращению и находила в этом какой-то шикарный кайф: рука мужчины с тонкими длинными пальцами и ее, теперь ухоженная, крепкая ладонь с еще не сошедшими мозолями от карабина. Одетая в костюм от «Версачи», что приобрела в дорогом бутике, она оглядела себя в зеркале фойе. Рядом с широкоплечим красавцем, она, конечно, не смотрелась таковой же, но уже не краснела, как раньше. Она была влюблена и была любима, а все остальное лишь только антураж, как говорил Юрий, всегда, когда она смущалась окружающему их вниманию людей.

Встретивший их метрдотель, провел к столику в глубине небольшого зала с «живой» музыкой. На полутемной сцене четыре музыканта играли джаз. Мелодия североамериканских негров, окутывала легким флером немногочисленную публику. Натка оглядывалась вокруг, заметив сидящих за столиками и танцующую пару перед сценой. Все были поглощены собой и едва обращали внимание на них. Это успокаивало и расслабляло. Заказ принесли быстро и расставили на столе с классической белой накрахмаленной скатертью. Ведерко с шампанским, высокие узкие хрустальные бокалы, тугие салфетки на двойных плоских тарелках мейсенского фарфора — все говорило о богатстве этого места кулинарного искусства. Откупорив бутылку, официант разлил по бокалам и пожелал приятного аппетита, сообщив при этом, что закуски будут поданы по их желанию. Юрий кивнул и тот отошел в сторону, к притаившейся в тени тележке с клошами.

— Давай выпьем за твой новый дом, — поднял Юрий свой бокал, — И пусть в нем всегда царит покой и тишина.

— А я присоединяю к твоим словам еще и за любовь в моем доме. За твою и мою любовь, — сказала Натка с придыханием, глядя в смеющиеся глаза мужчины.

— Согласен, — ответил тот и прикоснулся к ее бокалу.

Раздался легкий звон и слегка колыхнулась желтоватая жидкость. Они пили, глядя друг другу в глаза. Потом ели вкусно приготовленную рыбу и овощи, снова пили и ели. Раскрасневшуюся Натку, Юрий пригласил танцевать. Музыканты играли какой-то блюз и несколько пар качались в такт музыки. Натка припала на грудь мужчины и, уткнувшись ему в шею, вдыхала знакомый аромат парфюма. Когда-то, еще в первые дни их отдыха, она похвалила его за вкусный запах, и он с тех пор пользовался только этим ароматом. Натка

прикрыла глаза и отдалась на волю ног и рук партнера. Он слегка покачивался, переступал, и она повторяла эти движения. Потом он начал поворачивать ее в танце и отталкивать в сторону, потом вновь прижимая к себе. Ей понравились такие движения, и она развеселилась. Продолжая свой затейливый рисунок, Юрий резко опрокинул ее спиной на руку и тот час поднял, припав к губам. Она опешила, но поддалась и когда почувствовала его поцелуй, то сама приникла к его рту. Оторвались лишь тогда, когда вокруг раздались хлопки. Им аплодировали немногочисленные зрители их танцевальным па. Смутившись, Натка опустила голову, а Юрий смеясь, поклонился и, подхватив ее за талию, подвел к столу. Стоя, налил в бокалы, и они выпили не отрываясь.

— За нашу любовь, — проговорил при этом Юрий.

Через час они целовались в освещенном лифте ее нового дома. А вскоре судорожно раздевали друг друга по пути в спальню, едва освещенную небольшой лампочкой, под маленьким абажуром, стоящей у матраса. На матрас они и упали в поцелуе. Их возня и вздохи эхом отдавались от голых стен. Здесь, с пустом помещении, на надувном матрасе, свершалось соединение двух тел — мужского и женского. Стоны, всхлипывания, звуки поцелуев и шлепанье тел друг о друге, выходящий воздух из женского лона при порывистом выходе и входе члена мужчины, его хриплое дыхание и ее легкое аханье, говорило о страстном и долгом соитии. Потом влажные тела вздрагивали и сжимались от окончания любовных утех и замирали в сладком ощущении полета. Они еще долго ласкали друг друга, поцелуями и руками, ощупывая каждую часть любимого тела.

— Нет ничего постыдного между любящими, — гласит первая часть «Камасутры», книги искусства страсти.

В этом Натка и Юрий преуспели — они не стеснялись, они пользовались всеми способами, приносящими радость их близости.

В окне уже серело, когда они наконец-то заснули, обняв друг друга.

Утром Натка приготовила Юрию только кофе и налила мандариновый сок из пакета. Еще не могла сделать полноценный завтрак, о чем и поведала, улыбаясь и целуя того в щеку.

— Нужно время для обустройства. Как видишь, — обвела она вокруг себя рукой.

— Ну, так устраивайся, — улыбнулся тот, прихлебывая из стакана кофе, — Сегодня суббота и еще есть воскресенье. Если хочешь, то могу дать тебе Михаила. Он мне не понадобится в эти дни. Буду сидеть на даче с родителями. Уже бурчат. Особенно маман. Хотят видеть блудного сына.

Он рассмеялся, а у нее сжалось сердце. Она уже знала, что родители не одобряют его затянувшуюся связь с «простолюдинкой», как услышала она однажды, когда Юрий разговаривал по телефону с матерью. Он выговорил ей в довольно грубой форме, но потом, видимо, принял ее извинения. С тех пор он не разговаривал с ними при ней, боясь, что Натка услышит что-то в этом роде. Хотя тогда, она ни слова не сказала ему, и никогда не поднимала вопрос об их дальнейших планах на будущее. Она понимала, что рано или поздно, ему она надоест или же родители настоят на женитьбе с девушкой, соответствующей их положению. Пока же Юрий молчал и не знакомил со своими родными, не появлялся вместе с ней на корпоративах. Просто он был из другого общества, куда не допускались младшие менеджеры их компании. Да Натка и сама не стремилась в верха, понимая, что ей там не место. Она довольствовалась их сегодняшними отношениями и их сегодняшней любви. Что будет потом, не хотела думать, но мысли стали появляться чаще, особенно теперь, когда появился свой дом.

— Мой дом, — всякий раз, повторяя эти слова, она чувствовала радость в душе и обустроивала его со вкусом, часто заглядывая в инет или советуясь со своей новой знакомой Надеждой, с которой сидели рядом, через прозрачную перегородку.

Они познакомились на второй день ее пребывания в коллективе. Та скоро представилась и предложила помощь в освоении и работы и самого здания. Ей было чуть меньше лет, чем Натке и она уже два года работала здесь. Ее дядя служил в особом подразделении МВД столицы и, благодаря его связям, была пристроена на теплое местечко в одну из известных компаний. Белокурая пампушка, она была всегда весела и легка на подъем. Показала все места, где Натке придется показаться и привыкнуть: столовую, курилку, туалеты и лифты, этажи начальства и комнаты охраны. Перезнакомила с теми, кого считала нужными людьми, показала буфеты и вединговые кофе-аппараты, денежные банкоматы. А еще они начали посещать кафе с приготовленным в горячем песке отличным кофе и вкусной выпечкой. Там часто собирался младший персонал компаний этого высотного здания Москвы. Молодежь веселилась, обменивалась новостями, знакомилась.

Однажды к ним за стол присели двое парней примерно их возраста, и попросили познакомиться. Одного, рыжеватого с зелеными глазами звали Игорем, другого черноволосого и черноглазого — Ильей. «И» в квадрате, так пересмеивались они, втягивая и их в свою игру. Работали в здании напротив и были технарями по компьютерам. Много рассказывали об известных компьютерных играх, делились своими наработками в сфере программного обеспечения. Но Натке было все равно, а вот Надюша заинтересовалась вторым «и» — Ильей и они начали исчезать парой, оставляя ее с Игорем вдвоем. Парень пытался ухаживать, предлагал дружбу. Но Натка понимала, что значит под этим словом —

простые траханья, при случае, но по обоюдному согласию. И согласия не давала, как не давала даже намек на дружбу. Просто уходила и уезжала на своем синем «пежо», который как-то по случаю, выбирала в присутствии Юрия в дорогом автосалоне. Он сделал ей эту машину в подарок на ее день рождения. Она до сих пор вспоминает, как все получилось.

Отмечали ее днюху в одном их шикарных ресторанов. Были как всегда, только вдвоем. Юрий заказал кабинет на втором этаже и богатый стол, со всеми кушаньями, которые ей нравились. Уже успел за эти месяцы выучить ее вкус. Пили вино уж какого-то прошлого века, бутылка которого стоило ее месячной нехилой зарплаты, танцевали, спускаясь в зал, а потом уехали к ней в квартиру, на широкую кровать. В перерыве между сексуальными играми, он преподнес ей ключи. Натка сначала не поняла, потом завизжала и бросилась ему на шею. Она даже не ожидала, что тот купит ее, так как хотела взять еще один кредит и самой выкупить. Теперь в подземном гараже стояла ее мечта. Она было бросилась тут же ее посмотреть, но была остановлена окриком мужчины.

— Кудааа...голая...совсем одурела от счастья!

И действительно, она совсем забыла, что ходит по квартире в прозрачном пеньюаре, накинутым на обнаженное тело. Так любил Юрий, и она уже привыкла к его желаниям. Он сам любил ходить обнаженным, и часто Натка убеждалась в его отношении к ней, когда видела вздыбившийся вдруг член и тут же припадала с поцелуями и ласкам ртом и руками. Он закрывал глаза от наслаждения, и она понимала, как может доставить ему удовольствие. Иногда он валил ее на стол животом и грубо брал сзади. Их соитие было быстрым и слегка болезненным, но нравилось обоим. Но чаще — на широком ложе, купленном Наткой специально для их любовных игр, и засыпали в объятиях.

Как-то Юрий уехал в командировку в арабские эмираты на неделю. Она осталась одна. Часто переговаривались по телефону, благо эта возможность была постоянной. Иногда тот просил ее раздеться и показать те части тела, которые вызывали в нем возбуждение. Она, смеясь, соглашалась, и даже слегка его поддразнивали, то зажимая сосок, то опуская палец в лоно. Он стонал и грозился, а она смеялась. Они оба любили подобные игры и очень скучали друг без друга.

В предпоследний день, как раз в пятницу, в конец рабочего дня, Надюша предоставила ей информацию на своем смарте от их двойного «И» — приглашение на ночной выезд за город, на местную турбазу и всего на одни сутки.

— Поедем, — умоляюще смотрела на Натку белокурая «Жози», как прозвал ее Игорь, — Очень прошу. Может быть, и у меня что-то получится.

Она стеснялась своей полноты и часто сидела на самых разнообразных диетах. Личная жизнь, в связи с этим, складывалась неудачно — не было полноценных отношений с парнями, разве на один перепих. А здесь она поняла, что понравилась Илье. Тот, в связи со своими национальными пристрастиями, он был евреем, очень выразительно намекал ей, что не прочь к более тесным и даже длительным отношениям. Ее глаза горели предвкушением и одновременно просьбой, почти мольбой. Ну, как могла Натка, не привыкшая отказывать близким подругам, не уступить. Скрипнув зубами, она согласилась, а потом с тоской думала, крутя баранку своей машины, — Зачем?

Надюша сидела рядом и без конца что-то говорила и смеялась. Она была в восторге и от самой поездки и от встречи с возможным любовником. Вся такая воздушная в белом комбинезоне, с кудряшками, с розовым покрашенным ртом и покрасневшими щеками. Натка посматривала на нее и уже не корила себя за эту поездку. Та летела на крыльях к

особе своего желанья, а ей придется терпеть чужого человека рядом и все во имя дружбы.

— Ну, что ж, потерплю, — хмыкала она и кусала губы, — Только бы все это не зря. А то будет хреново обоим.

Ребята встретили их у самых ворот и проехали с ними до отдельного стоящего домика в конце улицы турбазы. Оставив машину на стоянке перед домом, они вошли на террасу и огляделись. Природа дышала спокойствием и предлагала хороший отдых. Внесли вещи, расположились по комнатам по двое — мальчики и девочки отдельно и вытащили продукты на уличный стол. Там же стояли четыре пластиковых кресла. Рядом находилось специальное место под огонь, и даже мангал с шампурами для шашлыков. Пока мальчишки разбирались с костром, Надя занималась мясом, а Натка готовила стол, вынимая судки с приготовленными заранее салатами. Расставляла пластиковую посуду и такие же стаканчики под спиртное и стаканы под воду и соки. Открывались пакеты с нарезками мясными и рыбными, а также хлеб и пирожки, вываливались на стол апельсины и яблоки. Разведя огонь в мангале, и отставив мариноваться мясо, все сгрудились за стол и подняли первый стакан за отдых, потом второй за дружбу, третий за любовь. У Натки от таких частых тостов, слегка закружилась голова и она решила, что пить теперь будет с оглядкой. Вкусно поела и отошла, чтобы ответить на звонок телефона. Он был от Юрия. Картинка была классной! Тот одет был в белый фрак и белую рубашку и смотрелся так здорово, что Натка даже приревновала. На заднем плане виднелись лица восточных мужчин и цветные пятна женщин.

— Ты это где? — удивилась Натка, пытаясь рассмотреть окружающих.

— Я на заключительном рауте. Завтра уже лечу домой. К тебе, моя радость, — улыбнулся он и приподнял в руке стакан с темным напитком, видимо с виски, — Вот, пью за нашу долгожданную встречу. А ты где? Что-то не узнаю это место.

— А я с ребятами на турбазе. Завтра утром буду уже ждать тебя дома, — говорила она, слегка смущаясь, от его встревоженного взгляда.

— Что за ребята? И что за турбаза? А то от этого слова у меня мурашки по телу, — он пригубил напиток и прищурился.

— Ребята из соседней конторы, а турбаза недалеко расположена. Настоящая. Без чупакабр, — здесь она хрипло хихикнула, — Надеюсь — ты не ревнуешь?

— Ревную, — угрожающе сдвинул тот брови и рассмеялся, — Конечно, ревную. Будь осторожна, дорогая. Чупакабры бывают разными, даже в человеческом образе.

Она чмокнула панель и лизнула ее.

— Понял, что я хочу? — прищурилась она и пососала губами.

— Не шали, безобразница, приеду — отшлепаю, — говорил он, а у самого все сжималось внутри, и даже встал дыбом член, — Все-все, — проговорил он, куксясь от желанья, — а то придется идти и искать, куда и кому спустить сперму.

— Сходи в туалет, — хихикнула она, — там твой белый друг примет ее без всяких условий.

— Ну, погодииии! — проговорил Юрий и тоже лизнул свою панель, а потом, поцеловав ее, выключил.

Натка все еще улыбалась, глядя на потухший экран. Она знала, что сейчас ее любовнику будет не до раута, он должен успокоить себя сам. Настроение повышалось и уже были приятны ребята, и уже довольна была, что согласилась на эту поездку. Или так бы и сидела, всматриваясь в экран телефона, ожидая звонка.

Повернулась на крик Надежды. Она звала ее к столу. Натка выпила еще раз со всеми и потом уже отказалась от спиртного, и только пила сок. Подоспели шашлыки. Они пахли дымом и напомнили Натке ее приключения в тайге. Она даже взгрустнула, вспомнив своих коллег. Ее отвлек звук гитары. Это перебирал струны Игорь. Оказывается, он немного играл и взял ее с собой. Они расселились вокруг импровизированного костерка, закутавшись в пледы. Был конец сентября и вечерами довольно холодно. Луна, спасительница ночей, уже светила, хотя темнота только сгущалась. Зацепившись за ветки сосен, она потихоньку кралась к сидящим около костра. Игорь не пел, просто наигрывал какую-то мелодию. Они слушали и молчали.

— Дай мне, — протянула Натка руку.

— Можешь? — взглянул недоверчиво парень.

— Узнаешь, — хмыкнула она и пристроила ее у себя на коленях.

Взяла аккорд и запела.

— Наш костер в тумане светит,

Искры гаснут на ветру,

Ночью нас никто не встретит,

Мы простимся на мосту.

Допев до конца романса, Натка вдруг забила по струнам ногтем.

— Там-там-туба-тамтуба..., - быстро перебирала она пальцами по грифу.

Это была развеселая музыка из «Бременских музыкантов». Все подключились к шальному напеву, наигрывая на губах и на кулаках, любимые мелодии. Остановившись, передала инструмент парню.

— Предлагаю выпить за нас, — она прошла к столу, — и всем разойтись спать. Поздно уже. Завтра с утра в путь. Надо протрезветь, особенно мне.

Она выпила вино и бросила виноградину в рот. Помахала рукой и ушла в дом. Разделась и перед тем, как лечь в постель, выглянула в окно. Ребята оставались там же. Натка вздохнула и легла в холодную, слегка влажную постель.

— Как-нибудь они там разберутся, — это была ее последняя мысль.

Глаза закрылись сами собой.

Проснулась от прикосновения и шепота над ухом.

— Проснись, Наташа.

Ей вначале показался голос Юрия, но открыв глаза, она увидела лицо Игоря.

— Что случилось? — спросила она тихо.

— Я пришел к тебе. Пустишь?

— Нет, — Натка приподнялась и села, придвинувшись к спинке кровати.

— Почему? — склонил тот голову, — Не нравлюсь?

— Нет, не поэтому, а потому, что занята. Прости.

— Я знаю кем, — усмехнулся он и встал, — Но он никогда на тебе не женится, а я смог бы.

— Вот именно, «бы», — укуталась в одеяло Натка.

Парень вновь присел на кровать.

— А без «бы» пустишь?

— Нет, — твердо и решительно сказала девушка.

— Значит, не нравлюсь, — скривился тот.

— Значит, так и есть, — утвердительно кивнула она.

— И где мне сейчас лечь? — хмыкнул он, — Может быть рядом? — показав на кровать напротив.

— Ложись там и дай мне спать, — зевнула Натка, — И заметь, не я попросила тебя из вашей комнаты. Так зачем мне страдать?

— Даже страдать, — тоскливо произнес он, — Тогда прости. Я пошел. Не буду мешать. Парень встал, качнулся на носках туфель, постоял немного, и вышел, осторожно прикрыв двери. Натка еще раз зевнула и укрылась с головой.

— Завтра за руль, — подумала она и закрыла глаза.

Натка встала рано, еще засветло и нашла спящего Игоря в кресле у потухшего огня. Он сидел, закутавшись в несколько пледов и спал, склонив голову набок. Натке стало жаль парня.

— Эй, — потолкала того за плечо, — Иди спать в комнату.

Парень открыл глаза, осмыслил увиденное, и покачал головой.

— Нет, мне и здесь неплохо.

Он зевнул.

— А ты, что так рано встала? Не спится одной? Говорил же — не прогоняй. Сейчас бы спали в сладком объятии.

Натка посмотрела в его насмешливые глаза.

— Как хочешь, — пожала она плечами.

Принялась убирать со стола, складывая в пакеты остатки пищи, и грязные пластиковые тарелки, стаканы. Потом вытерла стол несколькими салфетками и проверила все емкости с напитками. Какие были пустыми, отправила в пакеты на выброс, а с содержимым оставляла на столе. Взяв в руки метелку, что нашла рядом с поленницей дров, замела вокруг, сбросив мусор в костер. Подкинув туда несколько щепок, зажгла огонь и поставила на треножник закопченный чайник — всегдашний атрибут турпоходов и турбаз.

— Ловко ты все делаешь, — поежился Игорь, укутываясь получше, — Есть опыт?

Натка посмотрела на него и проговорила тихо.

— Есть. И лучше бы его не было.

— А что так? — удивился тот ее ответу или скорее интонации, в которой явно было видно отчаяние, смешанное со скорбью.

Натка молчала и лишь бросала в огонь щепки и остатки салфеток.

— Я что-то слышал про твое приключение в тайге, — наклонился он над сидящей на корточках Натке, — Что-то уж совсем фантастическое. И это правда?

— Может быть и правда, смотря, что ты слышал.

— А может, расскажешь? — попросил тот заинтересованно.

— Может быть...когда-нибудь..., - протянула та задумчиво, — Прости, не сейчас.

Он обиженно засопел, а она приподняла чайник с булькающей водой.

— Чай-кофе будешь?

— Буду, кофе, — буркнул он и вновь запаковался в пледы.

Натка под села к столу и разлила по стеклянным стаканам кипяток. Положила себе чайный пакетик и приложила к его стенкам ладони.

Ее воспоминания унеслись к тому времени, когда вот также она сидела около костра с кружкой чая, заваренного Светой с добавлением каких-то травок. И был он самым вкусным, самым душистым. А рядом ребята из группы. И все живы и смеются и поют под гитару.

Она постоянно гнала от себя эти картины, и поэтому не соглашалась ехать сюда. Эта поездка напомнила ей прошлое и его исход. А тут еще и рассказать требуют. Она прихлебнула и чуть обожгла язык. И будто очнулась. Обвела взглядом утреннюю природу, и парня, который нахохлившись, обнимал стакан и прихлебывал по глотку растворимый кофе. Натка вздохнула и выпила весь чай.

Через час поднялись и все остальные. Судя по их довольным и слегка осунувшимся

физиономиям, ночь была удачной. Собрались позавтракать и договорились ехать вместе. Она с Игорем впереди, а Надя с Ильей сзади. Натка крутила баранку и поглядывала в переднее зеркало, оценивая заднюю площадку. Они не теряли время даром: сначала целовались враскос, а потом Илья посадил Надежду к себе на бедра и, судя по ее напрягшейся спине, она не просто так сидела. Их вздохов Натка не слышала, так как гремела в салоне музыка, но понимала происходящее сзади. Рядом, откинув голову на подголовник, спал Игорь. Сказалась бессонная холодная ночь у костра. Вскоре возня за спиной прекратилась и покрасневшая подруга, виновато посмотрела на Натку в зеркало. Та ей подмигнула и улыбнулась. Они поняли друг друга.

Развезла всех по адресам и сама въехала в подземный гараж. Взбежала на высокое крыльцо и, махнув рукой знакомому охраннику, влетела в открытый соседом лифт. Поздоровалась с седым, по-стариковски хмурым лицом, мужчиной, и отвернулась, разглядывая себя в зеркало. На нее смотрело лицо девушки, предвкушающее встречу с любимым. Глаза блестели, щеки горели. Она взглянула еще раз на время и выскочила в двери лифта, остановившегося на ее площадке. Быстро вставив в скважину ключ, толкнула двери и попала в объятия мужчины.

— А вот и моя женщина, — и Натка почувствовала знакомый запах парфюма.

— Пойдем скорее, — потянул Юрий ее за плечи, а потом подхватил на руки, — я весь горю от желания. Мой друг скоро порвет штаны, так напрягся, тебя поджидая.

Она снимала свою одежду уже в спальне, куда он внес ее и поставил на ноги.

— Может сначала я в душ? — оглянулась она на двери туалетной комнаты.

— Нет-нет, — запротестовал мужчина и скинул джинсы, оголив свою часть тела, — Видишь, как дрожит.

Член ходил ходуном, головка взбухла и посинела. Натка обожала его таким видеть и еще ощущать везде во всех частях своего тела. Она упала на колени перед ним и взяла в рот. Втянула до конца и выпустила, посасывая. Юрий громко застонал, упираясь руками в Наткину голову. Она еще несколько раз сделала сосущие движения и повалила его на кровать. Села ему на бедра и начала свой танец. Ей так этого хотелось, она ужасно соскучилась. Они соскучились оба.

Вышли на кухню только к вечеру. За окном темнело, зажигались первые звезды.

— Будешь есть? — спросила Натка, открывая холодильник, — Я все приготовила заранее, как ты любишь. Только разогреть.

— Я голодный как волк, — засмеялся он, обнимаю Натку за плечи, — сейчас съем, кажется, и целого барана.

— Я и приготовила тебе баранью отбивную. Садись за стол и налей нам из той, нашей бутылки. А пока разогрею, как ты любишь.

Юрий по-хозяйски открыл дверцу навесного шкафа, достал бокалы и взял, из другого, темную бутылку. Разлил красное вино. Подал ей и слегка прикоснулся.

— Я пью за тебя, сладкая моя, — он подмигнул и залпом выпил, потом сразу налил еще и выпил.

Натка посмотрела на него удивленно.

— Ты, может быть, выпьешь воды, вместо вина?

— Тебе жалко? — чуть не поперхнулся тот, прихлебывая из бокала.

— Что ты! — воскликнула Натка, — Пей на здоровье. Просто смотрю тебе жарко. Сходи в душ. А пока дожарю.

— Точно, — поставил он бокал на стол и, скинув на стул полотенце, в котором был обернут, пошел в сторону туалетной комнаты, — Жду тебя там.

Натка хмыкнула и через несколько минут, сбросив с себя пеньюар, скользнула в тесную душевую кабинку. Там она попала в объятия мокрого мужчины и посажена на вздыбившийся член. Он качал ее на бедрах, а она целовала того всасос, сосала язык и помогала, упираясь ногами в стенки кабинки. Они кончили бурно и одновременно. Юрий опустил ее на ноги, и они начали мыть друг друга, касаясь руками и ртом каждой части тела. Потом возбуждвшись, вновь соединились в экстазе и вновь получили удовольствие.

Их ужин не был испорчен, несмотря на уже остывшую консистенцию. Они ели мясо, пили вино и целовались.

Уже к утру, они уснули обнаженные, вконец насытившиеся и уставшие от ласк. Спали до мерзкого звонка Юрия. Натка постоянно его просила, убирать звук будильника с таким жутким звонком, а он смеялся и говорил, что только такой и может его поднять, под другие он просто не просыпается.

Юрий медленно повернулся и убрал звук. Потянулся и посмотрел на спящую девушку. Она свернулась клубком, положив ладони под щеку. И была так беспомощна, что сердце его кольнула жалость, к этой маленькой женщине. Хотелось взять ее на руки и баюкать, как ребенка. Он еще раз посмотрел на нее и прикоснулся слегка к щеке. Она заворочалась, не открывая глаз, и потянула на себя одеяло. Юрий улыбнулся и быстро оделся. Заглянув в туалетную комнату, посмотрел на себя в зеркало. Покачал головой и, проверив в карманах плаща ключи и бумажник, вышел, прикрыв за собой двери. Еще было шесть часов утра, и он успеет привести себя в порядок, там, в своем кабинете. Там всегда приготовлено для него свежее белье и костюм, а также бритвенные принадлежности. Секретарша подойдет через пару часов, и он успеет ее трахнуть, там, прямо на своем рабочем столе. Она тоже ждала его. И как же не отблагодарить за такую преданность.

Секретарь, женщина лет тридцати пяти, вошла в кабинет с чашкой горячего кофе и свежим рогаликом, как он и любил. Она поздоровалась и поставила перед ним завтрак. Отошла на шаг и уставилась ему в глаза, ожидая приказания.

— Ложись, — кивнул он на стол и подошел к оголенному заду женщины. Приспустив брюки, направил член между ее ног и резко вошел. Она охнула и вцепилась пальцами в край стола. Держа ее за бедра, и сцепив зубы, он с силой входил в нее и выходил на полную длину и вновь с силой толкал его в лоно. Она вскоре задрожала, застонала, а мужчина стал толкаться все быстрее и наконец, приник, остановившись и открыв рот в исступлении. Так он любил тоже. И не ее одну. Этот мужчина не был верен кому-то одной, его хотели многие женщины, и он никому не отказывал. Его либидо было мощным. И только Натку он почти боготворил и только ее одну желал до умопомрачения.

— А что же делать, когда я женюсь? — иногда эта мысль посещала его, когда родные донимали с женитьбой, — Буду держать ее в любовницах столько, на сколько хватит либо ее, либо его самого.

О том, чтобы жениться на ней, у него даже не возникало и мыслей. Он понимал, что женитьба это совсем другое, нежели любимая женщина. Та, которая будет его женой, никогда не узнает его, как любовника. Она будет получать мужа и отца их детей. И все. Как и в их семье. У матери и отца свои жизни, но все в пределах допустимого, без выноса сора из избы. Так советовал ему отец, когда тот только начинал свои мужские отношения с женским полом.

— Запомни сын, — говорил отец, за бокалом вина, — Семья — это свято. Ты можешь иметь хоть сколько любовниц, но трахать жену обязан исправно и делать с ней детей. Они твои наследники, им ты оставишь нашу компанию. А ее любить не обязательно. Оттрахал, влил сперму и на бок. А как зачнет, то можешь и уйти в свою спальню. Или же в свою отдельную квартиру. Только так и не иначе. Зачем тебе любимая жена? Чтобы страдать, мучиться, думая с кем она тебе сейчас изменяет? Нет. Тебе нужен холодный мозг и спокойное сердце. Не путай жопу с колокольней.

Юрий вначале не понимал, сопротивлялся, пытался несколько раз жениться на своих любовницах, но проходило время, и он остывал. И только Натка в душе засела занозой, которую не может удалить. Пытается даже сделать это с помощью других женщин, трахая их во все места и получая от них все, что подсказывает его фантазия, но не получается, только хуже становится. Вот и сейчас, он отошел от еще вздрагивающей плоти секретарши и вышел в туалетную комнату. Когда вернулся, кабинет был пуст. На столе стола чашка уже остывшего напитка. Он нажал на кнопку вызова.

— Ко мне никого не пускать, — приказал он, чуть охрипшим голосом.

Поднес чашку ко рту, сделал глоток и выплюнул обратно. Встал и подошел к окну, уткнувшись лбом в стекло.

— Так противно еще не было никогда, — вспоминал он оголенную задницу секретарши, — Надо что-то делать? — подумал он и решительно набрал номер на телефоне.

— Доброе утро. Слушаю тебя, мой мальчик, — раздался мелодичный женский голос.

— Я согласен на смотрины, мама. Назначь время сама, — и отключил телефон.

Смотрины состоялись через неделю. Все это время он проводил с Наткой. Они гуляли по городу, ели в ресторанах, он ходил с ней по магазинам и бутикам, покупая все, на что та обращала внимание и не мог успокоиться, чувствуя себя подлецом. Ночью любил ее исступленно и отчаянно, будто прощался. Натка даже сказала, что устала от его такого «пристального внимания».

— Я замучил тебя? — спрашивал он, присаживая девушку к себе на колени, утыкаясь ей в шею.

— Ну, есть немного, — чуть отстранялась она, заглядывая в его синие виноватые глаза.

— Что случилось, любимый? — спрашивала она, целуя каждый его глаз, нос, губы, — Ты какой-то не такой?

— Я прежний, — шептал он ей в волосы, прижимая голову к груди, — И по-прежнему люблю тебя и хочу.

Они принимались целоваться и вскоре переходили к более смелым ласкам.

Юрий лежал иногда без сна и смотрел на спящую девушку. Он ломал себе голову, как объяснить, как сказать ей правду о своем решении. Но слова вылетали, как только она открывала свои серые глаза и смотрела на него с улыбкой и любовью. Так на него не смотрели никогда, да и вряд ли когда еще посмотрят. Он был для многих женщин добычей. При том добычей очень высокого ранга. А для Натки, и он знал об этом, он был просто Юра, любимый мужчина и все. Там, когда их жизни ничего не стоили, он познал эту девушку и оценил ее душу по-настоящему. Он узнал ее силу, способность встать рядом и идти до конца. И не блага или деньги привлекли ее в нем, а настоящие чувства чистой души и благородного сердца. А сейчас он должен сообщить ей о том, что женится, но она останется его любовницей, если захочет. Этим он разрушит все, чем гордился в себе самом. И что же делать? Хоть плач!

И он решился. Как раз перед днем смотрин, которые состоятся в загородном доме его родителей. Утром, после сладких соитий, он за завтраком сообщил ей о своем решении. Она сначала не поняла.

— Ты шутишь? — вскинула она на него глаза.

— Нет, — он осторожно вздохнул, — Я обязан тебе сказать об этом сам. Будет хуже, если смолчу, и ты узнаешь от своих коллег по конторе. Я честен перед тобой. И могу сказать только одно — этот брак просто деловой договор и, если хочешь, работа. Никаких чувств. Только тебя люблю, и буду любить всегда. Захочешь — уйдешь, захочешь — останешься, и будет как прежде.

Натка смотрела на него, и до нее не доходило, что он говорит. Она, конечно, готовила себя к такому повороту, но где-то в глубине души, все же надеялась на другие слова от любимого мужчины. Он смотрел на нее виновато и с надеждой, будто ждал, что она все поймет и его даже пожалеет. Но глаза Натки становились все темнее и брови сдвигались все суровее. Она отшатнулась, когда он протянул к ней руку. Руки его бессильно опустились, и он весь поник.

— Прости, — прошептал он, — но подумай еще раз. Я не хочу тебя терять. Ты мне очень нужна.

Она мотала головой и отступала, когда он произносил эти слова и приближался к ней.

— Нет, не надо, — шептала она, — не подходи.

— Наташа, любимая, — шагал вновь Юрий, — прости меня. Прошу тебя, не отталкивай.

— Уходи, — она опять отстранялась от его протянутых рук, — Уходи.

Юрий остановился и замолчал. Они смотрели друг на друга: он с отчаянием, она с осуждением.

— Натка... — начал он.

— Нет, — качала та головой, — Нет. Уходи.

Юрий постоял еще немного и взял со стола вдруг зазвонивший телефон.

— Я скоро буду, — бросил он в трубку.

Натка все поняла, и ее лицо стало белым.

— Никогда я тебе этого не прощу, — проговорила она четко, — А теперь уходи.

И отвернулась.

Юрий еще раз вздохнул, и через некоторое время хлопнула входная дверь. Она прозвучала, как выстрел.

— Выстрел в спину или в сердце? — вздрогнула она и закрыла ладонями лицо.

Постояла и прошла в спальню. Там еще все напоминало об их ночи любви: смятые простыни, разбросанные подушки, стянутое на одну сторону одеяло. Она посмотрела на все это, а потом решительно сдернула все на пол, оставив голыми матрас и все остальное. Скрутив белье, вынесла в туалетную комнату и бросила в угол. Прошла в кухню и налила себе полный стакан бренди. Она не пила его, но держала для Юрия. Сейчас выпила залпом и вновь налила и выпила. Потом прошла в гостиную и упала на диван лицом в угол, накрывшись подушкой. Она никого не хотела видеть, слышать. Никого. Потом плакала, плакала, жалея себя. Встала, прошла в душ и долго стояла под холодными струями. Вышла и вновь пила бренди. Остановилась, задумалась.

— Сегодня суббота. Могу позволить, — и решительно набрала номер.

— Да, слушаю, — отозвался на том конце мужской голос.

— Это я, Наташа, — проговорила она хрипло, — где мы встретимся?

Была пауза.

— Где хочешь, — сказал удивленный голос.

— Жди у Пушкинского моста через час.

— Буду, — и телефон замолчал.

Через полчаса из подземного гаража выехал синий «пежо» и взял курс на мост в центре столицы.

А на зеленой лужайке загородного особняка главы газовой частной компании разворачивалось действо, сродни шоу: ведущий, музыканты, столичные певцы и знаменитости, журналисты, разодетые гости, сверканье драгоценностей. Официанты в бело-черном, с подносами, шарики цветные и стайки молоденьких девушек, разнообразных расцветок лиц, волос, кожи. Возраст — начиная с восемнадцати и до тридцати. Все они смеялись, пили шампанское и заглядывали с надеждой на высокого синеглазого молодого мужчину в белом пиджаке, белой рубашке без галстука. Его шея и руки были открыты и притягивали своим совершенством. Это был сын одного из самых богатых людей страны, и сегодня здесь он присматривал кандидаток себе в жены. Сюда хотели многие попасть, но попали только дочери «нужных» людей. И именно из них, Юрий должен выбрать себе невесту. Он знакомился, целовал, если надо, руки, раскланивался, отвечал на вопросы журналистов, допущенных в святая святых — высшее общество, фоткался с некоторыми и

даже давал автографы, расписываясь на собственных цветных фотографиях в журналах и с экрана инета. С ним чокались, и он пил, пил в компании и самостоятельно и, в конце концов, зашатался, и чуть было не свалился прямо перед камерой одного столичного канала, опершись о плечо одной из кандидаток. Его подхватил телохранитель Михаил и повел в дом. Проводил к его спальне и втощил в комнату. Посадил в кресло.

— Что ты так напился, жених? — хохотнул капитан, помогая тому снять пиджак, уже весь заляпанный дамской помадой и вином.

— Понимаешь, Миша, — лепетал тот заплетающимся языком, — я не могу смотреть на этих ухоженных куриц, которых подсовывают мне родители в качестве невесты или жены. У меня ни на одну не стоит.

— Побольше пей и тогда ни на какую не встанет, — проворчал охранник, наливая в стакан виски.

— Дай мне, — протянул руку Юрий и привстал, но тут же рухнул назад.

— Тебе хватит, — Михаил плеснул себе в рот, — А вот мне как раз. Тебе хоть кто-то приглянулся?

— Не-а, — мотнул пьяно головой Юрий, — Как можно мне понравиться после Натки! Ты соображаешь, что говоришь!

— Это ты не соображаешь, что говоришь, — Михаил с досадой поставил стакан на поднос, — Давай-ка проспись. Завтра поговорим.

— Я хочу к Натке, — замямлил плачущим голосом парень, — Дай мне телефон. Буду ей звонить и поеду сейчас же.

Он попытался подняться, но не смог и вновь упал в кресло.

— Так она тебя и ждет, — вздохнул Михаил, — ложись. А то тебя потащат отбирать невест в пьяном виде.

— Вот зачем мне они? А, Миш? Да разве могут сравниться с моей Наткой? Разве хоть одна из них сможет разжечь огонь, не заплутать в тайге, держать карабин и стрелять из него. А, Миш? Скажи? Хоть одна из этих бабочек смогла бы тащить меня на плече через бурелом и встать грудью под пулю?

Михаил сидел на полу, и смотрел перед собой, сцепив руки за колени.

— А-а! Молчишь! Значит согласен. А мне суют этих, — он сморщился и повертел кистями рук, — бестолковых безмозглых куриц. Зачем?

— Надо было жениться на Натке, — четко сказал Михаил.

— Надо было. А родители встали в кошки-дыбошки: простолюдинка, бывшая зэчка! Позор семейству! А если сами ходят на сторону и только держат лицо и всем врут, то это выходит не позор? А, Миш? Скажи.

Михаил молчал, опустив голову и сжимая пальцы в кулаки. Они посидели еще, и тут охранник услышал храп. Повернулся и увидел откинувшую голову Юрия на спинку кресла и закрытые глаза. Он спал. Подхватив того за талию, приподнял и перетащил на кровать. Снял с ног туфли и накрыл покрывалом. Тот так и не проснулся.

Потушив свет, Михаил покинул помещение и спустился вниз. Небо было темным, но веселье продолжалось. Даже танцевали некоторые пары под живую музыку.

— Михаил, — услышал он голос хозяина, — где мой сын?

— Он спит в своей спальне, Владимир Иваныч, — вытянулся перед ним телохранитель.

— Что, очень пьян? — тихо спросил тот.

— Так себе, немного больше обычного, — смягчил ответ Михаил.

— Ладно, — сказал, помолчав, хозяин, — Свободен.

Михаил склонил голову и проводил полноватую фигуру мужчины хмурым взглядом.

Потом отошел в сторону и набрал номер телефона.

— Да, — ответила девушка, — слушаю.

— Это Михаил, — назвался он и прислушался, — Надо поговорить.

— Я у Пушкинского моста буду через полчаса. Приходи.

— Не смогу так быстро. За городом. Давай через два часа.

Девушка молчала.

— Очень нужно? — спросила она в телефон.

— Очень, — ответил твердо Михаил.

— Тогда жду тебя у моего дома.

— Лады, — и мужчина отключил светящуюся панель с портретом сероглазой девушки с упрямым подбородком.

— Ало, Игорь, прости меня, — проговорила Натка, держа телефон плечом у уха. Руки крутили баранку машины.

— Не смогу встретиться с тобой сегодня. Срочные дела. Давай созвонимся завтра. Не обижаешься? Вот и отлично. Завтра позвоню обязательно. Пока.

Она отключила телефон и, развернув автомобиль, поехала к дому. Загнав машину в гараж, поднялась в лифте и вошла в квартиру. Там пахло слезами. Было так тихо, что захотелось разбить эту тишину и Натка повключала все, что можно было включить: свет, телевизоры, музыкальный центр и даже кофеварку на кухне. Нашла музТВ и прибавила звук. Телевизор орал так, что она не слышала звонка телефона, только ощутила его вибрацию в кармане джинс.

— Алло, — закричала она в трубку, прикрывая ухо от оглушающего звука, — Кто это? Ах, да, подождите, сейчас уберу музыку.

Она отжала звук на экране и прислушалась к мужскому голосу.

— Наталья Сергеевна, это я, охранник внизу. К вам просится пройти капитан Огородников. Пропустить?

— Да-да, — откликнулась Натка, — Пусть проходит.

Она убрала громкость на всех музыкальных носителях и приглушила свет. Сразу сделалось как-то уютно, и пахло свежесваренным кофе. В двери постучали. Она прошла в коридор и открыла. В проеме стоял Михаил.

— Можно?

— Заходи, — Натка распахнула шире.

Михаил медленно вошел.

— Проходи в комнату. Туда, — она махнула рукой и закрыла за ним дверь.

Михаил впервые был у Натки. Он, конечно, присутствовал в их с Юрием жизни, но был незаметен и скромн. Не надоедал, не стремился командовать, но когда надо, был спокоен и строг.

— Моя тень, — смеялся Юрий, но смеялся по-доброму.

Михаил ему был скорее другом, чем охранником. Особенно после таежного приключения. Там они лучше узнали себя и уже полностью доверяли друг другу. Сейчас он осматривал помещение, куда всегда стремился Юрий и к той девушке, что нравилась и ему. Но, он понимал, что его шансы невелики, да и нечестно так поступать с другом. Те влюблены и ему не место между ними. Потом это чувство он задавил, оставив лишь симпатию и немного нежности.

— Будешь кофе? — спросила Натка в спину мужчине.

Тот резко обернулся.

— Буду.

— Идем, — и она приглашающим жестом показала на кухонный угол.

Он прошел и сел за стойку на высокий стул. Натка подала две чашки с черным душистым напитком и присела напротив.

— Зачем пришел? — взглянула на него холодноватым взглядом.

— Все знаешь? — он прихлебнул кофе и причмокнул, — Вкусно.

— Знаю. Ну и что? — она сложила руки на столе.

— Юрка любит тебя, — проговорил Михаил, — И очень страдает. Ты что решила?

— Пока ничего, — пожалала она плечами и погладила стол ладонью, опустив глаза, — Решаю.

— Послушай меня, ладно? — Михаил отодвинул чашку, — Не губи и его и себя. Соглашайся на его предложение. Вся эта канитель со свадьбой и потом это все равно как необходимая и постылая работа. Главное — он останется с тобой.

Натка смотрела на молодого мужика и думала, зачем не его она полюбила, зачем приготовила себе жуткие качели? То вверх в рай, то сейчас в ад? То снова в рай, если согласится? Вот сидит и смотрит. Как смотрит! Да, он полная тому противоположность и цветом глаз, черными, и рост не тот, пониже, и разворот плеч, не тот — пожиже. Но силен, спокоен, стабилен. И она ему нравится. Это Натка заметила еще тогда, когда врачевала его у самолета. Она потом часто ловила на себе его взгляды, даже после той ночи с Юрием. Только тогда они стали чуть сожалеющие, словно он знал, чем все может закончиться. Так и случилось. Теперь она решает свою судьбу и его самостоятельно, без чьей-то помощи. И она решит.

— Знаешь что, — улыбнулась она мужчине, — Иди-ка ты домой, переговорщик. У меня есть время, и я объясню Юрию обязательно. Но не сейчас. Хорошо?

Михаил кивнул.

— Налей чего-нибудь покрепче. Найдется?

Натка подняла в недоумении брови, потом хмыкнула.

— Найдется, — и полезла за бутылками и стаканами.

Они сидели на кожаном диване, и пили, пили и вспоминали свои дни в тайге. Вспоминали — и плакали и смеялись.

— Кстати, — Натка хлебнула глоток и поперхнулась.

Михаил со смехом, постучал ей по спине.

— Что хотела спросить, — откашлялась девушка, — А что там с той базой? Разобрались?

— Да, сразу, — кивнул Михаил и рассказал.

— Я же тогда звонил не только врачам, когда мы прилетели вертолетом, помнишь? Я звонил и своим в полицию, а те в ФСБ. Все рассказал и сообщил координаты. На карте все было четко отмечено. А потом наши там две недели искали и нашли все: и базу, и клетки от зверей, и колья с головами и трупы наших девушек. А вот самих бандитов не было. Ушли, скорее улетели, а вот куда — не знаю. Потом нашли и ту поляну с убитыми ребятами. Всех похоронили там же, в том городке, в общей могиле. А вот Иваныча не нашли. Зверюг нашли, а человек пропал. Может, растащили волки или такие же чупакабры. Кто знает.

— А главных, нашли? Тех, кто все это организовал и потом поставлял оружие и припасы. И этих монстров.

— Контора была здесь, в столице. И здесь же находили желающих. Тайно, по своим каналам. Но, когда тот проводник из городка, что переправлял все это на базу, рассказал все, уже был кто-то, кто сделал звонок сюда в эту контору. Наши ринулись, но ее и след простыл. Адрес есть, а конторы нет. Свернулись и разбежались. Главного, что удрал за границу — ищут, даже через интерпол, а вот кто спонсировал, так и не узнали. Если главного доставят в ФСБ, то спросят. Пока вот так.

— А того гражданского, что был с ними? Кажется, что Юра узнал его?

— Тот тоже уехал. Да и какие можно ему предъявить претензии? Не убивал, не стрелял

— ничего противозаконного. Смотрел. Но это не наказуемо законом. Есть, конечно, человеческая совесть и душа, но у таких как тот, все это отсутствует.

Они молчали и пили. Каждому было, что вспомнить и помнить.

А потом Натка ушла в спальню, а его уложила на диване, прикрыв пледом.

Когда она поднялась утром и вышла в гостиную, Михаила уже не было. Он ушел рано, и Натке было даже приятно, что не остался, после их такой пьяной ночи. На сегодня она планировала поход в парк, вместе с Юрием, но теперь хотела переделать его и пригласить Игоря. Вчера она его сорвала с места, а сама не пришла.

Набрала его номер. Скоро тот ответил. Сонный.

— Але, гараж, — засмеялась Натка, услышав хриловатый со сна голос, — подъем. Выезжаю через час. Через полтора буду у твоего дома. Выходи. Мы едем в Аквапарк. Знаешь, где это? Вот и хорошо.

И она черкнула по панели пальцем. Только отошла от стола, как зазвонил телефон. На экране красовалось лицо Надежды.

— Ты где? — голос тоже был сонным.

— Сама где? — хихикнула Натка.

— Я — с Ильей. Мы хотели тебя пригласить в аквапарк. Можешь? Или у тебя другие планы?

Натка рассмеялась.

— Мысли дураков сходятся, — проговорила она, давясь смехом, — Только что отзвонилась Игорю и пригласила туда же. Давай через два часа. У входа.

— Замечательно, — зазвенел ее веселый и довольный голосок, — Значит, будем вместе отмечать выходной?

— Значит, будем отмечать, — сказала Натка и отжала звонок.

Она стояла и смотрела на панель, она ждала звонок Юры. Ждала, несмотря ни на что. Вот сейчас он раздастся, появится его портрет на панели с синими глазами и улыбкой, и скажет, что это все была шутка, что он не женится, потому что любит ее, Натку, и они обязательно будут вместе.

— Будут вместе...

Но экран был темен и пуст. Постояв немного, Натка вздохнула и пошла переодеваться.

— Надо прихватить тот самый купальник, ее первое приобретение там, на Бали, в котором Юра увидел ее на песке, когда они уже проспали одну великолепную ночь в хижине. Она тогда была счастлива, как никогда. И думала, что так будет вечно.

— Но ничего нет в этом мире постоянного, — хмыкнула она и запихала в рюкзак еще и большое полотенце со шлепками. Из ванны прихватила гель с шампунем и бросила массажку. Прихватив волосы резинкой, надела белую бейсболку и большие темные очки в тонкой оправе. Спустилась в подземный гараж и, включив на полную мощь музыку, выехала на дорогу.

Натка свернувшись в клубок, лежала в кровати и рыдала. Ей было очень плохо, так плохо, как никогда ранее, даже, когда слушала приговор, когда была впервые бита сокамерницами и даже тогда, когда узнала о смерти своих родных. На душе толстым слоем лежала черная липкая грязь.

И все это звалось одним именем — Игорь.

А так складно начиналось! Их поездка в аквапарк, самый лучший в столице, развлечения на горках, в термах, на разновеликих мокрых стенках, догонялки и купания в огромных джакузи. А потом они ели в местных кафешках, играли в боулинг и даже делали заплыв по быстрому и стремительному течению таинственными арками с едва видимым освещением. Там и прижал ее к стенке Игорь, припал с поцелуями и потом залез в плавки, прикасаясь к интимному месту. Его палец скользнул в Наткино лоно, и она позволила, притихла и кончила ему в руку. Потом вдруг опомнилась, оттолкнула и уплыла, смущаясь и злясь на себя, на него, на Юрия, с которым она должна была быть здесь и сейчас. Игорь, поняв ее состояние, просил прощения, признавался в симпатии и желании таких отношений с ней уже давно, едва ли не с первых минут их знакомства. Натка решила не усугублять и простила его.

Потом они забрели в ночной клуб и там пили, танцевали, бесились от души. И вот в одном из уголков темного коридора, куда она вышла, поискать женский туалет, ее догнал Игорь, и они вместе закрылись в кабинке. Тут уж он был настойчив: то ли от неудовлетворенности днем, то ли от выпитого. Они целовались, когда он вдруг повернул ее к окну и разом поднял юбку, прижав ее голову к подоконнику. Натка растерялась и не смогла оказать сопротивления, так как не ожидала такого от парня. Она попыталась вывернуться, но была просто пригвождена сильной рукой у основании шеи. Раздвинув ее колени ногой, Игорь резко вошел в нее и, придерживая другой за бедро, начал качаться, с силой входя и выходя. Было больно, неудобно и стыдно. Натка дергалась и пыталась освободиться, но тот все сильнее и сильнее толкал ее. Вскоре она почувствовала, как он задержался в экстазе и захрипел. Потом припал на ее спину и затих. Натке было тяжело и больно. Только сейчас она поняла, что он только что ее изнасиловал. Она постояла немного молча, потом начала извиваться, показывая, что хочет освободиться от него. Парень дунул ей в ухо и хрипло спросил.

— Почему не кончила? Хочешь еще? Тогда отсоси.

Она собрала все силы и оттолкнула того всем своим телом. Он попятился и с хохотом подтянул штаны.

— А в руку кончила. Помнишь мои пальцы? Может еще также?

Натка ничего не ответила, молча опустила юбку.

— Все получил, чего желал?

— Нет, — усмехнулся он, оглядывая Натку насмешливым взглядом, — Хочу еще минета. Уж своего-то начальничка ублажаешь, поди?

Он вдруг рванул к ней и схватил за плечи. Она попыталась вырваться и начала бить его в грудь кулаками. То отклонялся, но она все же смогла с силой ударить его в нос. Парень согнулся со стоном, присел на корточки, схватившись за лицо.

— Дура, — выкрикнул он и посмотрел на окровавленную ладонь, — Сама хотела

жесткого секса, а теперь строишь из себя девочку. Нечего было тереться о мой член, там в термах. И здесь в танцах. Я не каменный.

— Ты — гадина и сволочь, — прошипела Натка, наклоняясь к нему, — И никогда, ты слышишь, никогда я не хочу тебя видеть.

Она резко толкнула его бедром и вышла не оглядываясь. Прошла к их столику и простилась с удивленными Надей и Ильей. На вопрос, где Игорь, она внимательно посмотрела в глаза Илье и пожала плечами.

— Думаю, что замывает кровь на лице.

— Как кровь? — ахнула Надя.

— Очень просто, — усмехнулась Натка зло, — Раз — и юшка потекла.

Они смотрели на девушку и не понимали, что она сейчас сказала.

— Меня не ищите, я домой.

Она помахала им рукой и быстро побежала к выходу. Там остановила первую встречную машину и сказала адрес. Свой транспорт, она еще ранее поставила в гараж, так как предполагалось выпивать.

Придя домой, она сбросила все в стиральную машину, а сама встала под душ и долго мылась, с отвращением вспоминая прикосновения чужого мужчины, его член и сперму на своих бедрах. Терла там до покраснения, пока не почувствовала боль на коже. Вытеревшись, накинула теплый халат и вышла на кухню. Достала из бара виски и плеснула в стакан. Залпом выпила, даже не кривясь. Выключила везде свет и легла в постель.

И тут ее как прорвало. Она заплакала от стыда, от унижения, от жалости к себе. В эти минуты она испытывала отвращение ко всем: Надежде и Илье, Игорю и Михаилу, даже к Юрию. Ей хотелось сжаться в комок и никого больше не видеть и не слышать. Эти мысли одолевали ее и ввергали в болезненное состояние никчемности и ненужности.

— Одна, — с горечью думала она, — совсем одна. Никого рядом. Как теперь жить и что делать после всего случившегося? Кому можно доверять?

Она вспоминала всех, кого знала, кто был рядом и кто так или иначе касался ее жизни, и теперь смотрела на них другими глазами.

— А все ли такие, какими казались или хотели казаться? Что собой представляли на самом деле? Смогла бы она взять их с собой в тайгу, в дальний и трудный путь? Могла ли им доверять, надеяться на них?

И отвечала себе:

— Нет, теперь — НЕТ! Они могут предать! Могут оставить без помощи! Как делали и сейчас. Даже Надежда и та не понимает ее. Когда она рассказала по телефону о случившемся, та возразила и сказала, что в таких ситуациях всегда виновата женщина, мол, не надо было давать ему надежду, а иначе — повод.

— «Сука не захочет, то кобель не вскочит», — подытожила она, после чего Натка хмыкнула и отжала звонок.

Вот и нет теперь подруги, а есть только коллега по работе. Пока. Пока она не решит, как жить дальше.

Натка лежала, закутавшись в одеяло, и чувствовала полное моральное истощение. Она смотрела на желтый кружок прикроватной лампы и представляла светлый лик полной луны. Там на Бали она была огромной, или так казалась. И при ее свете Натка и Юрий обнаженными плавали в теплой морской воде. Там они занимались любовью, и все было прекрасно — тело трепетало от страсти, душа пела от счастья. Но это уже ушло, как и все в

этом мире. И теперь осталась только горечь и слезы.

— Но и они пройдут, — вздохнула девушка и выключила свет.

Темнота опрокинулась мгновенно и Натка закрыла глаза. Теперь она все решила, теперь надо только пережить эту ночь.

Утром она получила смс от соседки Терентьича с его телефона.

— Выезжай. Умер наш Терентьич. Похороны завтра.

Натка растерялась. Она не поняла и тут же перезвонила. Плачущая соседка рассказала, что старик был совсем плох, но отказывался лечь в больницу. А вчера его нашла на полу в спальне социальный работник, когда принесла продукты. Вызвала скорую, и определили инфаркт. Сказали, что если бы смогли вызвать раньше, то могли бы спасти. Но он жил один, хотя жаловался на нездоровье. И тут Натка вспомнила его письмо. Там он говорил о своем состоянии, но Натке было некогда, да и разве обращает внимание молодой человек с его интенсивной жизнью на слова старого человека о собственной немощи. А теперь Натка корила себя за такое отношение к человеку, который был тем единственным, кто верил ей и в нее, кто не бросил тогда и встретил потом и помогал, чем мог. А она не успела. И вот его не стало. Порвалась последняя ниточка, связывающая ее с прошлым.

Этим же вечером она уехала в свой город.

На следующий день, после приезда, состоялись похороны. Было много народу — явились все его ученики и даже были представителя местного спорткомитета. Потом организованы поминки, на которых говорили о большом его вкладе в спортивные достижения области и города.

Натка сидела за траурным столом и разглядывала своих бывших знакомых по учебе и спорту. Здесь был даже Вадим, ее бывший парень. Он несколько пополнел, но остался таким же уверенным в себе красивым мужчиной. Рядом с ним сидела молодая женщина, вероятно его жена, и иногда бросала злые взгляды на Натку. Видимо помнила об их тогдашней связи.

Теперь, когда уже многие знали ее теперешнее положение, и личное и материальное, уже не отворачивались, как раньше, после тюрьмы, а даже подходили с сочувствием, зная, как она была близка Терентьичу, и то, что он принимал ее за родную дочь. Даже оставил ей свою двушку в старом пятиэтажном доме. Натка понимала, что они кланялись и улыбались не ей, а ее положению и рабочему креслу в известной московской компании.

Натка поручила знакомому риелтору, одному из одноклассников, продать квартиру и поставить хороший памятник на могилы Терентьича, матери и бабушки и платить за порядком на них.

Она уехала сразу же, по завершении всех дел, связанных с оформлением бумаг и уже навсегда оставила за спиной город детства и юности. Смерть тренера будто была той последней каплей, переполнившей ее привязанность к этому городу.

Теперь она была свободна.

Через неделю, после ее возвращения, узнала последние новости — Юрий Григорьев, наследник и руководитель компании обручился с дочерью владельца известного столичного банка Лионелой Быстровой. Свадьба состоится через три месяца, как раз под Новый год и молодые наметили отпраздновать свой медовый месяц ... на Бали.

Это было уже через чур и Натка приняла решение — продать квартиру и машину, уволиться с работы и уехать из столицы. Куда? Об этом не знал никто, даже Надежда.

Когда та узнала что собирается делать подруга, то была поражена и не одобряла ее поступок. Уговаривала не спешить, одуматься, ведь Москва есть Москва и найти такую

работу она нигде не сможет. Натка улыбалась и не переубеждала Надежду.

Михаил был у нее дважды и тоже пытался поговорить и просил ответить на многочисленные звонки Юрия, но она была непреклонна в своем решении и внесла их телефоны в черный список.

Завершив все дела, Натка собралась быстро.

Ранним утром, вскинув на спину рюкзак, в теплой куртке и в сапогах на меху, в вязанной шапке и длинным шарфе, обмотанным на шее, она стояла на перроне Казанского вокзала и смотрела последний раз на мигающий беззвучно телефон, на панели которого высветился портрет мужчины с синими глазами. Всклипнув, она поцеловала его, выключила и, перевернув, вытащила все внутренности. Симкарту сломала, а остальное разбросала по трем урнам железнодорожной платформы.

Через час она сидела в купейном вагоне поезда идущего на Восток.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НОВАЯ ЖИЗНЬ

— Зотова! — прокричала пожилая женщина, приоткрыв хлипкие двери комнаты рабочего общежития, — К тебе пришли.

— Кто, тетя Вера? — послышался девичий голос из-за ширмы, стоящей в углу небольшого помещения.

— Да, твой, ентот вихрастый полицай, — хохотнула женщина, — Сказал, штоб срочно вышла.

— Ах, Андрей, — девушка вышла почти одетая, в майке и черных джинсах, поправляя их на себе, — Скажи, что скоро буду. Пусть ждет.

— А верно тут говорят, что ты купила себе квартиру?

— Верно, — откликнулась та, закручивая волосы в жгут и закрепляя их шпильками.

— Ишь ты, — хмыкнула женщина, — И где только деньги взяла.

— Заработала, — ухмыльнулась девушка, — А тебе что, завидно?

Женщина пожалала плечами и ушла, прикрыв дверь.

Натка подошла к окну и раздвинула занавески. Утро выдалось теплым. Она толкнула створки, и легкий ветерок заколыхал матерчатый абажур над круглым столом, на котором стояли остатки вчерашнего пиршества: тарелки с салатами, стаканы с вином и соками. Прихватив один, с виду чистый, она налила из чайника воду и выпила не отрываясь. Выдохнула и налила еще. Выпила половину. Набросив на майку легкую курточку и прихватив сумку, вышла и заперла двери на ключ. Легким шагом прошла коридор и спустилась на первый этаж.

Там, в окружении девушек и женщин, стоял местная знаменитость — сержант Андрей Михайлов, сотрудник местной полиции — «полицай», как отплевываясь, называла его тетка Вера, «вечная» комендантша этого рабочего общежития. А почему «вечная», так, сколько существует само здание, столько она здесь и присутствует, уж почитай лет сорок. Ее знали все в этом таежном маленьком городке, и она знала всех. Но не всех принимала, а вот Натку приняла и часто просиживала с ней вечерами, угощая домашней выпечкой или же самогонкой, собственного приготовления, хотя Натка и не выпивала. Но здесь крепко пили здешние и в основном заезжие вахтовым методом буровики на нефтяную скважину. Вот и приторговывала тетка первачем, как добавок к своей немудрящей пенсии.

— Да, народ привечаю, однако, — часто смеялась над словами некоторых недовольных начальников, когда те выговаривали ей об этой торговле спиртным.

— А пить черти что, значит лучше, — жаловалась она Натке, когда ее прижимала местная власть в лице того же Михайлова, — Вона глянь, скоко вокруг отравы. Не завозят же мужикам водовку. Так моя идет в гору и при том чиста, как слеза младенца и головка после ее не болит. Так за што же «буду штрафовать и уголовное дело заводить», — передразнила она Андрея, — Полицай — он и здесь полицай и есть.

Она плевалась и уходила обиженной, каждый раз, когда тот домогался ее своими указаниями в поддержании «трезвого образа жизни».

А вот молодая женская половина поселка хотела бы почаще попадаться на глаза этого высоко, мощно по-крестьянски сложенного полицейского с хитрым прищуром карих глаз.

Его светлый кучерявый чуб виднелся из-под фирменной фуражки, показывая удалой развеселый характер, а такие мужики женщинам нравятся. Вот и цеплялись к нему девушки и дамочки всех возрастов, чтоб обратить на себя внимание да посмеяться балагурству смешливого парня.

— А вот и моя Натулечка! — вскричал он и замахал призывно рукой.

Натка улыбнулась и прихватила его под руку.

— Все-все, — захихикала она, потянув парня за собой, — хватит совращать баб. Поехали-поехали.

Они уже закрывали двери, а вслед им неслись выкрики оставшихся женщин и не все были цензурными. Что поделаешь, каждая хотела быть на месте Натки, ощущать его объятия и даже поцелуи, а может быть и постель. И, надо сказать, что целовался тот отменно и объятия были крепкими, но Натке они были не нужны, а тем более постель. Тот часто обижался на такое ее отрицание.

— Неужто не хочется? — всякий раз спрашивал девушку, после поцелуев, — Я-то весь в нетерпении — когда? Ты все тянешь, все просишь потерпеть. А нет уж терпежу, член рвет штаны и сердце не камень. Не шути со мной так, Наташка, хуже будет. Вот женюсь на тебе, и будешь тогда беременной ходить каждый год. Я такой! — шутил он.

Натка понимала его и даже его шутки, но ничего не могла с собой сделать — пусто было и в душе и в теле, никакого отклика, кроме дружеской симпатии.

С самого того первого раза, когда она вышла на полустанке этого таежного поселка. Вышла и замерла, оглядываясь. Еще двое мужчин сошли на местную короткую платформу, а поезд рванул дальше, после пятиминутной остановки.

Она поправила рюкзак за спиной, прихватила сумку на колесиках и вошла в приземистое здание вокзала. Там было тихо и темно, хотя хмурое утро уже разгоралось. Огляделась и заметила у одного из двух окошек продажи билетов, молодого парня в полицейской форме. Он, видимо, что-то веселое рассказывал девушке билитерше и та звонко смеялась. Натка подошла и, извинившись, спросила, как проехать в поселок. Полицейский обернулся и удивленно уставился на девушку.

— Как мне проехать в поселок? — еще раз сказала она.

— А вам зачем? — сощурил тот глаза, оглядывая ее с головы до ног.

— Возможно, работать и жить, — ответила Натка.

— Возможно, — утвердил ее слова парень, — Ну если так, то выйдете на площадь и там сами увидите автобус. Он довезет до поселка. Только поспешите — это единственный рейс и приходит он сюда раз в неделю, как раз к этому поезду.

— Спасибо, — кивнула Натка и, подхватив за ручку сумку, быстро прошла в следующие двери, ведущие на улицу.

Выйдя на крыльцо, она заметила зад только что ушедшего пазика. Видимо это и был тот самый последний перевозчик пассажиров. Она не успела. Те двое, что сошли с ней, не обнаружили. Они знали.

— Значит, уехали, — суксилась девушка, — А как же теперь?

И она вновь зашла на вокзал.

— Скажите, — обратилась к тому полицейскому, который и направил ее, — Чем еще можно добраться до поселка? Автобус как-то быстро ушел и я не успела.

Парень смотрел на нее удивленно.

— Надо же, — хмыкнул он, — такую красивую девушку и оставил. Тогда уж пойдемте,

подвезу я.

Простившись с билитершей, он протянул к выходу руку и толкнул дверь.

— Прощу, мисс, — и усмехнулся.

Натка смутилась и прошла. Полицейский опередил ее и пошел вразвалочку к синезелтому УАЗу, что стоял недалеко от входа. Открыл заднюю дверцу, помог ей взобраться на сидение и пристроил рядом сумку. Затем сел сам и включил мотор. Машина взревела и тронулась рывком. Натка качнулась вперед и ударилась в переднее сидение лбом.

— Держись, красота, — крикнул парень, заглядывая через плечо, — Не убилаесь? Держись крепче. Дальше будет хуже.

— Вы уж потише, пожалуйста, — ответила она, повысив голос.

Говорить и слушать было сложно — мотор гудел, как сто слонов.

— Видимо ездят на дизеле, — подумала Натка, — переделали под вездеход.

И она была права — дорог не было. Вообще. Только разбитая колея и огромные лужи после дождя. Осень здесь была недоброй, холодной и тягостной. Высокий клиренс давал возможности ехать, но ямы вымытые дождем и ухабы, качали УАЗ из стороны в сторону. Натка держалась как могла, руки соскакивали с любой поверхности машины и ее подбрасывало и заваливало то в одну, то в другую сторону. Парень время от времени скалился в переднее зеркало, глядя на встрепанную красную девушку. Но через час дорога стала ровнее — они выехали на гравий, а потом через минут сорок и вообще на асфальт, но это уже был пригород поселка.

Сам городок был небольшим, как рассказывал ей Андрей, когда она спросила его имя. В основном тут жили бригады нефтяников, их обслуга и начальники. И все временно, хотя были здесь и постоянные жители. Городок имел местную администрацию сельского типа, полицейский и медицинский пост, клуб и столовую-кафе, а также пару небольших частных магазинчиков. Жителей насчитывалось до двух тысяч человек вместе с вахтовиками и геологами. Вот на них-то и рассчитывала Натка, когда искала через инет работу еще в Москве: какой-нибудь глухой угол, но с возможностью работать в геологической партии. Правда здесь были нефтяники, но Натке было все равно, что искать, лишь бы подальше и поглубже в тайгу с совершенно чужими людьми, но с определенными целями, созвучными ее профессии. Когда Андрей узнал, что она геолог и приехала по найму, то как-то повеселел и расслабился.

— А я уж было думал, что какая-то фря из столицы прикатила, хлебнуть экстрима. А ты, вон што. Одобряю. А ничего, что на ты? — он уставился в зеркало.

— Ничего, — кивнула Натка, — Может, еще покажешь, куда можно приземлиться, в смысле проживания? Буду благодарна.

— Есть, показать, — растянул рот в ухмылке парень, — Счас привезу к общаге. Там комендантом мировая тетка. Злая, правда, но справедливая. Попрошу и примет. До завтра. А потом, когда примут на работу, то все равно туда и пошлют, к ней. Здесь нет гостиниц, не столица.

И он вновь заглянул в зеркало, удостовераясь в Наткином согласии.

Так она оказалась в том рабочем общежитии. Сначала жила с одной учительницей начальных классов. Там была школа с начальными классами, а дальше только интернат в области. Потом, после месячной работы в лаборатории скважины, получила отдельную комнату и была этому жилью рада, даже почти так, как тогда столичному. Обставила по своему вкусу, в углу, где стояла небольшая раковина, устроила кухню с современной

электроплиткой, которую заказала в области, и ее привез тот же Андрей на своем УАЗе. Женщины этой половины общежития даже бегали смотреть на чудо, способное не только варить и печь, а еще и шашлыки и коптить, да и все это на таймере. Время обязательно. Можно спокойно спать и не бояться пожара. Натка затарилась хозприборами до упора: хлебопечка, мясо и овощерубка, кофеварка и многое другое. Все под рукой, все быстро и без проблем. Хотя была одна — стирка и сушка.

Тут были подвалы под это дело, но хамоватые и вороватые соседки, бывало ранее, «тырили», как говорила тетя Вера, Наткины столичные вещички. После этого безобразия и «решительного объяснения» с некоторыми, она всегда после стирки развешивала их в комнате на ночь, растягивая прибитые тем же Андреем веревки. Сам же он жил в собственном доме в центре городка. Дом был каменный, на высоком фундаменте, с большими окнами. Вот это приданое и парень в полицейской форме — местный участковый, и привлекала внимание женской половины городка. А он сам видел хозяйкой сероглазую геологичку, умеющую держать в руках оружие и даже стрелявшую лучше всех в округе. Но не только за это. Она была для него эталоном женщины — хозяйка, ученая, охотник. А уж женой и матерью могла бы стать после замужества обязательно. Уж этим он смог бы ее обеспечить. Но та сопротивлялась и держала на расстоянии. Никакого секса, лишь, иногда, позволяла поцелуй, уж если очень просил.

И вот сегодня он вез ее смотреть купленную квартиру в новом поселке нефтяников, который строили недалеко от их городка: современные здания, столичная архитектура, европейская инфраструктура. Здесь будут жить и работать уже на постоянной основе нефтяники и нефтяницы вкуче с вахтовиками.

Но потом обязательно разрастется новый город в этом таежном краю.

Дом, с двухкомнатной квартирой Натки, находился на окраине строившегося поселка. Второй этаж трехэтажного строения еще пах свежей краской и побелкой. Ее коричневая дверь была налево, в торец здания. Она открыла новеньким ключом и посторонилась, пропуская Андрея с кошкой на руках. Тот окинул взглядом светлую прихожую, и опустил животное на пол. Та, поозиравшись, присела от испуга и запаха красок и потом медленно прошла в квартиру. За ней, усмехаясь, пошел парень и Натка. Они прошли все комнаты, заглянули в кухню.

— Ну, как? — спросил Андрей, снимая фуражку, пристраивая ее на подоконник.

— Ничего, — все еще оглядывала комнату девушка, — Терпимо. Конечно это не столица, но можно жить.

Андрей прихватил Натку в объятия и заглянул в смеющиеся глаза.

— И скажи, зачем тебе эта квартира? Поехали в мой дом. Там комнат много, всем хватит.

— В смысле «всем» — это кому еще? — посмотрела лукаво на него.

— Всем — это тебе, мне и нашим детям, — твердо ответил парень и потянулся к ней с поцелуем.

Натка, смеясь, вырвалась из объятий.

— Андрей, я просила тебя не усугублять наших отношений. Пока я ничего не решила. Дай мне время.

— Да уж сколько надо-то того времени! — воскликнул он и решительно шагнул к ней вновь и она также вывернулась, отойдя на расстояние.

— Не шали! — вскрикнула она, смеясь, — Держи себя в руках, сержант!

— Да я итак все держу и держу, — поник головой парень.

— Да, ладно, тебе, — Натке стало его жаль, и она подошла ближе и обняла того за шею и сама приникла к его губам.

Поцелуй был долгим, с придыханием и смелыми объятиями. Руки парня приподняли и куртку с майкой, прихватив девушку одной рукой за талию, другой за грудь и смяли сосок. Было больно. Натка вскрикнула, от неожиданности и оттолкнула его.

— Не балуй! Не разрешала!

— Но, я люблю тебя, — притянул ее вновь Андрей и прошептал в губы, — И очень тебя хочу!

— Я понимаю, — выбралась из его объятий и отошла в сторону, — Но и ты пойми меня — не так-то просто все в моей жизни. Вот тут, — она показала на грудь, — еще все свежо и больно. Надо время, чтобы улеглось. А ты меня торопишь. Вот вернусь из партии, подумаю там, и тогда уж точно дам ответ. Да мы и так с тобой договорились.

Тот покачал головой на ее слова и надел фуражку.

— Идем или как? Кошку забирать?

— Идем и кошку забирать, — засмеялась она, — Животных в доме не держу. Некому за ними ухаживать.

Она повернулась и еще раз окинула взглядом комнату, будущую гостиную, уже прикидывая, что ей купить из мебели в областном центре. Привезти обязался Андрей и помочь установить и если надо, пригласить своих ребят.

Через неделю Натка угощала своих гостей, отмечая новоселье. Было многолюдно и весело. За это время она перезнакомилась со всеми соседями своего этажа и даже подъезда, и они также присутствовали в этой роскошной комнате со светлыми обоями, мягкой мебелью, которую отодвинули в угол, раздвигая овальный стол, инкрустированный золочеными витееватыми загогулинами, резными стульями с мягкими сидениями и белой скатертью с хрусталем и фарфором. Было на столе все, что мало видели здешние: рыбные и мясные нарезки, уложенные в мудрящий узор, вина, в высоких бутылках с яркими картинками, блюда с горячими закусками. Натка постаралась на славу, угощая приглашенных. И вначале все было чинно и мирно, как говорится: тосты и пожелания, восхваления рукам хозяйки вкусно и красиво приготовленным кушаньям. Потом, когда уже немного освоились и уже наелись, понеслись разговоры о жите-бытье и местных отношениях. А также танцы. Как же без них! И для этого подвинули еще и стол, в то же время не притесняя сидевших за ним.

Музыка гремела и выливалась в открытые окна. А там, вовсю, была весна: хмельной воздух от недалекой тайги, уже зазеленевшей в своем первом уборе. Солнце светило мягко, но ярко. И иногда было даже жарко. Вот и сейчас здесь, в этой компании после быстрых телодвижений, некоторые дамы входили в кураж и от тепла и от вина. Они принялись раздеваться прямо перед округлившимися от неожиданности глазами мужчин. И те быстро, овладев ситуацией, начали снимать с себя галстуки и расстегивать рубашки. Веселье превращалось в бесстыдный балаган. Андрей, вышедший из кухни, где она с Наткой варили кофе, отреагировал просто на крики и визги. Он свистнул, сложив губы и все тут же притихли.

— Всем одеться и выйти на улицу прохладиться, кому уж так жарко! — выкрикнул он, показывая на выход, — А если кто будет опять оголяться без надобности, то мой УАЗ рядом, выведу сам, и куда подальше. Понятно? Не слышу?

Все оголившиеся бросились к своей одежде, а остальные, кто не принимал участие, разбрелись по своим местам. По прошествии некоторого времени, опять понеслись тосты и веселье продолжилось. Некоторые особы, не простившись, со смешками, ушли совсем.

Уже после мытья посуды и вечернего чая, Натка поблагодарила Андрея за остановку вакханалии. Она до сих пор не пришла в себя, увидев такое в своем доме. И как сказала на эту картину тетка Вера, присутствовавшая тут же, «чертовы девки пошли в разнос» и все завидуя Натке во всем: в новом жилье, в обстановке, и конечно, в лучшем женихе поселка.

— Вот и решили тебе спортить праздник, — продолжала она, прихлебывая чай из большой кружки и причмокивая после каждого куска торта.

— Ну, зачем? — пожимала плечами Натка, — Неужели так хотелось безобразия? Только сами себе испортили веселье.

— И тебе тоже, — подытожила тетка Вера, утирая губы, — Но теперича им будет, што рассказывать по поселку, про ету самую «столичную» веселуху с раздеванием. Так и хорошо, что ты их разогнал, — уже обратилась она к Андрею, — а то што еще могло быть. Порядок навел и молодец.

Потом попрощавшись, она ушла, прихватив с собой несколько пакетов с остатками пиршества, что позволила взять Натка.

— Спасибо тебе, — сказала она парню, когда они сидели в полутьме кухни за чашкой чая, — Не думала, что сделают мне такую подлость. Просто могло все перейти в какую-то необузданную оргию, если бы не ты. Я даже растерялась, честно говоря.

— Да, ладно, — хмыкнул Андрей, — похлопывая ладонью ее руку, — Бывает тут у наших сдвиг по фазе. Особенно у женщин. Они-то на особом положении, потому что их мало и на всех тугошних мужиков не хватает, вот они и выпендриваются, почем зря. А уж тебе хотели показать, что и ты такая же, как и они — зэчки и сосланные в основном. Хотя, и приняли тебя за свою, помня рассказы о твоём прошлом, но все же завидуют и твоему ученому статусу, и работе, и отношению к тебе начальства. А они же здесь все на подсобках. И тут еще и квартиру купила! Вот и изгалялись, чтоб нагадить хоть чем-то. Не обращай внимание. Я не позволю так поступать с моей невестой, — припечатал он ладонью по столу.

Натка посмотрела на него внимательно и не стала возражать. Она понимала, что сейчас не время и не место. Уже все переговорено, все пересмотрено. У нее есть время. Через неделю она уходит с группой в тайгу. И ей должно хватить те три летних месяца изысканий для определения их отношений.

Группа собиралась у яркого вертолета нефтяной компании. Здесь было восемь человек: трое геологов и она в их числе, начальник партии, двое практикантов парень с девушкой и двое обслуга из медсестры-стряпухи и рабочего. Проводника и охотника они встретят уже на месте.

Вертолет летел час. Болтанка была жуткой: то ли ветер сильный, то ли пилот не опытный, и все это время Натка пыталась бороться с приступами рвоты, голова кружилась, и состояние было, как при сотрясении мозга. Вскоре ее мучения закончились и машина, покачавшись еще раз над лесной опушкой, села и заглошила мотор. Лопасты перестали гнать ветер и все выгрузились, принимая и складывая в сторону коробки и ящики.

Натка, познакомившись со всеми участниками группы, помогала перетаскивать нужные вещи и раскладывала их по рюкзакам. Их они будут нести на своих плечах и спине, и поэтому тут необходимы знания и сноровка. В свой она упаковала еще и некоторые личные вещи из сумки, которую, как и пустые коробки и ящики увезет вертолет. Они будут двигаться по маршруту пешим ходом со своим мешком за спиной. Поэтому все участники собирали рюкзаки тщательно и профессионально. Видно было, что не впервой и это радовало.

Вскинув на плечо карабин, который пристреляла еще в поселке, Натка оглядела присутствующих. Пятеро мужчин и трое женщин, проводив вертолет, вошли в лес, следуя друг за другом. Впереди шел начальник партии, молодежавый, подтянутый мужчина с легкой небритостью на лице и внимательным прищуром голубых глаз, с ним рядом шел главный геолог партии, такой же по возрасту и сложению и даже чем-то схожий. Они время от времени останавливались и сверяли по планшету и компасу дорогу в лесной чаще. Натка шла за ними, переговариваясь с практиканткой третьекурсницей Валею, симпатичной девушкой, выпрашивавшей спутницу об оружии и ее умении с ним обращаться, просила поучить и Натка обещала. Второй практикант, парень Витька, как звала его Валя, шел следом и молчал. Он был черноволос, худ и жилист. Рюкзак, висевший на спине, нагруженный больше обычного, он нес легко, и это было заметно.

— Видно и у Валюхи кое-что забрал, — усмехалась про себя Натка, видя, как та время от времени интересуется: не тяжело ему, не устал ли он, на что тот отмахивался от нее и цедил тихо, «нормально», чтобы не приставала.

По истечении четырех часов пути, когда солнце уже перевалило далеко за полдень, начальник Иван Николаевич, остановился и приказал разбивать лагерь. Поляна была подходящая: большая, огороженная со всех сторон высокими соснами и небольшим подлеском. Сбросив тяжелые мешки, мужчины организовали площадку с костром, другие помогали устанавливать вокруг него пеньки и треножки для котлов. Через час уже все поглощали вкусную гречку с тушенкой, и пили горячий чай с конфетами. Натка сидела и разглядывала своих товарищей, с кем проведет будущие три месяца: геолог Алексей, мужчина с короткой бородой и веселыми глазами, стряпуха Нюра, женщина лет сорока, полноватая, но подвижная и легкая на подъем, рабочий Владимир — Вова, как звали этого угрюмого мужика с широкими плечами и длинными рабочими руками.

Как по секрету рассказала мне любопытная Валя, она подслушала разговоры нашей кухарки с тем Вовой и сделала вывод, что они вместе — то ли женаты, то ли сожительствуют. Здесь в этой партии не впервые и начальству известны.

— Да тут они все друг другу известны и не один раз ходят, — подытожила рассказ болтушка, — А вот мы, в первый раз с ними.

Она имела ввиду себя с Виктором и меня. После обеда, женщины вымыли посуду и Натка с Валею выдвинулись в лес, заготавливать дрова для костра. Прихватив еще и карабин, девушки ушли в тайгу, предварительно пообещав Ивану Николаевичу не теряться.

Они углубились в чащу. Натка шла и делала зарубки на деревьях, прихватившим топориком, а Валя сверялась по компасу и карте в старинном планшете. Средства связи уже не работали. Как и всегда. Тайга не любит отдаваться на милость новомодных гаджетов и позволяет им лишь слегка касаться своих окраин или опушек. Но стоит только углубиться в чащу, пропадает всякая техническая мутота и остается лишь человек и его способность жить в контакте с природой. Только такой и может выжить. Поэтому каждой партии необходим знающий ее тайны таежник, умеющий следовать ее урокам и быть с ней в паре. И не хозяином, а учеником, уважающим учителя и покровителя.

Натка знала об этом, и ей нравилось учиться жить в тайге. Она могла не теряться вее чаще, искать и находить пути следования, прожить в ней не один день. Сейчас она вдыхала свежий воздух весеннего леса, глядела на молодую зелень крон деревьев, растирала между пальцев и нюхала, прикрывая глаза от удовольствия, почки и листья кустов и мелкой поросли. Радость и покой испытывала она, оглядываясь по сторонам. Птичий щебет воспринимала музыкой леса, разглядывала муравьиные дорожки и даже радовалась первым комарикам, зудевшим перед лицом. То здесь, то там она видела выглянувшие шляпки грибов и листья ландышей. Зеленая молодая трава прорывалась сквозь тяжелые пласты прошлогодней листвы и хвои.

Развеселая весна с твердостью замещала холодную злую зиму. Так было и на сердце Натки — как будто все омылось первыми ручейками растаявшего снега, снега ее боли и страданий. Она в январе этого года узнала, что Юрий женился, и свой медовый месяц они провели в Арабских Эмиратах, где тот вкуче с этим, работал со своими партнерами по бизнесу. Сначала она очень расстроилась и плакала, но несколько успокоилась тем, что у Юрия нашлось все же ума не тащить свою половину «к ним на Бали». Так она это место называла, еще при их частых воспоминаниях, когда были вместе. Потом она понемногу успокоилась, но так и не приняла его женитьбу, хотя понимала эту неизбежность в их жизни. Вот тогда-то она и дала Андрею свое согласие, но просила подождать, так как должна все тщательно обдумать и для этого ушла в партию. Здесь, вдали от городского шума и назойливых приставаний парня, она решила пересмотреть их отношения и дать настоящий ответ ему раз и навсегда.

Теперь она наслаждалась окружающей ее природой: солнцем, зеленью, воздухом и своими партнерами по работе. Они занимались делом, не лезли со своими советами в личное пространство, давали возможность думать. И она думала и внимала таежной весне.

Пройдя пару километров, остановилась за кустами, махнув Валюхе замереть. Вскинула карабин и вскоре раздался выстрел. Девушка присела, закрыв в испуге уши, а Натка рванула вперед, и там раздался ее радостный клич:

— Ура! Я попала! Иди сюда!

Валя бросилась на него и увидела улыбающуюся подругу, в руке которой бился еще живой фазан.

— Первая моя, прости, наша добыча, — покачала она тушкой из стороны в сторону, — Тяжелый, зараза. Будет к ужину свежачок.

Валюха с удивлением рассматривала птицу.

— Никогда не видела их так близко. Слышала, но не видела. Дай, подержать.

Та, усмехнувшись, протянула ей фазана и рассмеялась, когда девушка охнула от веса, но удержала, ухватив обеими руками.

— Ладно, хватит, — отобрала Натка свой трофей, — я понесу. Поворачиваем обратно. Еще надо дровишек нарубить.

Валя отдала птицу, а Натка закинула ту в мешок. Они двинулись обратно, оглядываясь на Наткины зарубки. Пока шли к лагерю, объясняла девушке, как можно без карты ориентироваться в лесу, на что обращать внимание и чем можно питаться даже без ружья. Валя внимала ее рассказам и задавала много нужных вопросов. По пути они срубали некоторые засохшие деревца и складывали в пучки, обвязывая веревкой. Вскоре послышались шумы человеческого обитания: голоса, вскрики, стук топора. Девушки вышли на поляну и сбросили свои охапки в общую кучу припасенных дров. Рядом лежали зеленые ветки елки, для запаха и дыма от появившегося гнуса и комаров. Натка присела рядом с кухаркой Нюрой и принялась ощипывать фазана, на которого уже обратили внимание Витек с Вовой и Алексей. Они присели рядом и расспросили, как ей это удалось. Та рассказала о весенней охоте на этих птиц. Они смеялись, что, мол, пришла одна охотница и вот теперь тот «попал как кур в ощип».

— Не в ощип, а в кулеш, — смеялась Нюра, разделявая птицу на части.

— А где наши остальные? — спросила Натка, оглядывая поляну.

— Так в палатке, — ответил Алексей, — Пришел, таки, местный проводник, вот они и заперлись. Обсуждают маневры.

— А ты проводника того знаешь?

— Нет, — покачал тот головой, — но, говорят, мужик знающий, много раз водивший партии, и даже как-то попал в переделку. Правда, об этом мало что известно, но слухи ходили, что даже стрелял в каких-то людей: то ли разбойников, то ли военных. Не знаю.

Натка насторожилась. Что-то тут ей показалось, что-то знакомым пахнуло. Только кто это мог быть? Из ее прошлого никого не осталось, а других она не знала, но сердце сжалось и забилося. Она вскочила и ринулась к палатке. Рванула полог — перед ней стояли, удивленно обернувшись на девушку, начальник и его зам, а еще один бородатый лысый мужчина.

— Иваныч? — охнула Натка и пошатнулась.

Мужчина бросился к девушке и прижал ее к себе. Они стояли, обнявшись и молчали, будто все еще не веря в происходящее. Потом мужчина отодвинул ее от себя и заглянул в лицо.

— Жива, жива моя девочка, — шептал он и вновь прижимал к себе, — и вновь нашла меня.

— Вы знакомы? — послышался удивленный голос Ивана Николаевича.

— Еще как знакомы, почти родственники, — улыбался Иваныч, все еще вглядываясь в лицо Натки, по щекам которой уже ползли непрошенные слезы.

Она утирала их пальцами и кивала словам мужчины.

Вечером, после ужина, сидя у костра, Натка поведала Иванычу все, что случилось с ней, после того, как он выпал из вертолета. Тот сидел, нахмурившись, и ковырял веткой угли. Он симпатизировал Юрию, считал того крепким мужиком, но в то же время ему было непонятно его такого отношения к своим чувствам. У простого мужика и мысли были

простыми: любят друг друга — значит, и поженились и семью завели. А так — баловство не одобрял. Натку не перебивал, слушал и кивал, одобряя ее теперешнее решение. Потом рассказал о своем чудесном спасении.

— Так вот получилось, — начал он свой рассказ, — что когда выпал, то потерял сознание и от раны и от удара. Сломал ребра и покалечил ногу. Подбежавшие посчитали мертвым и не стали больно убеждать. Я очнулся и увидел, что никого нет, и уже темнело. Кое-как приполз на место их лежки и нашел мешок. Видимо те оставили, когда бежали к нам, а потом не стали возвращаться за ним. Мой автомат и тот мешок помогли выжить и добраться к своим. Правда, на это ушел почти месяц. Лечили, потом узнал, что вы добрались и живы. Кроме того, пораспрашивал о той базе. Были слухи об их разгроме и аресте. В том городке и остался. Ходил с партией и вот сейчас к вам. И это просто чудо, что мы встретились. Я рад.

— Я тоже, Иваныч, — улыбнулась Натка, потом помолчав осторожно спросила, — А ты правда считаешь меня своей дочкой, или так сказал, к слову?

— Правда, — посмотрел мужчина, взглянув ей в глаза, — если ты не против.

— Я только «за» — встrepенулась девушка, — И очень тебе благодарна за это. У меня, ведь, никого нет, только ты и остался. И я рада ужасно, что ты жив.

Она смахнула непрошенные слезы, и под села к мужчине. Он охватил ее за плечи и прижал к себе.

— Я всегда считал тебя своей дочкой, уже в тот раз, когда мы с тобой начали нашу первую охоту на уток. Помнишь?

Она радостно закивала.

— Помню.

— Вот тогда, я очень пожалел, что у меня нет такой дочки, и захотел тебя так назвать. А потом только все больше убеждался, что был прав — ты очень на меня похожа и нравом и делами. Очень хотел тебя увидеть, но не знал, как ты отреагируешь на желания старого охотника.

— Отреагирую положительно, — улыбнулась Натка, стирая слезные дорожки со щек, — Если бы я знала, то сама бы нашла тебя, обязательно. И Юрий с Михаилом тебя помнили и даже жалели, что пропал такой отличный работник. А я даже ставила тебе свечку, когда была в церкви. За упокой души. А ты, вон, жив-здоров. Да и слава Богу.

— Ничего, — Иваныч поцеловал Натку в волосы, — Все будет хорошо, дочка. Верить?

— Да...отец.

Группа геологов шла сквозь бурелом к поляне, где через сутки их будет ждать вертолет, чтобы забрать всех «на большую землю». Они устали за эти три месяца работы в тайге, но были довольны своими изысканиями. Еще одна скважина вскоре появится здесь, в непроходимой лесной чаще. Обрастет людьми, вагончиками, шумом механизмов и человеческих голосов. Тайга отдала им свой клад, один из многих. Отдала щедро. Это месторождение было с отличным октановым числом. Все в группе были довольны и спешили к своим пенатам и родным. Практикантам обещали не только хороший отзыв по работе, но и неплохие деньги, как и остальным, работавшим на совесть. Это время сплотило их, показало, что могут положиться друг на друга и начальство убедило, что в следующую партию постарается пригласить всех, кто захочет вновь войти к их группе.

Натка с Иванычем решили, что теперь они будут жить рядом. Тот должен переехать к ней в поселок, а с Андреем решила подождать. Все же сердце не воспринимало его любовником, а тем более мужем. Не хотелось портить парню жизнь. Тем более что она даже была на пять лет его старше, и он сможет еще найти молоденькую девушку себе под стать. А ей все же трудно выкинуть из памяти Юрия. И чем дальше уходило прошлое, тем больше оставалось в душе только хороших моментов их любви. И стали сниться сны с его участием, с их любовными сценами. Они тревожили Натку и она расстраивалась и все чаще молчала, даже на вопросы Иваныча отвечала скупой. Тот понимая настроение девушки, старался отвлечь ее походами на охоту. И это было даже кстати в их скупой разносолами еде. То птица, то кабанчик, то заяц с перепелками, радовали всех, и давали возможность пострелять и Натке и, научившейся, Вале. Оружие имелось еще у Иваныча — такой же карабин, а у начальника партии и его зама по пистолету. Поэтому обеспечение свежей дичью возлагалось на них, и они были этому только рады. И хотя своей работы по обработке образцов хватало, Натка успевала и в этом и делала с удовольствием и охотой.

Валюша не отходила от нее, влюбившись в свою старшую подругу. Она уже все выболтала ей и про себя и про их отношения с Витей. Тот был безответно в нее влюблен, а она держала его на расстоянии — не был он тем, с кем хотелось бы прожить всю жизнь, еще не встретила, как смеялась она, слушая поучения Натки.

— Когда встречу того самого, то сразу пойму и выйду за него, чего бы мне этого не стоило.

— А если тот уже занят или даже женат, тогда как? — расспрашивала удивленная Натка.

— Отобью, — решительно говорила та, — Мой! И всё!

Натка, слушая ее речи, качала головой. Она так бы не смогла. Вот и с Юрием получилось, что она просто ушла в сторону и не стала бороться за свою любовь. И может зря! Может, надо было, как эта девушка, что будет драться за свою половину.

Прошло достаточно времени, как Натка определилась со своим решением, и это успокоило ее. Она больше времени начала уделять Иванычу и все теснее становились их отношения. Теперь им обоим было, ради чего жить, теперь они были друг у друга.

Сейчас начальство распорядилось сделать последний привал перед длинным походом к месту посадки вертолета. Установили палатки, организовали костер и временное место для приготовления и приема пищи. После ужина, Натка перебрала свой мешок и уплотнила его,

пересчитав оставшиеся патроны и пайки. Скоро все это уже не понадобится, но привычка готовить рюкзак к походу, остался, и девушка делала это автоматом. Проверила тщательно карабин и протерла его. Иваныч также все делал со своими вещами и оружием. Оставив дежурного у костра, отправились спать, растянув палатки. Натка легла к женщинам и долго не могла уснуть. Вскоре ей придется дать самый важный вопрос — быть женой или повременить. Она вертелась, пока не проснулась Валюша.

— Ты чего? — прошептала она, глядя на Натку сонными глазами.

— Так, ничего. Спи, — ответила та тихо.

— Уснешь, тут, — проворчала Валя, — пойду в кусты, раз проснулась.

Она начала подниматься и задела Нюру. Та тоже открыла глаза и уставилась на неспящих подруг.

— Вы че это?

— Спи-спи, — ответила шепотом Валя, — мы с Наткой пописать.

— А, — зевнула она, — Тогда ладно.

И повернулась на другой бок.

Девушки выползли задом из палатки и огляделись. Была светлая ночь. Луна так освещала полянку, будто над ней висела огромная лампа. Сидящий у костра Алексей клевал носом в колени. Костерок уже притухал. Натка подошла и подбросила несколько щепок в огонь. На звук ломающихся веток, проснулся сторож. Открыл глаза, увидев девушку, мотнул в узнавании головой и вновь склонился на колени. Девушки ушли за первые кусты, что росли недалеко и опрастались.

— Тебе не кажется, что здесь как-то странно пахнет? — спросила Валя, подтягивая джинсы.

— Как? — удивилась Натка.

— Тоже дымом, — ответила та.

Натка потянула носом, затем прошла пару метров и вновь понюхала.

— Странно, — проговорила тихо, — точно дымом. Но откуда?

Она прошла еще, сделав круг побольше. Пахло и пахло именно дымом, и он становился все явственнее. Тут мимо них, задевая за ноги что-то проскочило, затем послышался странный шум — это ломались ветки, будто кто большой шел недалеко. Потом шум увеличился, и девушки увидели лося. Его огромная голова выделялась на темном фоне освещенной поляны. Он постоял, потянул носом и бросился в сторону. Натка, ахнула.

— Пожар! — выкрикнула она, — Лес горит! Бежим к нашим!

Они рванули к месту лагеря с криками: — Пожар! Пожар! Вставайте!

С удивлением и матерщиной выскакивали из палаток полуодетые люди. Между ними уже металась какие-то тени, похожие на мелких грызунов и кабанчиков. С писком и визгом отскакивали женщины, когда натыкались на бегущее зверье, кричали начальники.

— Хватаем свои мешки, оружие и образцы, — выкрикивал команды Иван Николаевич, попутно одеваясь и прихватывая вещи, — Не теряемся. Идем за Иванычем.

Уже многие почувствовали запах дыма, но необходимо было успокоиться. Так советовал бывалый охотник, останавливая панику.

— Собирайтесь около меня, — кричал Иваныч, — Берите только самое нужное. Остальное не важно. Сейчас главное — уйти от огня, как можно дальше. Воды, возьмите с собой всю воду. Приготовьте полотенца, чтобы обмотать лицо от дыма.

Вскоре, бросив палатки и некоторые ящики с коробками, сгрудились вокруг Иваныча, с

волнением заглядывая на него. Он обвел глазами толпу и махнул рукой.

— Все идем цепью и присматриваем друг за другом. Если что не так, обязательно кричите. Будем помогать все вместе. Главное — не терять друг друга из виду. Понятно? Все за мной и Наткой.

Цепочка не получилась, получились какие-то группки: Иваныч с Наткой впереди, за ними Валя с Нюрой и Вовой, затем шли начальник и зам и завершали строй Витек с Алексеем. Шли параллельно движению зверья, что часто попадалось на пути следования. И если человек понимал это происшествие, то животные пугались еще и людей и бросались в стороны, иногда сшибая друг друга. Раздавались пiski и тяжелый хрип, уходивших от пожара. Людям тоже было нелегко. Дым уже начал подкрадываться к ним, и его можно было уже разглядеть в рассеивающейся темноте.

— Закрывать мокрыми полотенцами лица! — прокричал Иваныч, приостанавливаясь.

Все начали суматошно завязываться и обматываться мокрыми тряпками. Показав в сторону, Иваныч повел своих, буреломом. Перепрыгивая через поваленные деревья и продираясь сквозь кустарник, они вскоре достигли оврага. Съехали по нему на дно и побежали вслед спешащему проводнику. Они уже не спрашивали, они бежали. Здесь уже было мало дыма и можно было опустить обмотки с лица. Через час уже совсем стало светло, и они выбежали на опушку леса. Тут вовсе не чувствовался дым, его уносил начавшийся ветерок.

— Как ты думаешь, Иваныч, — обратился начальник партии, вытаскивая карту и компас, — где мы сейчас? Как далеко от вертолета?

Они склонились над картой, а все остальные повалились на землю. Одни сидели, другие лежали с закрытыми глазами. До сих пор не верили, в то, что сегодня произошло: этот пожар, паника, их пробежка. Они успокаивались, пили воду и тихо переговаривались, обсуждая ситуацию.

— Слушайте сюда, — подошел начальник к сидевшей группе, — Мы ушли из зоны поражения и задымления. Сейчас отдыхаем, приводим себя в порядок, и будем двигаться новым маршрутом. Наш Иваныч выведет нас к реке, она здесь, неподалеку. Там могут быть рыбаки, и даже небольшие их поселения. Сейчас кто-нибудь залезет на дерево, как можно выше и осмотрит горизонт для проложения безопасного пути. Кто пойдет?

— Я пойду, — вскочила Натка, — уже был опыт. К тому же у меня бинокль.

Начальник кивнул, и девушка быстро подбежала к дереву, на который ей указал Иваныч. Влезать было сложно, как и на любое другое с разновеликими ветвями. Она чуть было не сорвалась, наступив на одну из тонких веток. Но сноровка и крепкое тело среагировало и она, подтянувшись на руках, продолжила путь. Усевшись на одну из крепких лап сосны, приложила бинокль к глазам и огляделась. Совсем недалеко поднимался дым, но он был светлым и рассеивался, а дальше заполонил полгоризонта, поднимаясь к небу. Они были в стороне и ветер дул им в лицо. Натка слезла и показала на карте направление пожара и дыма. Посоветовавшись, пришли к выводу, что указания следования у Иваныча правильные и все, вновь, двинулись за ним. Они уже не бежали, но спешили. Ветер переменчив, и они могли оказаться в центре пожара. Тогда всем просто не выбраться.

Им повезло, они добрались к вечеру до реки и остановились на постой. Нужно было поесть, отдохнуть и начать строить плот. От оговоренной площадки с вертолетом ушли далеко, радиотелефон не потеряли на той поляне, когда впопыхах собирались, но он пока не работал, и теперь вся надежда была на Иваныча. Его опыт, чутье и сноровка должна помочь

им выбраться из этой непростой ситуацией. И еще смотрели в небо — вдруг появится, на счастье, вертолет. А пока готовились ночевать и поесть. Зажгли костерок, сварили горячее, пили чай. Уже ночами было прохладно, и все устраивались у огня, подкладывая на землю лапы елок. Долго переговаривались, обсуждая ситуацию. Было мало возможностей для хорошего и основательного строительства плота: только топоры для рубки и то их всего два больших и три маленьких, для обрубки веток, совсем не было веревок, для скреплений бревен, и уж никто не имел опыта сплава, по речке с довольно быстрым течением. Отложили все на завтра и постепенно уснули, под перекаты и шум недалекой реки, по которой хотели уйти от беды.

Натка осталась дежурить и сменить ее должен Витек. Она сидела у костра и думала, как так складываются ее походы, которые не минует неприятность, если так можно обозвать ситуацию. Она знала, что пожары случаются в тайге, что иногда выгорают даже тысячи квадратных километров, но чтобы сейчас, когда она в партии, когда уже готова выйти из похода, все же ее догоняет беда, как бы показывая, что ей не место в такой работе.

— Или это уже мои тараканы зашевелились, — усмехалась она своим мыслям, — а может и правда. Ведь удивлялся же Иван Николаевич, да и другие тоже, что попали в такую переделку в первый раз.

Она тяжело вздохнула и начала вспоминать только хорошее, что было связано с тайгой: ребят той первой группы, их смех и песни у костра. В этот поход она не брала гитару и вообще мало играла, просто не могла взять ее в руки, все напоминало Юрия. Он иногда просил ее, там в Москве, сыграть что-нибудь. Она пела романсы и баллады, а он внимательно слушал, положив подбородок на согнутые колени и прикрыв глаза.

— Обожаю, когда ты поешь, — говорил он тогда, — Голос под гитару завораживает. Чувствуется твоя душа, и она говорит о любви.

А потом целовал так сладко, что голова шла кругом.

Натка вздохнула и подкинула ветку в огонь.

Утром ее толкнула в плечо Валюша.

— Вставай, готов завтрак.

Натка открыла глаза, зевнула и потянулась. Присев, огляделась — все уже были на ногах. Заметив теплый взгляд Иванныча, она кивнула ему и встала. Убежала к реке умыться и вернулась к уже завтракавшим членам партии. Все негромко переговаривались по поводу строительства и слушали советы Иванныча. Выпив по кружке крепкого чая, мужчины поднялись и пошли в лес, определяясь с работой, а женщины собрали посуду и пошли к реке. Потом выгрузили мешки и свои и остальных, подсчитать оставшуюся еду и разобрать образцы, которые нуждались в пересмотре. Они были записаны, и выброшены, чтобы не утяжелять плот. Все тщательно упаковано в целлофановые пакеты, чтобы не промокли в случае попадания в воду.

В лесу раздавались мужские голоса, стук топоров и шорох падающих стволов деревьев. К обеду, половину плота, как сказал Иванныч, было выволочено на берег, вторую половину хотели срубить до темноты. Отдохнув, они вновь приступили к работе. Натка решила пострелять какую живность к ужину. С ней увязалась и Валюха. Пройдя немного в чащу, они наткнулись на малинник и принялись лакомиться, пересмеиваясь. Вдруг послышался громкий хруст кустарника и визг Валентины. Она продиралась сквозь густые и колкие заросли с выпученными от ужаса глазами.

— Стой! — закричала Натка, — Что случилось?

— Медведь! — кричала та, запутавшись в малиннике.

Натка обернулась, вскинув карабин. На нее смотрели глаза, маленькие злые глаза таежного хозяина. Она отклонила ружье и подняла с ним вверх руки.

— Я не причиню тебе зла, — проговорила она тихо, — уходи, хозяин.

Тот смотрел на нее и не сходил с места. Они смотрели, изучающее, друг на друга. Натка замерла и не сводила с него глаз. Потом медведь как-то смешно фыркнул и потопал в сторону. Еще долго звук его хода слышали испуганные девушки. Облегченно вздохнув, быстро побежали обратно.

— Нечего сейчас шляться по лесу, — отругал их Иванныч, услышав рассказ про медведя, — Хорошо, что его гнал пожар, а могли напороться и на шатуна одиночку. И не дай Боже, что тот уже успел полакомиться человечинной. Тогда будет преследовать долго. Теперь надо быть вдвое осторожными. Пока не уйдем с этого места, не отлучаться никому. Если до ветру, то рядом в кусты. И предупреждать об этом дежурного. Понятно?

Все кивали, ошарашенные рассказом девушек и еще интенсивнее строили плот. Уже к ужину он был у воды на берегу. Оставалось только его спустить, и они могли уже не бояться пожара, дым которого мог и приблизиться, если поменяется ветер. Натка, слазив еще раз на высокую сосну, сказала, что дым все еще клубится и уже не так далеко от их стоянки. А пока все готовились ко сну. Утром будет новая ступень их похода — путешествия по реке.

Плот скатывали все вместе, подложив под бревна обрубки от стволов. Столкнув, он ушел полностью в воду, потом слегка всплыл и закачался на волнах. На него аккуратно залез Иванныч, потом и все остальные, погрузив еще и мешки. Плот притоп и потом выровнялся. Мужчины, вооруженные длинными слагами, оттолкнулись от берега и влились в поток реки. Она была достаточно широка, и ее течение довольно быстрое. А пока все принаравливались

к экстремальному плаванию — устраивались поудобнее на своих мешках, уже подмокших от воды, заливавших плот, при каждом переступе мужчин.

Так они плыли два часа. Река сужалась, берега поднимались, течение убыстрялось.

— Нет ли там порогов? — закричал начальник Иванычу.

— Не знаю, — откликнулся тот, — Я же не плаваю по реке, я хожу лесом. Что будет дальше, посмотрим, но всем приготовиться. Надо разобрать мешки. И если вдруг пороги, быть готовым к неожиданностям. Если что, грести к берегу.

И он оказался прав — вскоре, за поворотом, река делала изгиб и неслась уже быстрее паровоза, перекатываясь через высокие камни. Нарастал такой грохот, будто тысячи барабанов били вместе.

— Гребите к берегу! — прокричал Иваныч, и мужчины налегли на слезы, пытаясь оттолкнуться от дна и упираясь в бревна плота ногами.

Женщины присели в воду и вцепились в веревки. Несмотря на потуги мужчин, они не могли удержать плот в таком потоке: сначала сломалась одна слеза за ней другая, третью вырвала вода, и вот уже плот не повиновался рукам людей. Он то уходил под воду, то крутился на его волнах, задевая валуны, торчащие на поверхности. Люди сжались в одну кучку, цепляясь за мокрые веревки, и друг за друга. При очередном ударе, плот рассыпался и все окунулись в воду. Река несла уже не целое плавсредство, а его останки. Головы людей то показывались на ее поверхности, то пропадали, уходя в глубину. Так они пронеслись почти до нового поворота реки и уже за ним, разлившись в стороны, вода текла потише, и вскоре вовсе перешла в плавное течение. На берег гребли все, кто смог выплыть и остаться в живых. Это были Натка с Иванычем, потом подгребли начальник с Валюшей и Витьком, и уже подальше пристали к берегу Вован с Нюрой. Не было только Валерия Панкратовича, или просто Панкратыча, как запросто звали этого веселого жизнерадостного мужчину и Алексея, молодого геолога, имевшего в области семью: жену и двоих детей.

Выдохнув и осмотревшись, мужчины двинулись по берегу поискать их, а женщины развели костерок и растянули на берегу мокрую одежду из мешков, которые сохранились лишь у Натки и Иваныча. Все остальные сбросили их, при погружении, как лишнюю тяжесть. Утонули не все образцы пород и планшеты с изысканиями и маршрутами путей прохождения группы, некоторые остались в мешке Натки, а также пистолет у Ивана Николаевича и радиотелефон, которые висели у него на поясе, но они промокли и, возможно, не работали. Необходимо было просушить и пробовать. Это отложили, а пока надо искать своих.

Мужчины вернулись понурые и расстроенные — в полчасе ходьбы никого не обнаружили. Где эти двое — неизвестно. Посчитали, что те могут быть живы, и они пройдут дальше в их поисках. Женщины помогли обсушиться, накормили, из оставшихся продуктов, поели сами и переоделись. Через час все тронулись в путь — надо идти вперед и искать пропавших.

— Идите сюда, — вдруг закричал Витек, спустившись к кромке реки, когда они уже осматривали место ночевки, — По-моему, это наш Панкратыч и Алексей.

Все бросились на его зов. Нюра с Вованом перевернули тела, и женщина приложила пальцы к шее одного и затем другого. Потом подняла виноватый взгляд и покачала головой. Они были мертвы. Оба. Рассмотрев более детально, она сделала вывод, что был смертельный удар в висок у Алексея и утопление Панкратыча. Видимо тот пытался спасти парня, но не смог и они утонули вместе. Вода вынесла их на берег уже мертвыми.

Все стояли над телами своих товарищей, растерянные и испуганные. Они не знали, что делать.

— Надо похоронить, — подал голос Иваныч, — и запомнить место. Потом перевезем родным для упокоения по-настоящему.

Покивав головами, понесли тела под берег. Там принялись ножами и руками разрывать яму. Копали долго. Без лопаты было сложно вырыть могилу для двух тел. Сложили на дно боком к друг другу и забросали землей, потом наложили камней, чтобы не разрыли животные. Поднялись наверх и молча сели у костра. Уже вечерело. Скоро ночь забрала всех в свои темные объятия. Легли вокруг тлеющих углей, прижавшись друг к другу — хоть как-то согреться. Так ничего и не говорили, только молчали. А что тут скажешь? Они впервые теряли товарищей, кроме Натки и Иваныча. И те их понимали — такое пережить надо. Потому и молчали.

Утром проснувшись, запалили костер и доев остатки пищи, собрались идти берегом, как решили по карте, сохранившейся у Иваныча. Радиотелефон не работал, видимо подмок, и его надо было чинить. Из оружия только пистолет начальника, который Натка разобрала и высушила за ночь. Он был ей знаком — такие выпускались и спортивные. Патронов в «Стечкине» была полная обойма — двадцать штук. Остальное утонуло. Но и это было здорово, так как свое оружие и Иваныч и Натка сбросили, когда выплывали. Не до него было, главное — спастись самим. Все, что было на человеке осталось, кроме того, что мешало в воде. Таким образом, у группы были: неработающий телефон, пистолет с двадцатью патронами, три ножа, два рюкзака, с оставшимися размокшими сухпайками, которые использовали сразу же, и еще три банки тушенки. Кроме того подмокшая карта в кожаном планшете и две зажигалки в целлофановом мешочке у курящего начальника. Этим и зажигали огонь. Вова забрал телефон, обещая его починить. Теперь надежда была еще и на него. Если заработает, то могут дозвониться к своим и сообщить координаты. Разобравшись с направлением, отправились в путь по берегу реки.

Шли долго, два раза останавливались, прежде чем увидели недалеко лодку. Обрадовались, но спустившись с берега, поняли, что та уже давно тут, почти вросла в землю. А когда попытались приподнять, то она рассыпалась в руках. Но эта находка показала, что люди могут здесь быть и возможно недалеко и место с их жильем. Начали более пристально вглядываться на противоположный берег, хотя ширина реки еле позволяла его видеть. К тому же над той стороной леса уже вились дымки пожара. Группа пошла быстрее. К полдню, когда Иваныч поднялся на крутой берег, а они шли по кромке воды, увидел изгиб и в его излучине небольшое строение с прохудившейся крышей и размытым деревянным причалом. Рядом никого не было, даже лодки. Крикнув, чтобы поднимались, он начал спускаться вниз, за ним потянулась и вся группа. С любопытством осмотрели дом с высокой террасой и широкими ступенями. Видно было, что оно построено давно, может лет сто назад, как сказал Иваныч, но еще достаточно крепкое для возможного проживания или остановки промышляющих здесь рыбаков. В этом они убедились, когда решились обследовать сам дом. Ступени скрипели от шагов, перила вихлялись от прикосновений рук, терраса выглядела запущенной и грязной. Двери были завязаны на проржавевшую проволоку, вместо замка. Освободив петли, потянули на себя за массивную ручку и та, пару раз дернувшись, распахнулась. Иваныч шагнул в проем первым, за ним и все остальные.

Перед ними была комната, а в ней стояла каменная печь. И хотя труба на крыше завалилась, можно было затопить. Рядом валялись поленья дров, превратившиеся в труху, но

годные для протопки. На ней стоял прокопченный чайник и небольшая кастрюля, без крышки. Рядом эмалированное грязное ведро и две алюминиевые кружки. Посередине комнаты большой стол и несколько лавок, по стенам четыре топчана с остатками матрасов, теперь сгнившими и распространявшими жуткую вонь. Дух стоял тяжелый, затхлый. Нюра начала открывать окна и ей помогал Вова. Некоторые были со ставнями, висевшими на одной петле. Стекла не везде были целыми. Глянув в потолок, поняли, что тот протекал и под ним уже прогнили доски пола. Но здесь можно было жить какое-то время, пока они не смогут дозвониться до своих. А починку и работу телефона обещал Вова. Он вообще был мастер на все руки и, как и Иваныч, очень необходим в походе. И вот сейчас вышел во двор вместе с ними, и они обследовали всю территорию на предмет орудий труда: пилы, топора, молотка и другого инструмента. Нашлась ржавая двуручная пила и топор, со сгнившем наполовину топористом. Призвав остальных мужчин, занялись делом: заготовкой дров, починкой крыши от возможного дождя, и пола в доме, чтобы кто ночью не сломал себе ноги, ступив на прогнившие доски. А женщины своим женским делом: убрались, вымыли полы и обмели стены и лавки, соскребли грязь со стола и вынесли матрасы на просушку. Осмотрев их внимательнее, поняли, что те еще могут сгодиться, если их привести в порядок. Да и на этом лучше лежать, чем на голых досках, а что запах от них, то не баре, как сказала Нюра. Вымели золу из печи, отмыли посуду с песочком в речке и, набрав воды в чистое ведро и чайник, поставили на затопленную Вовой печку. Рядом уже лежали напиленные дрова для поддержания огня. Печка была справной, не дымила.

— Умели лОжить каменку в старину, — ухмыльнулся он, глядя на вопросительные взгляды женщин, — вот вам и пример. Ишь, как завывала. Хороша тяга. Скоро будет теплой и комнатка-то. И просохнет.

Мужчины забили старыми досками разбитые стекла оконных рам и прикрыли ставни, подправив их. Женщины нашли еще в небольшом сундуке в углу, металлические банки с солью, каким-то серым пшеном, и даже сахаром. Все было спрессовано в один твердый комок. Но и это вызвало восторг всей группы. Там же лежали пять ложек и столько же кружек и тарелок. Все это богатство вывали на стол вместе с остальными припасами. Иван Николаевич попросил Иваныча посмотреть насчет животины для еды, а тот послал Натку, так как она была знакома с оружием. Девушка собралась быстро, закинув мешок за спину и проверив пистолет. С ней, как и всегда, напросилась и Валюшка.

— Смотрите там, — нахмурился Иваныч, глядя на улыбающиеся лица девушек, предвкушающих охоту.

Натка чмокнула того в щеку и они выскочили на крыльцо.

Лес был недалеко, и девушки углубились в чащу. По дороге, пока Натка читала следы, Валя собирала травы для чая и супа, а также попадавшиеся грибы и ягоды.

— Скоро я наберу целый рюкзак, — улыбалась она, глядя на хмурую Натку, — а ты все пустая. Может ну его, — махнула она рукой в сторону, — хватит и грибков на суп.

— Нет, — ответила Натка, осматриваясь вокруг, — я без мяса не вернусь.

— А может все зверье убежало от пожара, а ты тут рыскаешь зазря, — пожалала Валя плечами и склонилась над очередной грибной семейкой.

Отойдя от присевшей на корточки Вали, притаилась за деревом. Что-то ей показалось странным в темноте зарослей кустов. Бросив туда кусок тяжелой коры, она выставила руку с пистолетом и прицелилась. И тут же выстрелила. Заяц, а это был именно он, выскочил из под корней, и на взлете Натка поразила его одним выстрелом. Валя от неожиданности села на землю.

— Вот это да, — вскрикнула она, опомнившись, — ничего себе. Я чуть не описалась от страха. Че не предупредила?

— Когда же, — засмеялась Натка, поднимая тушку и отряхивая от прилипшей к ней хвои, — сама едва заметила. А потом было просто некогда. Надо было стрелять.

— Дашь и мне пострелять, — спросила Валя, глядя завидующими глазами на пистолет в руке у девушки.

— Нет, — покачала она головой, — патронов мало. Уже девятнадцать осталось. А еще незнамо сколько придется жить да и всяко может случиться. Побережем. Дома постреляешь, как вернемся, — похлопала ее по плечу.

Довольные, вернулись к своим. Через два часа уже был готов обед из супа с зайчатинной, с травками и главное — горячее. Потом пили душистый чай с ягодами и мужчины хвалили женщин, а те, в свою очередь, говорили о них, с уважением подчеркивая их мужские дела. Натка рассказала о качественной работе пистолета, а Иваныч просил побережь патроны. Вова починил телефон, и все воспряли духом. Иваныч с начальником и Вовой ушли пробовать его, а остальные вышли на террасу в нетерпеливом ожидании. Через полчаса вернулись и покачали головой — связи не было, но телефон работал, с перебоями, но можно было понять, что не от него зависит молчание, видимо, далеко вато они сейчас находятся от места приемки станции.

— По прямой-то километров на пятьдесят хватает, — отвечал Иван Николаевич на вопросы своих товарищей, — А здесь наверно больше. Но если появится хоть один вертолет или же самолет, то можем и попробовать еще. А пока будем ходить три раза в день на тот взгорок и пытаться. Вдруг повезет, и мы сможем сообщить координаты. Не теряем надежды, друзья. Вдруг еще и рыбаки какие проплывут. Увидят дымок и поинтересуются. А пока сидим здесь: есть дом, крыша над головой, можем как-то питаться и мясом и рыбой. А там, как Бог пошлет.

Так прошли трое суток. За это время пытались дозвониться, но пока не преуспели, и никто не проплыл по реке. Натка потратила еще пять патронов на отстрел животных и Вова вместе с Витьком сделали кукан из веревок, нашедших под тем же крыльцом, что и пилу с топором, и на столе появилась свежая рыба. Все бы хорошо, но не хватало хлеба. Голодно вато чувствовали все себя. Настроение падало. Уже начались разговоры о

необходимости дальнейшего продвижения к местам, где возможна телефонная связь. Иваныч с начальником чаще раскладывали карту на столе, размечая возможный маршрут. К вечеру, Иван Николаевич один поднялся на взгорок еще раз проверить радиосвязь. И она заработала. Тот от неожиданности онемел, потом закричал и замахал руками. Стоящий внизу Иваныч, понял и бросился к нему, прихватив со стола карту. Через пень колоду, они сказали координаты и услышали, что завтра могут ждать вертолет.

Все скакали от счастья и обнимались. Даже Нюра всплакнула. Уже завтра они будут дома!

А сегодня был праздничный обед, с последней банкой тушенки и высушенных кусочков галет. Вечером разожгли костерок во дворе, и пили чай с ягодами и травками. Веселились и даже пробовали петь. Но тут же вспомнили Алексея с Панкратычем и замолчали. Иван Николаевич пообещал, что позаботится о семье геолога и обязательно их похоронят по месту проживания. Потом они опять обсуждали завтрашний полет и дальнейшую жизнь. Кто хотел уехать отдыхать к родным, кто к морю, загорать на солнышке. Валя с Витей к своим в университет, с рассказами об интересной, с приключениями, практике. Натка думала об Андрее и об их отношениях, а Иваныч о скором переезде к нареченной дочери. Мысли всех были самыми мирными и радостными. С таким настроением улеглись спать.

Под утро Натка проснулась от тревожного чувства, будто кто толкнул. Она подскочила на топчане и прислушалась. Было тихо. Слегка поскрипывала ставень не плотно прибитая к раме. Собралась было лечь, но тут послышались шаги под окном, как раз, где они и спали с Валея. Она насторожилась. Шаги слышались четко.

— Кто это? — оглядывалась она по комнате, — может, кто и вышел по надобности?

Иваныч с начальником по отдельности, Нюра с Вовой, Витек — все на месте.

— Интересно, — но тут ее сердце сжалось от страха, послышался тихий разговор. Это были мужские голоса, хрипловатые, настороженные.

Она подскочила и выглянула в окно, и прямо перед ней с той стороны на нее смотрело лицо, чужое лицо, мужское. Натка от неожиданности отпрянула и вскрикнула. Тот час проснулся Иваныч.

— Наташа, случилось что? — проговорил тот в пол голоса.

— Там...там... — показывала она на окно, — чужие...

— Перестань, — привстал с места мужчина, — тебе показалось.

Натка выскочила на середину и закричала:

— Подъем! У нас чужие!

И пока просыпались на окрик девушки остальные, дверь выбили, и в комнату ворвались мужики с автоматами наперевес.

— Всем стоять! — хрипло выкрикнул один из них, вода оружием по кругу.

Их было пятеро, трое с автоматами, все в телогрейках и сапогах. Лиц было не различить в темноте, но луна светила прямо в окна и было достаточно светло, чтобы понять, что ворвавшиеся имели дурные помыслы.

Иван Николаевич поднял руку.

— Прошу слова, — сказал он, обращаясь к хриплатому, — мы геологи, бежали от пожара, ждем завтра вертолет. Мы не хотим стрельбы, да и у нас нет оружия.

Тут он посмотрел на Натку. Та кивнула ему. Она прятала пистолет под подушку, всякий раз, как ложилась спать. А сейчас она стояла у стола безоружная. Да и куда против трех автоматов!

Поймав их кивки, старший, так называли его сотоварищи, навел автомат на девушку.

— Что у тебя?

— Ничего, — покачала та головой.

— Ничего говоришь, — хмыкнул он, — посмотри, Конь.

Длинный и сутулый мужчина прошел к постели и встряхнул за матрас. Пистолет со стуком упал на пол. Он поднял его.

— Хороша игрушка., - потеревил оружие и с размаху ударил Натку тыльной стороной руки в лицо. Она упала на скамейку, а потом на пол и осталась неподвижно лежать. К ней с криком бросился Иваныч.

— Наташа!

Поднял на руки и положил на топчан. Ощупал всю и она застонала под его руками. Он прижал к себе и присел рядом.

— Зачем вы это сделали? — закричал начальник, — Вы чуть не убили девушку! Вы с ума сошли!

И тоже было бросился на помощь, но второй, рядом стоящий с хрипатым, ударил его автоматом в живот. Иван Николаевич согнулся со стоном и упал рядом с топчаном. К нему бросился Вова. Подтянул того на матрас. Нюра осматривала Натку, а Валя с Витей сидели рядом на топчане и с ужасом наблюдали картину.

— Все вышли во двор! — прохрипел старший и махнул автоматом, показывая на дверной проем.

Иваныч подхватил Натку на руки, Вова начальника за талию, Нюра с Валею, обняв ту за плечи и за ними вышел Витя. Погнав их к единственную дереву, стоящему недалеко от крыльца. они приказали остановиться и сесть на корточки, забрав руки за голову, как делают это заключенные. Иваныч опустил девушку на землю и прислонил к стволу. Сам же присел рядом, поддерживая ее одной рукой, вторую завел за голову.

— Завел обе! — закричал один из них, молодой.

— Не могу, — ответил Иваныч, — вишь девушка без сознания. Упадет.

— Путь падает, — оскалился тот, — все равно в расход пойдет.

Иваныч осторожно вытащил руку, но прижал ту телом. Натка, все еще без сознания, склонила на него голову. Валя присела рядом с Нюрой и Витей, там же и начальник с Вовой. Немолодой автоматчик, тот, который взял пистолет и ударил Натку, о чем-то вполголоса разговаривал с хрипатым. Сутулый что-то тому доказывал, показывая на сидящих. Старший слушал склонив голову и молчал. Потом позвал третьего, с автоматом и что-то отрывисто сказал, а сам, повернувшись, ушел в дом. Автоматчик подскочил к Ивану Николаевичу и навел на него дуло.

— Давай вставай и ходи к старшему, — приказал он, — А ты, — повел оружием в сторону Вовы, — сиди и не рыпайся, — когда тот попытался подняться вслед за начальником.

Иван Николаевич похлопал Вову по плечу.

— Не надо, я сам, — и пошел за охранником, прижимая руку к животу.

Иваныч, поглядев, что никто на них не обращает внимание, приподнял голову Натки. Она в этот момент открыла глаза.

— Ты как? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Мутит сильно, — прикрыла она глаза и сморщилась.

— Видать сотрясение, — проговорила тихо Нюра, — пройдет. Только надо бы

полежать. Да где тут, — и вздохнула.

И все же Иваныч положил Натку около дерева набок. Валя попыталась было передвинуться к Натке, но была остановлена окриком и потом вздернута на ноги. Молодой парень, грязный, вонючий, с раззявленным щербатым ртом схватил девушку за уши и привлек к своему лицу.

— Хороша Маша и будешь наша, — и заржал, пытаясь поцеловать.

Валя закричала, вырываясь. Видя это, подскочил Витя и бросился на него.

— Не смей! — крикнул он и в это время тот от живота повел автоматом и нажал на курок.

Одиночный выстрел сразил парня и тот, схватившись за грудь, упал на спину, будто споткнулся. Валя с криком бросилась к нему. А в это время из двери выскочили хрипатый с сутулым и бросились к молодому. Сутулый ударом кулака повалил того на землю и вырвал оружие.

— Дурак, — цыкнул он слюной сквозь зубы, — Оружие не получишь, — и толкнул того ногой в бок.

Подозвав свистом другого, постарше, кинул ему автомат. Тот поймал, ослабившись, и повесил на шею. Старший наблюдал сцену с крыльца. Поднявшийся к нему сутулый, что-то сказал и тот, соглашаясь, кивнул. Они вошли в дом.

Иваныч и Вова оттащили окровавленного Витю в сторону, а Нюра осмотрев его покачала головой. Парень был мертв. Валя, сидя рядом, редела, утирая слезы, глядела на осунувшееся лицо убитого. Нюра привлекла ее к себе и, поглаживая по волосам, что-то шептала на ухо. Видимо успокаивала девушку. Та вскоре прекратила плакать и только всхлипывала, глядя на своего напарника. Вова тяжело вздыхал, а Иваныч сидел хмуро глядя на троих бандитов, что шарились по двору. Один из них пнул дровницу и она рассыпалась, другой щупал острие топора и попытался разрубить чурку. Она не поддавалась, и он пнул ее, выругавшись. Охранник свистнул тем двоим, что были во дворе, и они присели на ступеньку крыльца, доставая папиросы и закуривая. Говорили о чем-то негромко, поглядывая на сидящих.

— Эй! Мужики! — крикнул, вставая Иваныч, — Можно снести нашего человека отсюда. Жара, начнет пахнуть. Надо бы похоронить. А то не по-христиански как-то.

Бандиты сидели молча и курили. Иваныч ждал. Потом автоматчик прошел к нему и кивнул.

— Берите его и тащите за дом.

— Эй, Щерый, — свистнул он молодого, того кто убил Витю, — давай сюда топор.

Мужик, которого назвали Щерым, ухмыльнулся и побежал за топором, лежащим около дров. Подхватил его и подбежал к охраннику.

— Слышь, Дуб, — обратился он к нему, — А давай попользуем вон ту молодую. Чего ревет-то. Сделаем ей и нам хорошо.

— Потом, — ослабил Дуб, покачивая оружием в сторону притихшей Вали, — Пока не разрешит старший ни-ни.

Валя тихонько выдохнула и отвернулась. Они уже давно сидели как могли и девушка придвинулась за спину Нюры.

— Давай, тащи мертвяка, — крикнул Дуб, — А ты иди со мной, — оборачиваясь на Щерого. Серый присмотри здесь, — кивнул в сторону сидящего на ступеньках бандита. Тот встал и прошел к ним, вглядываясь в лицо смущенной и испуганной девушки.

— А она ништяк, Щерый, — прохихикал он, утирая рот ладонью, — будет развлечение по полной. Я первый, чур.

— Это почему это ты первый? — закричал Щерый и пошел на него, стиснув кулаки.

— Да потому что, я сиделец давнишний, а у тебя срок только начался и ты салага, хоть и бывший солдат.

— Не солдат, а кадет, а это белая кость. Почти офицер.

— Вот именно, что почти, — ухмыльнулся Серый, — Я сказал и буду первый. Понял! — повисил тот голос, — Или рассказать, как ты подставлял некоторым жопу. Молчи и не вякай, сявка.

Щерый побледнел и выругался, повернулся и пошел, сплевывая, за дом. Следом за ним Иваныч и Вовой понесли мертвого товарища. Вернулись через полчаса.

— Что так быстро? — тихо спросила Нюра Вову, когда тот присел рядом.

— Да они не разрешили копать. Нашли яму и велели закидать ветками. Тот молодой рубил кусты, а мы накладывали. Видать, они бывшие зэки, сбежали и отняли у охраны автоматы. Здесь есть недалеко зона. Только что ж они побежали на осень-то. Видать надо было кому-то срочно на волю. Жаль, что начальник сказал сразу про вертолет. Теперь нас точно убьют, а машину захватят. Уйдут, гады, а потом и пилота грохнут.

Он обернулся к Иванычу.

— Что думаешь, а?

— Не знаю, пока, — мужчина держал Натку на руках, прислонив ее голову к плечу.

Натка то и дело просыпалась и вновь впадала в какую-то спячку.

— Так и надо? — спросил он у Нюры, — Она все время спит.

— Пусть спит, — кивала женщина, — Сон — лучшее лекарство.

Они сидели молча, с отвращением разглядывая своих тюремщиков. Тут распахнулась дверь и вышли трое: старший, сипатый, второй по кличке Конь и Иван Николаевич. Лицо его было разбито, и он еле держался на ногах.

— Эй, Щерый, — крикнул Конь, — подь сюды. Забирай этого к тем остальным.

Тот подбежал и подхватил начальника под локоть. Иван Николаевич, спотыкаясь, кое-как спустился с крыльца и тут его подхватил еще один бандит. Вдвоем они доволокли его к сидящим, и толкнули в спину. Мужчина падал, когда его подхватили Иваныч с Вовой и посадили на землю. Нюра тут же подползла к нему на коленях и осмотрела. Покачав головой, промокала разбитую губу и нос куском оторванного рукава своей майки. Дала в руку ему и наказала вытирать и сплевывать кровь. Тот только помотал головой. Лег и закрыл глаза. Иваныч выспросил, что с ним произошло. Тот тихо рассказал, что его били, выпытывали, когда прилетит вертолет, но он и сам не знал время.

— Сказали же нам — ждите, — рассказывал, задыхаясь мужчина, — Они не верили и били. Наверно сломаны все ребра, дышать тяжело.

Иваныч тяжело вздохнул и повернулся к Натке. Она уже сидела, прикрыв глаза.

— Наташа, что ты? Как себя чувствуешь? — спросил участливо у девушки.

— Так себе. Пока все кружится, как открываю глаза.

— А ты полежи, — Иваныч помог той устроиться, положив на колени ее голову.

Он гладил ее по голове и думал.

— Что же придумать, когда прилетит вертолет? Как дать тому знать, чтобы тот улетал и сообщил об их положении. Они могут захватить машину и направиться куда им надо.

А вот куда, не знал, но понимал, что все не просто так и их побег, и количество и состав

участников.

— Будто воинское подразделение, — хмыкнул устало Иваныч.

Из дома вышел Конь и дал приказ Серому подняться на берег и ждать вертолет. Вручил ему радиотелефон и показал, как им пользоваться.

— Как только покажется, нажимаешь и говоришь, чтобы принимал всех. Пусть повисит, пока все не залезут. Садиться тут негде, поэтому ждать. Спросит кто ты, отвечай Иван Николаевич, вон тот, который лежит. Понял?

Он кивнул и, прихватив трубку, быстро вскарабкался на берег. Оставшиеся двое решили развлечься. Щерый схватил Валу за руку и вытащил из их круга. Она закричала, сопротивляясь, вырывалась. Тот ударил ее в лицо кулаком и она застонала и упала. Подхватив ее за ворот, потащил за дом.

— Там потом оставь, — крикнул, смеясь, Дуб, — только привяжи, чтобы не убежала. Я потом ее отдеру хорошенько.

— Оставьте девочку, — закричала Нюра, вставая, — Как вам не совестно. Она же совсем молодая.

— Вот и хорошо, что молодая, — оскалился Дуб, — не тебя же трахать, старая кошелка. А будешь вопеть, то уйдешь вслед юнца того, что за домом лежит, — погрозил тот оружием.

Нюра села задыхаясь от негодования, а Вова обхватил ее за плечи и прижал к себе.

— Они же изуродуют бедняжку, — утирала слезу женщина, — Потом ей не будет жизни никакой.

Вова что-то шептал ей на ухо, а она все плакала. Иваныч еле сдерживался, сжимая кулаки, но не мог ничего сделать, при том еще на коленях у него лежала Натка. Она была бледна и тихо дышала.

Они слышали крики о помощи и хохот насильника и опускали глаза. Понимали, что ничем не могут помочь. И в этот момент услышали шум винтов вертолета и крик смотрящего. Из дверей выскочили старший и Конь.

— Заводи всех в дом, — крикнул старший, — И где эта сявка щербатая?

— Да там, за углом, девку имеет, — закричал Дуб, бросаясь за дом.

Вскоре показался Щерый, подтягивая штаны. Конь сунул ему кулаком в зубы и тот упал на спину.

— А это за то, чтобы не высовывал свой член, когда не надо.

— Да я и не успел, — сплевывал кровь бандит, — Ты че, Конь? Это я так, поиграть.

— Надо знать, когда можно и когда не время. Тащи всех в дом, свяжи их, и пусть нишкнут. И ту девку тоже.

Щерый кивнул и побежал за дом. Притащил зареванную девушку, с синяком под глазом, распухшими губами и в порванных бриджах. Подняв Ивана Николаевича под руки, Нюра с Вовой повели его в дом, понукаемые автоматчиком, а Иваныч поддерживал за талию шатающуюся Натку.

— Эту ко мне, — показал на девушку Конь, и оторвал ее у Иваныча.

Мужчина бросился за ней, но получил толчок автоматом в лицо. Упал на спину и застонал. Натка было рванулась к нему, но Сутулый схватил ее за шею.

— Еще шаг и пушу пулю ему в живот. Поняла? — прокричал ей в лицо.

Натка кивнула. Один из бандитов приподнял Иваныча и поволок того в дом. Конь, подхватив Натку под руку, потащил ее на берег к приближающемуся вертолету. Там уже находился старший и Серый. Они о чем-то говорили в трубку. Конь подтащил Натку и

старший приказал ей говорить, чтобы пилот завис над ними и сбросил лестницу, так как сесть не было места. К этому времени к ним карабкались еще и те двое, что оставались и связывали наткиных товарищей.

— Дверь подперли? — прокричал Конь.

— Да, — ответил Щерый.

— Ты пойдешь последним, после нее, — закричал Конь, — и вот тебе пистолет. Если будет сопротивляться, стреляй. Понял?

Щерый ухмыльнулся и кивнул. После представления по трубке, пилот узнал Натку и сбросил лестницу. Они оттолкнули ее в сторону и полезли вверх. Сначала Серый, за ним Конь и старший, затем Дуб. Потом машина как-то зашаталась. И тут из кабины вытолкнули пилота. Он упал прямо на край берега и покатился вниз. Машина начала дергаться и подниматься. Из открытой двери выглянул Дуб.

— Давай девку, — закричал он Щерому, наводя на них автомат.

Натка взялась за ускользящую лестницу, но в этот момент Щерый ее оттолкнул и сам схватился за лестницу. Вертолет, колыхаясь, понемногу набирал высоту, поднимая на раскачивающейся лестнице бандита. Из-за его пояса упал пистолет, прямо под ноги Натке. Она подхватила его и навела на машину. Из открытой двери видел все это Дуб и вскинул автомат. Выстрелы прозвучали одновременно. Вертолет взорвался, а девушка осела на землю.

Последнее, что она увидела, это яркую вспышку.

— Где я? — первый вопрос, который она прохрипела и тут же над ее лицом склонились внимательные глаза.

Они были синего цвета.

— Это я уже на том свете? — подумала она и блаженно улыбнулась.

— Натка, любимая, я с тобой, — ответил дорогой ласковый голос.

— Юра? — спросила она удивленно, — Ты тоже здесь, со мной?

— Я здесь и всегда буду с тобой, до самой смерти, — ответил голос любимого мужчины, и нежная рука погладила ее щеку.

Натка прижалась к ней и затихла.

— Навсегда... — прошептала она.

— Навсегда, — ответил его голос.

И она вновь улетела в темноту.

Очнулась Натка через три дня в реанимации областного центра.

Ее лечащий врач сообщил последние новости: она была доставлена в операционную в минуты, когда уже у нее остановилось сердце. Срочно реанимировали и сделали операцию. Пулевые ранения в области легкого. Была на грани. Но выписанные из столицы специалисты, произвели еще одну операцию. Она прошла успешно, и сейчас Натку готовы перевести в палату интенсивной терапии.

Две смеющиеся сестрички катили ее каталку по длинному белому коридору. Потом ввели в светлую комнату, и переложили на высокую кровать. Подключили к приборам и вставили катеторы в вены, для подачи лекарств. Натка обвела глазами просторную отдельную палату с цветным телевизором на стене, холодильником в углу, у большого окна стол с парой удобных кресел. В стене рядом дверь в туалетную комнату, как рассказали ей улыбающиеся сестрички.

— Люкс-палата, для VIP персон, — пояснили ей.

— А я VIP персона? — удивилась она.

— Еще какая, — хихикнули те, и тут вошел врач, молодой мужчина в белом халате с фонендоскопом на шее и с бейджиком на кармане.

— Ну и как? — улыбнулся он, присаживаясь и захватывая ее запястье, — Нравится?

— Мне сказали девочки, что я VIP персона. Это правда?

— Да, — ответил он, просчитав пульс, — И не потому, что знакомая высоких гостей, но и потому, что героиня — помогла уничтожить беглых преступников. Правда, вместе с вертолетом, но пилот остался жив. И всех остальных вашей группы тоже вывезли уже в этот же день. Пилот успел передать, что его атаквали и отобрали машину. Тут же вылетел другой вертолет. Только вывезли сначала вас с начальником, а потом и всех остальных.

— Так наши все живы? — радостно вздохнула она.

— Все. А вам надо поправляться и набираться сил. Скоро к вам пойдут гости навещать. Рвутся уже давно, но разрешу лишь завтра, после обхода. А сегодня только один гость.

— Кто? — удивилась Натка.

— Скоро увидите, — хлопнул ее по руке, — только обещайте мне, что ненадолго.

— Обещаю, — улыбнулась она.

Врач вышел и вскоре дверь открылась и вошел...Юрий с букетом цветов и пакетом.

Натка аж задохнулась от неожиданности.

— Здравствуй, родная, — ринулся он к ней, кинув букет и пакет на стол.

Упал перед ней на колени и, схватив за руку, приложил к губам.

— Ты-ы-ы? — радостно протянула девушка.

В ее глазах заблестели слезы.

— А я думала, что умерла и ты мне там только видишься.

— Нет, это был я все это время с тобой. Как только узнал обстоятельства твоего похода, срочно самолетом вылетел вместе с оборудованием и хирургами. Я чуть было тебя не потерял, — и он прижал ладонь к губам и зажмурился.

Они молчали.

У Натки по щекам текли слезы. Она вытирала их ладонью другой руки.

— Зачем ты здесь?

— Хочу просить прощения и забрать тебя с собой. Ты выйдешь за меня замуж?

Его синие глаза смотрели на Натку умоляюще.

— Как замуж? — удивилась она, — А твоя жена?

— Я разведен. И сегодня опять холост. Тебя же искал и вот нашел. И чуть было не потерял. Так что ты ответишь мне?

Натка смотрела в его встревоженное лицо, в синие страдающие глаза и не смогла сказать «нет»

— Я согласна, — улыбнулась она, — А ты любишь меня?

— Больше жизни.

Свадьба была скромной, в смысле количества гостей, зато платье на невесте таковым не назовешь — куплено прямо с подиума французской выставки самого известного модельера двадцать первого века. Натка была хороша, когда стояла в этом белом платье, покрытая тончайшим покрывалом с узким венком флёрдоранжа на голове, перед аналоем в Успенском соборе на Пятницкой улице. Произнесенны слова «Бог благословит вас» и «можете поцеловаться», Юрий откинул с лица девушки прозрачную ткань и увидел счастливые серые глаза и розовые губы, притягивающие и манящие. Он приник к ним.

— Теперь всегда вместе? — спросил, отрываясь от девушки.

— Всегда вместе, — эхом откликнулась она и вновь приникла к его губам.

Гуляли в небольшом ресторане недалеко от ее квартиры. Да, Юрий тогда выкупил и оставил на ее имени. Надеялся, что она одумается и вернется. Но шли дни за днями, а ее не могли найти. Михаил успокаивал отчаявшегося друга, мол, женщину тогда тяжело искать, когда она меняет свою фамилию на фамилию мужа.

— Успокой, — кричал на него Юрий, — еще скажи, что она вышла замуж.

И расстраивался еще больше. Пил и жаловался на свою несчастную судьбу.

— Не надо было слушаться родителей, — вытирал он пьяные слезы, — Что мне и им дала эта моя женитьба. А, Миш? Только еще больше хлопот и разочарований. Моя жена — наркоманка! Нет, Миш, они не хотели простолюдинку, зато женили на наркоманке! Она же тогда была на ремиссии. Ее лечили и все пошло прахом, как только мы приехали из того злосчастного «медового» тьфу! месяца. Я уже тогда обратил внимание на ее увеличенные зрачки. Видимо уже начала подкуривать. А потом все больше и совсем села на иглу. Лечить ее — себе дороже. Полный абзац!

Он наливал себе и Михаилу и плюхался в кресло, разбрызгивая виски и пачкая рубашку.

— Хотели внуков — а вот тебе, — показывал он кукиш и покручивал им в воздухе, —

Ей уже было поздно. Полная зависимость. Ая? Миш? А мне что делать? Они от стыда смылись в Румынию в свой замок, а я разгребай это дерьмо. Хорошо, что тесть оказался неплохим мужиком и не стал чинить препятствия. Развелись, и тут же открылся шлюз говна по всем СМИ. И все опять на меня. За что? Миш? За что?

— За твою расхлябанность и подчинение, пусть даже и родителям. Это твоя жизнь, Юра, и тебе ее жить. При чем здесь они?

— Вот так я им и сказал, когда объявил о своем решении найти Натку и жениться на любимой девушке. А они? Представляешь — махнули рукой.

— Женись, на ком хочешь, сказал тогда отец сквозь зубы, но нас нет в твоей жизни, а тем более с этой, — передразнил он интонацию отца.

— И вот теперь я хочу, нет, я тебя очень-очень прошу, найти мне мою Наташку, мою Натку. И по гроб жизни буду тебе обязан. Клянусь.

Долго искал ее Михаил, подключив все свои связи и знакомства. И нашел. Правда тогда, когда ее уже везли из того жуткого похода. Быстро заказав самолет и хирургов, Юрий вылетел на место и тут же был поднят весь персонал больницы. Он думал, что сойдет с ума, когда ему сказали, что вернули ее с того света — остановилось сердце. Две полостных операций и десять дней неизвестности.

— Как я тогда не поседел, — говорил он Натке, после их «брачной» ночи, рассказывая о своих мытарствах и страданиях.

— Но все же обошлось? — целовала его жена и гладила по груди и опускалась все ниже и ниже.

— Как долго я тебя хотел! — прошептал он, придерживая у паха ее голову.

Она целовала и ласкала его так, как он всегда любил. И только ее руки, ее губы давали ему такую сладость, только ее тело вводило в такой экстаз, который сравним, наверно, с небесным раем. Он любил ее, любил страстно, всем своим существом и она платила ему тем же. Они проводили ночи в жару и темпераменте, с запалом и на взводе, лихорадочно и пылко, отдаваясь друг другу всем сердцем, всей душой.

Через год Натка родила Юрию сына, и назвали они его Виктором — значит Победитель.

Они победили и были счастливы.

А Иваныча поселили в домике, купленном в пригороде, как он того и хотел. Выбирал сам. Рядом с лесом.

— Не тайга, — смеялся он, — но все же лес. Вот куплю лицензию и мы еще с тобой постреляем, дочка, а там, глядишь, и внучок подрастет.

Туда часто приезжали они всей семьей вместе с Михаилом.

Тот так и не женился. Смеялся, что пойдет под венец тогда, когда встретит такую же, как Натка. Юрий говорил, что раньше надо было отбивать, теперь уж поздно.

— Конечно поздно, — улыбалась счастливая женщина, глядя на мужа и поглаживая себя по уже заметно округлившемуся животу, — Вот дочку ждем, отец, — говорила она радостному Иванычу.

Алексей из геологического поселка, получил лейтенанта и женился на Валюшке. Так уж получилось, когда встретились на объяснении про бандитов. Теперь она с Наткой перезваниваются и обмениваются советами по подготовке к родам. Там тоже ждут прибавления семейства. Тогда, при жутком походе, когда ее потащил бандит для насилия, ничего не случилось. Помешал вертолет. Щерый бросился туда быстрее ветра, так как

боялся, что его оставят и не возьмут с собой. Его взяли. Только где он сейчас? Наверное, в аду. Как и другие бандиты. Да и что о них говорить!

Свою двухкомнатную квартиру в поселке нефтяников, Натка отдала тете Вере. Та благодарила и даже плакала от счастья.

— Так и думала, что старость проживу в комнатке общаги. Спаси вас Христос, — говорила она в трубку телефона, когда поздравляла со свадьбой.

А вот его родители прислали скромное поздравление сыну на страницу в инете. И тишина второй год. Правда, уже несколько дней назад, позвонили и сказали присмотреть за их домом, на предмет приезда.

Хотят познакомиться с внуком. Да и до внучки-то рукой подать!

Больше книг на сайте - Knigoed.net